

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
Филиал «Институт языка и литературы
имени Якуба Коласа и Янки Купалы»

О. В. Герасимович

ВОСТОЧНО-
СЛАВЯНСКАЯ
СЕМАНТИЧЕСКАЯ
АКСИОЛОГИЯ
(вера, надежда, любовь)

Минск
«Беларуская навука»
2013

УДК 811.16'37

ББК 81.2-3

Г37

Научный редактор

кандидат филологических наук *Н. П. Антропов*

Рецензенты:

доктор филологических наук *А. А. Кожина*

кандидат филологических наук *О. В. Фурс*

ISBN 978-985-08-1520-0

© Герасимович, О. В., 2013

© Оформление. РУП «Издательский
дом «Беларуская навука», 2013

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

авест. — авестийский
алб. — албанский
арм. — армянский
арханг. — архангельский
баск. — баскский
бел. — белорусский
белом. — беломорский
болг. — болгарский
брян. — брянский
в.-двин. — верхнедвинский
в.-луж. — верхнелужицкий
влад. — владимирский
волог. — вологодский
гот. — готский
греч. — греческий
дон. — донской
др.-в.-нем. — древневерхненемецкий
др.-англ. — древнеанглийский
др.-греч. — древнегреческий
др.-инд. — древнеиндийский
др.-ирл. — древнеирландский
др.-исл. — древнеисландский
др.-рус. — древнерусский
др.-сев.-нем. — древнесевернонемецкий

енис. — енисейский
забайк. — забайкальский
заур. — зауральский
и.-е. — индоевропейский
иран. — иранский
иркут. — иркутский
ирл. — ирландский
исп. — испанский
ит. — итальянский
казан. — казанский
калуж. — калужский
кол. — кольский
костром. — костромской
курган. — курганский
кур. — курский
лат. — латинский
лит. — литовский
лтш. — латышский
макед. — македонский
моск. — московский
н.-в.-нем. — нововерхненемецкий
н.-луж. — нижнелужицкий
нем. — немецкий
нижегор. — нижегородский
новгор. — новгородский
олон. — олонецкий
онеж. — онежский
орл. — орловский
осет. — осетинский
осташк. — осташковский
пенз. — пензенский
перм. — пермский
петерб. — петербургский
печор. — печорский
позднелат. — позднелатинский
польск. — польский

португ. – португальский
прагерм. – прагерманский
прасл. – праславянский
псков. – псковский
рос. – россонский
рус. – русский
рус.-ц.-слав. – русско-церковнославянский
самар. – самарский
санскрит. – санскритский
сарат. – саратовский
свердл. – свердловский
сев.-двин. – северо-двинский
сев. – северный
серб. – сербский
серб.-хорв. – сербскохорватский
серб.-ц.-слав. – сербско-церковнославянский
сиб. – сибирский
симб. – симбирский
слав. – славянский
слвц. – словацкий
словен. – словенский
словин. – словинский
смол. – смоленский
ср.-в.-нем. – средневерхненемецкий
ст.-бел. – старобелорусский
ст.-польск. – старопольский
ст.-рус. – старорусский
ст.-слав. – старославянский
ст.-укр. – староукраинский
ст.-чеш. – старочешский
тамб. – тамбовский
твер. – тверской
тер. – терской
тобол. – тобольский
том. – томский
тул. – тульский

укр. – украинский
урал. – уральский
франц. – французский
хет. – хеттский
хорв. – хорватский
ц.-слав. – церковнославянский
чеш. – чешский
якут. – якутский
яросл. – ярославский

диал. – диалектный
ЛСВ – лексико-семантический вариант
перен. – переносное значение
поэт. – поэтическое
прост. – просторечное значение
разг. – разговорное значение
стар./устар.– старое/устаревшее значение/лексема

ВВЕДЕНИЕ

Изучение абстрактных аксиологических номинаций, а также сравнительно-сопоставительный анализ лексических систем отдельного языка в его историческом развитии на фоне аналогичных систем близкородственных языков привлекает внимание лингвистов уже не одно столетие. Исследование языковой семантики в ее динамических аспектах, которое является сегодня одним из ведущих лингвистических направлений, представляется также целесообразным и необходимым в связи с актуальностью философских и языковедческих проблем, касающихся отношений языка, мышления и действительности. В настоящее время в научной литературе безусловным императивом выступает интерес к менталитету носителей языка, специфике национально-культурного сознания, языковой картине мира, что связано с современной ситуацией глобализации и взаимовлияния культур (Привалова 2005, 5).

Особую значимость имеют номинации, служащие для именования основополагающих аксиологических феноменов культуры, которые обладают свойством консолидации этнического и национального сообществ. По мнению многих исследователей, в современной лингвистике наиболее достойным внимания представляется аксиологический аспект языка, так как духовные ценности представляют собой «сердцевину» культуры и языковой картины мира (Puzynina 1982; Степанов 1997, 340; Бартминьски 2001, 21; Небжеговска 2001, 26; Маслова 2001, 51). Согласно рассуждениям В. И. Кара-

сика, «разработка ценностных доминант в языке представляется важной для лингвистики, поскольку <...> позволяет интегрировать достижения в области культурологического знания (от В. фон Гумбольдта до новейших лингвострановедческих работ), прагматической и социальной лингвистики. Прикладная польза от изучения рассматриваемой проблемы для преподавания языка, практики перевода, оптимизации межкультурного общения также очевидна» (Карасик 1996, 6). Кроме того, аксиологические установки, одновременно отсылающие как к материальной, так и к духовной культурным традициям, «чрезвычайно редко», – по утверждению А. Ф. Журавлева, – «затрагиваются в связи с реконструкцией особенностей той или иной этнической культуры через языковые свидетельства» (Журавлев 1999, 8).

Абстрактные термины духовной культуры, являясь одной из важных частей языковой картины мира, представлены набором специфичных для отдельного этноса слов-концептов. В каждой национальной аксиологической картине мира существуют наиболее значимые для данной культуры смыслы – ценностные доминанты. Базисный семантический инвентарь славянской культуры составляют лексические единицы, обозначающие общечеловеческие ценности: «добро», «вера», «надежда», «любовь», «честь», «совесть» и др. Как точно определяет А. Ф. Журавлев, «прочность древней славянской аксиологии, конечно же, меняющейся в деталях и обогащающейся, но в кардинальных своих чертах сохраняющейся на протяжении многих веков, свидетельствует о трезвых консервативных основах славянской культуры» (Журавлев 1999, 29). Данные абстрактные лексемы (абстремы), праславянские по своему происхождению, присутствуют в словарном составе всех славянских языков, хотя могут различаться в звуковом оформлении (в связи с результатом действия различных фонетических законов), а иногда и в семантике, поскольку особенные исторические условия формирования отдельных языков могли породить видоизменения в семантических процессах развития одних и тех же слов.

Проблема происхождения и развития абстрактных аксиологических номинаций в восточнославянских языках фрагментарно затрагивается в ряде работ, в частности, Б. А. Ларина (Ларин 1977), А. В. Бастрикова (Бастриков 1989), Ю. С. Степанова (Степанов 1997), Т. И. Вендиной (Вендина 2002), Е. И. Холявко (Холявко 2002), В. В. Колесова (Колесов 2004) и др.

Анализируемые в этой книге лексические единицы *вера*, *надежда*, *любовь* относятся к числу «культурных слов», служат для обозначения высших христианских добродетелей, принадлежат сфере человеческих отношений и отношения к Богу и поэтому наиболее полно отражают духовное богатство народа. Концепты данных понятий были предметом исследования в диссертациях Л. А. Харламовой «Матричный принцип формулы ‘faith, hope, charity’ – ‘вера, надежда, любовь’ и составляющих ее концептов» (Харламова 2006) на материале английского языка и М. И. Жук «Концепты «вера», «надежда», «любовь» в идиостиле Булата Окуджавы» (Жук 2007). Ранее некоторые аспекты семантики слов *вера*, *надежда*, *любовь* в славянских переводах греческого церковного текста затрагивались в очерках М. Ф. Мурьянова (Мурьянов 2007, 349–367). Что же касается изученности компонентов триады в работах русских, белорусских и украинских исследователей, то понятие «вера» анализировалось с философской, религиозной и психологической точек зрения (см. параграфы 3.1, 3.2 монографии); «надежда» стала предметом изучения только в недавнее время, причем исключительно с позиций когнитивизма (см. параграф 4.1); понятие «любовь» привлекало внимание представителей концептуального, сопоставительного, лексико-семантического, лингвокультурологического направлений (см. параграф 5.1).

Настоящая работа, имеющая когнитивно-лексикологическую направленность, посвящена проблеме выявления основных семантических особенностей представления аксиологических номинаций *вера*, *надежда*, *любовь* в лексикографических источниках русского языка на фоне соответствующих фактов белорусской и украинской языковых систем; это осо-

бенно значимо в связи с необходимостью дальнейшего развития сравнительной семасиологии, а также – с практической точки зрения – методики преподавания родственных языков. Исследование, выполненное в рамках современной антропологической лингвистической парадигмы, относится к исторической лексикологии, семасиологии, этимологии, лингвистической аксиологии, ведется в русле ономаσιологического направления и носит диахронический характер.

Теоретическую основу книги составляют труды В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни, В. Н. Топорова, Вяч. Вс. Иванова, Б. А. Ларина, Ю. С. Степанова, В. В. Колесова, А. Вежбицкой, Н. И. Толстого и др. Ключевым принципом является мысль о том, что языковой знак, как и язык в целом, представляет собой один из базовых элементов мировоззрения, и одновременно определенный способ его понимания (В. фон Гумбольдт, А. А. Потебня, Э. Сепир, Б. Л. Уорф, А. Вежбицкая, Н. И. Толстой). В работе доказывается, что **эволюция значений слов *вера, надежда, любовь*** соответствует магистральному пути семантического развития от конкретного к абстрактному, что прямо соотносится с гипотезой О. Н. Трубачева о производности и вторичности большинства «феноменов культуры и их языковых выражений» (Трубачев 2002, 182), в том числе и аксиологических наименований.

Основной материал для исследования взят из восточнославянских лингвистических словарей:

общенационального масштаба на диалектной основе (в соответствии с определением А. А. Плотниковой: Плотникова 2000, 21–55): «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (1863–1866), «Слоўнік беларускай мовы» И. И. Носовича (1870), «Словарь украинского языка» Б. Д. Гринченко (1907–1909);

современные: «Словарь современного русского литературного языка» (в 17 т.; 1948–1965), «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» (в 5 т. (6 кн.); 1977–1984), «Белорусско-русский (великолитовско-русский) словарь» Я. Станкевича (1990), «Словник української мови» (в 11 т.; 1970–1980);

исторические: «Словарь древнерусского языка» И. И. Срезневского (в 3 т.; 1893–1912), «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)» (в 10 т.; 1988–2008), «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (в 27 вып.; 1975–2006), «Словарь русского языка XVIII века» (в 16 вып.; 1984–2006), «Гістарычны слоўнік беларускай мовы» (в 28 вып.; 1982–2008), «Історичний словник українського языка» (в 2 т.; 1930–1932), «Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.» (в 2 т.; 1977–1978), «Украинская лексика сер. XVI века: Няговские поучения (словарь и анализ)» Л. Дэже (1985);

диалектные (академические): «Словарь русских народных говоров» (в 42 вып.; 1965–2008), «Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча» (в 5 т.; 1979–1986), «Тураўскі слоўнік» (в 5 т.; 1982–1987);

этимологические: «Этимологический словарь русского языка» А. Г. Преображенского (в 2 т.; 1959), «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера (в 4 т.; 1964–1973), «Историко-этимологический словарь современного русского языка» П. Я. Черных (в 2 т.; 2004), «Этимологический словарь русского языка» под редакцией Н. М. Шанского (1994), «Этымалагічны слоўнік беларускай мовы» (в 12 т.; 1978–2008), «Етимологічний словник української мови» (в 5 т.; 1982–2006) и др.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ

1.1. Изучение аксиологических номинаций: теория и история вопроса

1.1.1. Антропоцентризм как доминирующий принцип современных лингвистических исследований: история формирования

С конца прошлого века в лингвистике на смену системно-структурной парадигме приходит парадигма антропоцентрическая, функциональная, когнитивная и динамическая, «возвратившая человеку статус «меры всех вещей» и вернувшая его в центр мироздания» (Воркачев 2001, 64). Новизна этой парадигмы весьма относительна, так как идеи антропоцентризма языка имеют очень давнюю историю. Еще в конце XVIII в. Й. Г. Гердер называл в качестве важнейших феноменов человека его язык, культуру, общество и национальный дух. В начале XIX в. В. фон Гумбольдт задумывался над проектом науки о языке, основанной на антропоцентрических началах. На развитие этого направления значительное влияние оказали труды братьев В. и Я. Гримм, Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Л. Уорфа, Э. Бенвениста. В России разработка антропологической проблематики в языке была начата Ф. И. Буслаевым, А. И. Афанасьевым и А. А. Потебней, важное значение имели работы А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, Е. Ф. Карского, Д. К. Зеленина, Г. О. Винокура, Б. А. Ларина и др. О необходимости развития общей глобальной «теории антропологии языка» писал Г. В. Рамишвили (Рамишвили 1978, 205).

О. Н. Трубачев отмечал, что «сравнительно-историческое языкознание, этимология, построенная на них рекон-

струкция в общем давно работают с концепцией антропоцентричности древней (в частности) славянской культуры и языковой картины мира» (Трубачев 1998, 20).

В науке последних десятилетий позиции антропологической лингвистики являются достаточно прочными. С этой областью научного поиска в той или иной степени связана деятельность таких исследователей, как Н. Д. Арутюнова, Ю. Д. Апресян, Н. Л. Виноградова, А. Ф. Журавлев, Вяч. Вс. Иванов, А. А. Кожина, В. В. Колесов, Н. Б. Мечковская, В. М. Мокиенко, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, Н. И. Толстой, С. М. Толстая, В. Н. Топоров, Б. А. Успенский, А. Т. Хроленко, О. А. Черепанова, А. Д. Шмелев и др. Среди зарубежных языковедов следует назвать А. Вежбицкую, Е. Бартминьского, Я. Пузынину, Дж. Гринберга.

1.1.2. Проблематика и предмет антропоцентрических исследований

При антропологическом подходе к изучению языка эксплицитно провозглашается принцип постижения языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью (Постовалова 1988, 8). Некоторые ученые (Е. С. Кубрякова, В. Н. Телия, Р. М. Фрумкина, Г. И. Берестнев, А. В. Кравченко, Д. И. Руденко и др.) современную лингвистическую парадигму называют *когнитивной*, однако эпитет *антропологическая* представляется более удачным, так как позволяет объединить не только когнитивную линию изучения языка, но и функционально-коммуникативную, этнолингвистическую и др. (Щеулин 2002, 13). Антропологическая парадигма позволяет исследовать такие значимые для речевой деятельности феномены, как языковое сознание (т. е. «ансамбль когнитивно-эмотивных и аксиологических структур, национальная маркированность которых обеспечивает их вариабельность от одной культуры к другой» (Привалова 2005, 11)), индивидуальный и национальный менталитет, концептосфера языка, национально-культурные

ценности и стереотипы. Язык при этом трактуется как механизм, обеспечивающий благодаря своей кумулятивной функции преемственность культурной памяти народа (Трошина 2000, 5).

Следует отметить, что в лингвистике, избравшей в качестве своей методологической основы антропологический принцип, в центре внимания оказывается определение того, как человек влияет на язык и как язык влияет на человека, его мышление, культуру (Постовалова 1988, 9). В целом в антропологической лингвистике выявляются две взаимосвязанные научные парадигмы: тенденция к описанию «макромира», т. е. понимание языка как важной составляющей человеческой культуры и бытия (с этим связано появление интегративных дисциплин: психолингвистики, когнитивной лингвистики, социолингвистики, этнолингвистики, лингвофольклористики и т. д.), и стремление к описанию «микромира», важнейшими составляющими которого являются словоцентризм, внимание к отдельным лексемам как средоточиям и выразителям культурного осмысления явлений действительности, иначе – культурная герменевтика слова. Тесным образом с антропологическим направлением в языке связаны проблемы изучения языковой картины мира, проблемы культурной коннотации слова (национально-культурного компонента в структуре лексического значения слова) и др.

Антропологический подход, нацеленный на целостное восприятие факта языка одновременно и как факта культуры, предполагает проведение интегрированных исследований. По мнению С. М. Толстой, сближение языка и других форм культуры, «освоение пограничной полосы становится для гуманитарной науки знаменем времени, в особенности когда речь идет о лингвистике антропологического типа» (Толстая 2008, 203). Постоянный интерес к междисциплинарному подходу, основанному на сочетании данных смежных наук, неоднократно подчеркивался на проходившей в мае 2005 г. в Брно традиционной международной встрече этимологов славянских стран (Janyšková 2006).

Интегративность исследований связана с тем, что одновременный учет всех важнейших для антропологического языкознания феноменов в современной науке пока невозможен, отсюда формирование нескольких научных дисциплин, которые направляют исследовательские усилия на что-то одно, – этнолингвистики, этнопсихологии, этносоциолингвистики, этносемантики, лингвокультурологии, социолингвистики, психолингвистики, когнитивной лингвистики и т. п. Тем не менее, несмотря на терминологическое разнообразие и попытки обособиться, границы разделов антропологической лингвистики, разрабатывающих культуроведческие вопросы, оказываются размытыми, а цели очень близкими. Следует отметить, что и внутри названных направлений «процесс междисциплинарного синтеза и симбиоза продолжается» (Воркачев 2001, 64).

1.1.3. Идиоэтничность, взаимосвязь языка и культуры

Лингвистические исследования последних десятилетий демонстрируют возродившийся интерес к гердеровской мысли об идиоэтничности (resp. понятийной неповторимости) и Гумбольдтовской идее специфичности понимания мира сквозь призму языка. В. фон Гумбольдт утверждал: «В языке мы всегда находим сплав исконно языкового характера с тем, что воспринято языком от характера нации» (Гумбольдт 1985, 373). В понимании лингвиста, «дух оставляет в словах свой отпечаток» (Гумбольдт 1985, 378), поэтому язык тесно связан с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени его развития, отражая в себе каждую стадию культуры (Гумбольдт 1984, 48).

Гумбольдтовский подход к языку продолжила знаменитая «теория лингвистической относительности» Э. Сепира и Б. Л. Уорфа (Звегинцев 1960; Брутян 1968; Васильев 1974; Лебедев 2008, 83–88), согласно которой характер познающей и поведенческой деятельности человека определяется системой конкретного языка: люди членят мир так, а не

иначе, поскольку являются участниками своего рода конвенции, имеющей силу лишь для данного языка: «Мы расчленили природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. <...> Мы сталкиваемся, таким образом, с новым принципом относительности, который гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или по крайней мере при относительности языковых систем» (Уорф 1999, 97–98).

Обозначенный взгляд на детерминизм восприятия действительности может быть превращен (и действительно был превращен) в утверждение, что в языке отражена культура. Например, по словам Дж. Лайонза, «язык конкретного общества является составной частью его культуры, и <...> лексические разграничения, проводимые каждым языком, обычно отражают важные (с точки зрения этой культуры) свойства объектов, установлений и видов деятельности того общества, в котором функционирует язык» (Лайонз 1978, 456–457). Поэтому лингвистика XXI в. активно разрабатывает направление, в котором язык рассматривается как «культурный код нации», а не просто орудие коммуникации и познания (Маслова 2001, 3).

1.1.4. Языковая картина мира и ее представление в лингвистике

Одним из основных понятий антропологического направления является понятие «картина мира». Картина мира – это «атрибут мыслительной деятельности, а формой существования этой картины мира в сознании человека является абстракция в виде понятий и их отношений» (Колшанский 1990, 23).

Если принять во внимание положение о том, что «носители разных языков видят мир немного по-разному, через призму своих языков» (Апресян 1995 2, 351), то языки различаются своими языковыми картинами мира, которые формируются языковым сознанием, т. е. «отразившейся в языке спецификой национальной культуры» (Кобякова 2004, 5).

Как пишет И. В. Привалова, «антропоцентрическая природа феномена языкового сознания несомненна, так как ментальные структуры не существуют автономно <...>. Языковое сознание не только антропоцентрично, но и этноцентрично, так как образ мира меняется от одной культуры к другой, и вследствие этого не существует двух абсолютно тождественных образов мира» (Привалова 2005, 5).

О нетождественности языковой картины мира и картины мира говорят многие исследователи; например, Ж. Ж. Варбот: «языковая картина мира» – это «синхронное соединение разновременных восприятий и толкований, отраженных в языке», тогда как «картина мира» – «представления о мире, духовная культура этноса в определенный хронологический период» (Варбот 2003, 343).

Понятие «языковая картина мира» требует уточнения, так как разные исследователи вкладывают в него разный смысл. Языковая картина мира – это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности. Это понятие восходит к идеям В. фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев (Л. Вайсгербер и др.) о внутренней форме языка, с одной стороны, и к идеям американской этнолингвистики, в частности, вышеупомянутой «гипотезе лингвистической относительности» Сепира–Уорфа, – с другой.

Любое толкование «языковой картины мира» не может претендовать на абсолютную ценность, поскольку это не объективно существующая реальность, а умозрительное построение, используемое его создателями для решения каких-либо теоретических или практических задач, и поэтому разные исследователи, исходя из своих научных интересов и целей, могут наполнять это понятие различным содержанием.

Современные представления о языковой картине мира в изложении академика Ю. Д. Апресяна выглядят следующим образом: каждый язык «рисует» свою картину, изображающую действительность несколько иначе, чем это делают

другие языки (Апресян 1995 2, 348–386). В. Н. Телия считает языковую картину мира продуктом сознания, «который возникает в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире в актах коммуникации» (Телия 1988, 179). Вслед за Е. С. Кубряковой, под языковой картиной мира мы понимаем «часть концептуального мира человека, которая имеет «привязку» к языку и преломлена через языковые формы» (Кубрякова 1988, 142).

Языковая картина мира выступает важнейшим компонентом национальной культуры (Алефиренко 1994, 5), поэтому ее реконструкция составляет одну из актуальных задач современной лингвистической семантики. В последние годы в семантике развивается направление, целью которого является воссоздание русской языковой картины мира на основании комплексного (лингвистического, культурологического, семиотического) анализа лингвоспецифических концептов русского языка в межкультурной перспективе (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, Е. В. Рахилина, Е. В. Урысон, А. Д. Шмелева, Е. С. Яковлева и др.).

Культурная и ценностная картины мира. Учитывая взаимозависимость языка, мышления и культуры (Тер-Минасова 2000, 40), можно говорить о том, что языковая и культурная картины мира тесно связаны, находятся в состоянии непрерывного взаимодействия и восходят к реальной картине мира, а вернее, собственно к реальному миру, окружающему человека. При этом важно подчеркнуть «самобытность культурной картины мира каждого этноса, каждого народа в силу специфичности его духовной жизни» (Бельчиков 2008, 117).

Рассматриваемые понятия «вера», «надежда», «любовь», безусловно, составляют часть культурной картины мира. Однако некоторые исследователи, в частности Т. В. Маркелова, выделяют в качестве ее сегмента «морально-этическую» картину мира (Маркелова 1995, 78), которая также соответствует дискурсу нашего исследования. Кроме того,

понятия «вера», «надежда», «любовь» являются фрагментом ценностной (аксиологической) картины мира, в рамках которой В. И. Карасик предлагает исходить из следующих положений: 1) ценностная картина мира в языке включает общечеловеческую и специфическую части, при этом специфическая часть сводится к различию оценочной квалификации объектов и комбинаторике ценностей; 2) ценностная картина мира реконструируется в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными кодексами; 3) между оценочными суждениями наблюдаются отношения включения и ассоциативного пересечения, в результате чего можно установить ценностные парадигмы соответствующей культуры; 4) в ценностной картине мира существуют наиболее важные для данной культуры смыслы – аксиологические доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке (Карасик 1996, 4–5). Таким образом, понятия «вера», «надежда», «любовь» составляют часть культурной, «морально-этической», ценностной (аксиологической) картин мира.

«Ценность» как ядро аксиологической проблематики.

Ценностная картина мира представляет собой совокупность отдельных ценностей. Термином *ценность* обозначается понятие, фиксирующее положительные или отрицательные качества любого объекта или явления.

Философское определение ценностей предполагает такие материальные или духовные по своему характеру явления, которые имеют положительную значимость для личности, той или иной социальной группы, общества в целом и служат средством удовлетворения его потребностей и интересов. «Ценность» понимают и как «особый тип мировоззренческой ориентации людей, сложившееся в той или иной культуре представление об идеале, нравственных эталонах поведения» (Человек и его ценности 1988). Изучение содержания понятия «ценность», осознание ее значения происходит через постижение понятий «цена» и «оценка».

Многие исследователи отмечали «врожденность» оценочного смысла (Маркелова 1995, 67) и подчеркивали, что «мыслительному аппарату человека присуща оценочная шкала», которая основана на оппозиции понятий «хорошо–плохо», служит основным критерием оценки вещей, событий, явлений и находит свое проявление в познании реальной действительности (Ретунская 1996, 20; Леонтьев 1996, 15). По утверждению Н. Д. Арутюновой, «оценка относится к числу собственно человеческих категорий. Она задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием; она задает его мышление и деятельность, его отношение к другим людям и предметам действительности» (Арутюнова 1984, 5), другими словами, «оценка составляет основу любого вида человеческой деятельности и является одной из наиболее общих психических функций» (Дронова 2005, 24). Оценка определяется также как одна из «форм отражения действительности в человеческом сознании через призму его интересов, потребностей, желаний, его отношение к отображаемому, она фиксируется и кодируется в значениях языковых знаков» (Филимонова 2005, 119–120).

Несмотря на универсальный характер человеческих ценностей, ни в социальной антропологии, ни в социологии, ни в лингвистической аксиологии типология их пока еще не разработана (хотя классификаций предложено немало), более того, нет однозначных определений самих понятий «ценность» и «оценка», как нет и общепринятых стратегий их описания и дифференциации. Отсюда такое разнообразие подходов и классификаций, особенно в зарубежной аксиологии, например, работы М. Шелера, Р. Ингардена, В. Зиллига, М. Рокича, Я. Пузыниной и др. (Вендина 1998, 13; Михальченко 2009). Хотя люди живут в одном обществе, в одном отрезке времени и подчас в одинаковых условиях, ценности по-разному ими осознаются, понимаются и интерпретируются. Это объясняется не только влиянием определенных этнических и социальных традиций, но также связано с тем, что

люди понимают содержание духовных, аксиологических понятий через призму своих родных языков (см. 1.1.3). По мнению Дж. Локка, «большая часть названий, составляющих рассуждения о нравственности, <непереводима>; если из любопытства станут сравнивать такие слова с теми, которыми они переведены на другие языки, то найдут, что очень немногие из последних слов точно соответствуют им во всем объеме своего значения» (Вежицкая 1999, 268; Лаптенко 1999, 166).

Выступающие объектом нашего изучения духовные образования «вера», «надежда», «любовь» можно рассматривать и в связи с понятием «эмоциональность». Следует отметить, что по поводу соотношения понятий «эмоциональность» и «оценочность» существуют различные точки зрения (Бабенко 1989, 9), но представляется уместным в данном случае согласиться с Н. А. Лукьяновой о нерасторжимом единстве обозначенных понятий: «Оценочность, представленная как соотношенность слова с оценкой, и эмоциональность, связываемая с эмоциями, чувствами, не составляют двух разных компонентов значения, они едины» (Лукьянова 1986, 12). Исследуемые абстрактные номинации обладают как оценочным компонентом (признаются положительными ценностями), так и эмоциональным: они сформированы, как и другие чувства, на основе эмоций (Общая психология 1981, 296).

1.1.5. Славянская лингвистическая аксиология как новое интегративное направление в языкознании

Интенсивное развитие идей антропологической лингвистики в последнее десятилетие способствовало становлению нового научного направления – *лингвистической аксиологии* (авторы термина П. Лапи и Э. Гартман; Минина 1995, 1), которая находится на стыке нескольких наук, а именно этнолингвистики, психологической антропологии и социологии. Основные теоретические постулаты аксиологии разработаны в трудах Е. М. Вольф (Вольф 1985), Н. Д. Арутюновой

(Арутюнова 1984; 1988), М. А. Авгановой (Авганова 1976), В. М. Никитевича (Никитевич 1960), Т. В. Маркеловой (Маркелова 1995), М. А. Мининой (Минина 1995), Л. А. Сергеевой (Сергеева 2004), С. С. Хидекель и Г. Г. Когшель (Хидекель 1983). В центре внимания аксиологии находится изучение системы ценностей этноса и способов их репрезентации в языке и духовной культуре. Проблемой ценностей в национальной культуре занимается также *этносемантика*, которая объединяет «различные исследования в области языкознания, культурологии, этнопсихолингвистики, этнографии, выявляющие на конкретном языковом и этнокультурном материале национальную, идиоэтническую специфику того или иного языка в сравнении с другими языками и культурами» (Ольшанский 1998, 21). В работах американских ученых термин *этносемантика* используется вместо термина *этнолингвистика*.

Поскольку аксиология занимается реконструкцией системы ценностей как одной из составляющих этнических и культурных традиций, лингвистическая аксиология связана с кругом проблем, которые решаются этнолингвистикой, – проблемами языка и этноса, языка и культуры, языка и народного менталитета. Нельзя не согласиться с Т. В. Гончаровой, считающей, что «интеграция аксиологии и этнолингвистики открывает широкие перспективы в разработке проблемы реконструкции этноязыковой картины мира» (Гончарова 2002, 43).

В 1980–1990-е гг. лингвистическая аксиология заняла прочные позиции в языкознании славянских стран, в частности, России и Польши. Наиболее значимыми в этой области представляются работы Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, А. Ф. Журавлева, С. Е. Никитиной, С. М. Толстой, Е. Бартминьского, Я. Пузыниной. Вышел ряд сборников и монографий, частично или полностью посвященных лингвоаксиологической проблематике. Аксиологический подход, который рассматривает язык в качестве зеркала базовой системы ценностей социума и важнейшего источника инфор-

мации о ней, успешно применяется для изучения не только современной и общенародной, но и древнейшей, архаической, а также «простонародной», крестьянской ментальности и культуры. Можно констатировать, что в настоящее время идет активный процесс формирования нового направления славянского языкознания. И это вполне естественно: именно аксиология способна дать исследователю ключи к объяснению основ мировоззрения и глубинных мотивов поведения как отдельного человека, так и целых народов, существующих и действующих в определенных социокультурных условиях.

В славянском языкознании сосуществуют два основных направления изучения «языка ценностей». Одно из них *ди-ахроническое*, которое можно было бы еще назвать *историко-лексикологическим* и *этимолого-ономастическим*, выявляет этимологию аксиологически нагруженных лексем, реконструируя содержание соответствующих концептов для «прасостояний» языковой системы и рассматривая влияние действительной и мнимой языковой «наследственности» (в виде синхронической реэтимологизации – истинной и ложной, т. е. народной этимологии) на современное функционирование номинаций. Именно в рамках этого направления проводится и наше исследование.

Другое направление, напротив, принципиально *синхронично*. Его представители изучают свободную (окказиональную) и узуальную текстовую сочетаемость слов, обычно оставаясь в рамках одного временного среза как самого языка, так и базы знаний и картины мира (или типа ментальности и культуры) его пользователей. В этом же русле проводятся исследования свободных внетекстовых ассоциативных связей отдельных лексем, которые способствуют выявлению соотносительных с ними языковых/ментальных стереотипов.

Центральное место в аксиологической системе языка занимает, по мнению А. Гудавичюса, аксиологический аспект лексической семантики (Гудавичюс 1998, 12). Как отмечает

Ю. Д. Апресян, «нынешняя эпоха развития лингвистики – это, бесспорно, эпоха семантики, центральное положение которой в кругу лингвистических дисциплин <...> вытекает из того факта, что человеческий язык в своей основной функции есть средство общения, средство кодирования и декодирования определенной информации» (Апресян 1995, 1, 3). В работах, посвященных аксиологической лексике, язык определяется как источник знания о духовных ценностях (Небжеговска 2001, 27). **Внимание лингвистов обращено в первую очередь на диахроническое исследование духовных понятий конкретного языка, специфики их содержания, путей образования, причин семантических изменений, а также влияния на мировоззрение и поведение народа. Изучение данного пласта лексики, содержащей определенный культурогенетический код, способствует проникновению в образ мыслей представителей конкретного языкового сообщества. Например, методика анализа культурно-языковой картины мира славян и их соседей представлена в ряде работ ученых люблинской этнолингвистической школы (Бартминьски 2010).**

Одним из наиболее интересных проектов, выдвинутых в рамках славянской лингвистической аксиологии, была активно обсуждавшаяся польскими языковедами в 1980-е – начале 1990-х гг. идея создания коллективом под руководством Е. Бартминьского «Польского аксиологического словаря» («Polski słownik aksjologiczny»: Język a kultura 1991). Автор идеи Е. Бартминьски, раскрывая его концепцию, отмечал, что обработка словарного материала должна вести к «воссозданию того идейного содержания, которое оживляло польскую общественную, культурную и политическую жизнь последних столетий, иначе говоря, должно вести к языковой реконструкции польского мира духовных ценностей» (Небжеговска 2001, 26–27; Бартминьский 2005). В связи с важностью объекта исследования была предпринята попытка комплексно рассмотреть семантику названий духовных ценностей на материале польского языка. С этой целью польские (этно)лингвисты определили достаточно

широкий список ценностей, особо значимых с общественной и национальной точек зрения, и в 1993 г. представили свои исследования в томе научных работ «Названия ценностей. Лексико-семантические исследования» («Nazwy wartości. Studia leksykalno-semantyczne»). **Вслед за ними** Е. Л. Березович (Екатеринбург, Россия), Н. И. Зубов (Одесса, Украина), П. Плас и А. В. Юдин (Гент, Бельгия) предложили идею создания «Славянского аксиологического словаря», представляющего собой сопоставительный словарь базовых ценностей славянских национальных традиций (Бессонова 2004). По мнению авторов, «такой синтез является исключительно трудоемким и практически <...> не осуществлялся. В то же время он был бы чрезвычайно полезен не только для нужд собственно лингвистической аксиологии, но и для решения некоторых теоретических задач лингвистики» (Проект САС 2003).

Представляется, что результаты предпринятого нами исследования могут войти составной частью как в собственно русский, так и восточнославянский аксиологические словари, а также в уже довольно давно предложенный для обсуждения и реализации атлас духовной культуры восточных славян (Черепанова 1983, 12), в которых должны найти отражение культурные понятия, имеющие ценностное значение для носителей русского, белорусского и украинского языков.

1.1.6. Понятийно-смысловая характеристика абстрактных имен

Изучение семантики абстрактной лексики требует рассмотрения понятийно-смысловой характеристики абстрактных номинаций. Представляется также необходимым уточнить понимание самого термина *абстракция* и раскрыть историю функционирования в русском языке лексем *абстрактный/отвлеченный*, являющихся базовыми для нашего исследования.

Термин *abstraction* ‘абстракция; букв. удаление, отвлечение’ впервые появившийся в трудах средневекового фило-

софа Боция (480–525 гг.), является латинской калькой греческого слова *αφαρεσις*, употреблявшегося Аристотелем для названия процесса абстракции и его результатов (Горский 1961, 20). Энциклопедия определяет абстракцию как «мысленное отвлечение от множества сторон, свойств, признаков и связей конкретного предмета, явления или события и мысленное выделение отдельных его сторон и признаков; отвлеченное понятие, возникшее в результате этого процесса» (БСЭ, 41). Следовательно, различают процесс абстрагирования и абстракцию как его результат. Это понятие, по мнению философа М. А. Розова, – результат не только процесса абстрагирования, но и результат других познавательных процессов. В процессе образования понятия могут участвовать сравнение, обобщение, анализ, синтез, операции вскрытия причинно-следственных связей и т. д. (Розов 1965, 12).

Функционирование в русском языке терминов *абстрактный/отвлеченный*. Славянизмы *отвлеченный*, *отвлечение*, *отвлекать* в древнерусском языке использовались только в прямых значениях. С такой семантикой данные слова употреблялись и в первой половине XVIII в., а со второй половины в специальных контекстах они начинают использоваться в следующих значениях: *отвлеченный* ‘абстрактный’, *отвлечение* ‘абстрагирование’, *отвлекать* ‘абстрагировать’. Однако несколько ранее для обозначения названных понятий использовались лексемы *отделенный*, *отделение*, *отделять*, которые в ряде случаев были прямо соотнесены с иноязычным прототипом: *Мы получаем понятия о единственных вещах одними чувствами, а понятия об образах и родах – через искусство отделения*¹ (*artificio abstrahendi*) (Копорская 1988, 109).

Очевидно, славянизмы *отвлеченный*, *отвлечь*, *отвлеченное* в силу своей семантики (наличия переносного отвлеченного значения в производящем глаголе *влечь* и ослабленно-

¹ Здесь и далее выделения в тексте наши. – О. Г.

сти конкретного значения) оказались более удобными для выражения новых понятий. Как и слова *отделенный*, *отделение*, *отделять*, они в некоторых случаях при употреблении сопровождаются глоссами, явно указывающими на источник их семантического преобразования, например, понятия *повсеместные* или *отвлеченные* (*notiones universales vel abstractae*). Эти наименования широко используются в просветительской литературе на философские и естественнонаучные темы: (*Схоластики*) *гонялись за качествами сокровенными, за **отвлеченными** от вещества* (Копорская 1988, 110). С конца XVIII в. появляется существительное *отвлеченность* (при обозначении качества и самого отвлеченного предмета, понятия). В 30–40-е гг. XIX в. в русский литературный язык заимствуется слово *абстрактный*, которое вступает со славянизмом *отвлеченный* в синонимические отношения (Копорская 1988, 109–110).

Смысловая характеристика абстрактных имен. Слова, относящиеся к абстрактной лексике, не имеют денотата, который существовал бы в виде отдельного предмета объективной и непосредственно наблюдаемой действительности. Определение денотатов таких слов всегда есть та или иная операция над уже существующими понятиями (Степанов 1977, 320–321).

При анализе отвлеченной лексики сложной проблемой является установление критериев (признаков), определяющих абстрактное слово (Чернейко 1997, 318–320). Решению данной проблемы в некоторой степени может способствовать, по мнению В. П. Сташайтене, исследование «логикосмыслового содержания слова» (Сташайтене 1968, 116–117). Изучавшая прагматику абстрактного имени Л. А. Брусенская полагает, что «абстрактное имя представляет собой высшую форму ментальной деятельности человека, поскольку оно обобщает такие стороны действительности, которые ничем, кроме мысли, не объединены. Абстрактные имена – это своего рода артефакты: они предметы духовной культуры, «духовные предметы», которыми дух измеряет

действительность» (Прагматическая информация 2004, 114). Исследуя семантический и прагматический аспекты абстрактного имени, Л. О. Чернейко говорит о том, что абстрактное имя заключает в себе «невидимый, умопостигаемый, интеллигибельный мир» (Чернейко 1995, 74). Согласно рассуждениям А. П. Бабушкина, концепты абстрактных номинаций «чрезвычайно текучи» и являются «калейдоскопическими» по аналогии с названием оптического прибора-игрушки, при поворачивании которого заложенные в трубку стеклышки и камешки отражаются в системе зеркал и образуют меняющиеся цветные узоры. За калейдоскопическими концептами не закреплён постоянный ментальный образ, всякий раз этот образ способен «калейдоскопически меняться» (Бабушкин 1997, 177–178). Сходной точки зрения придерживается и Л. О. Чернейко: «Сумма признаков», составляющих содержание абстрактного имени, в каждом случае уникальна» (Чернейко 1995, 75).

Как говорит Т. Н. Снитко, абстрактные понятия могут также восприниматься и как *предельные* (Снитко 1999, 14), предпосылками к появлению которых послужил путь развития культуры ко все большему абстрагированию знаний и наличие особого слоя абстрактной лексики. Предельные лексические абстракции своей природой указывают на динамику языкового мышления. Лексика, выражающая предельные понятия, обладает свойствами, которые допускают постоянную переинтерпретацию лексических значений (ср. с «калейдоскопичностью»). В связи с этим необходимо отметить, что «список «собираемых» предельным понятием культурных значений и смыслов принципиально открыт», это относится и к списку самих понятий (Снитко 1999, 8, 14).

Изучение принадлежащих сфере духовной культуры абстрактных понятий является весьма непростым занятием в силу того, что они относятся к числу наиболее неоднозначных, трудно постигаемых и интерпретируемых, так как представляют собой «имена сложных ситуаций» (Филлмор 1983, 119).

1.2. Лексикографические источники как объект лингвистического исследования

Как справедливо отмечает И. Г. Добродомов, «значимость лексикографического материала в историко-этимологических изысканиях трудно переоценить» (Добродомов 2006, 132). Действительно, сравнение словарей различных эпох (внутриязыковое сопоставление), заключающееся в «выстраивании диахронной вертикали сменяющих друг друга синхронных срезов», может дать богатый материал для изучения закономерностей изменения значений абстрактных культурно маркированных слов и позволит с некоторой степенью вероятности спрогнозировать их дальнейшую эволюцию, ведь «слова большого культурного диапазона никогда не останавливаются в своем историческом развитии» (Будагов 1971, 65).

Анализ словарных статей в работе производится с учетом следующих характеристик: количество представленных значений; последовательность расположения значений и их дополнительных смысловых оттенков в словарной статье; значения, не выделяемые в других словарях; характер материала, иллюстрирующего отдельные значения; датировка памятников.

Представляется необходимым описать основной терминологический аппарат, используемый в исследовании. Слово *лексема* употребляется в традиционном значении, отраженном в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (ЛЭС 1990, 257), а также понимается как «звуковая оболочка слова» (Толстой 1963, 30). Под *лексическим значением слова* обычно подразумевают его «предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы этого языка» (Виноградов 1977, 169). Вслед за В. А. Звегинцевым (Звегинцев 1957, 126) лексическое значение слова понимается нами как совокупность его лексико-семантических вариантов (семем, значений). Термин *семантическая структура слова* используется нами в значении 'сложное

единство взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов слова, совокупность всех его ЛСВ⁷ (Шкнай 1987, 36; Стариченко 2008, 537). «Понятие» трактуется также классически: как «мысль, отражающая в обобщенной форме предметы и явления действительности посредством фиксации их свойств и отношений; последние (свойства и отношения) выступают в понятии как общие и специфические признаки, соотнесенные с классами предметов и явлений» (ЛЭС 1990, 383–384).

1.2.1. Лексическая полисемия и закономерность изменения значений слов

Рассматриваемые абстрактные лексемы *вера*, *надежда*, *любовь* принадлежат к числу многозначных, поэтому целесообразным представляется освещение некоторых вопросов, связанных с лексической полисемией, которая представляет собой *структуру многозначности*, т. е. модель соотношения и иерархии значений многозначного слова, семантическое расстояние между его значениями (Толстая, Семантическая реконструкция 2008, 454). По словам В. П. Стасхайтене, «установление логической последовательности с точки зрения смыслового содержания многозначной абстрактной лексики представляет собой важную лингвистическую проблему» (Стасхайтене 1968, 118).

В традиционном понимании, отраженном в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой, *полисемия* – это наличие у слова «нескольких связанных между собой значений, обычно возникающих в результате видоизменения и развития первоначального значения» (Ахманова 2007, 335). Фактором, ведущим к семантической дифференциации лексемы, является синкретичный характер этимона, отсутствие четко ограниченного объема, «диффузность» понятия, в состав которого может входить несколько признаков, недостаточно «расчлененных» между собой. По общему выражению Г. Н. Складневской, «семантическая ор-

ганизация многозначного слова – это зеркало, в котором отражаются собранные воедино фрагменты действительности, нередко весьма отдаленные в общей картине жизни, соединенные опосредованными, невидимыми при поверхностном взгляде нитями» (Скляревская 1993, 129).

Совокупность всех значений полисемантической лексической единицы принято называть *смысловым объемом слова* (Уфимцева 2004, 83). Учет семантических отношений, складывающихся между разными значениями слова, особенно важен в сравнительно-сопоставительной семасиологии близкородственных языков. Нередко именно определенный тип семантических отношений является единственным различительным признаком плана содержания (семантической структуры) слов разных языковых систем – даже и близкородственных, обладающих тождественным или сходным набором семантических признаков. Это проявляется прежде всего в том, что то или иное значение лексемы является основным в одной из языковых систем, в другой же оно второстепенное. Основное значение слова – понятие историческое, «неконстантное» (Выготский 1999, 283); в ходе развития языковой системы возможно перераспределение значений отдельных слов, причем на первый план может выдвинуться то значение, которое раньше было менее актуальным, а собственно процесс такого прераспределения, так же как и изменение употребительности слова в том или ином значении, протекает неодинаково в разных языках (Шкнай 1987, 37).

Изменение значений во времени – факт бесспорный (Трубачев 2004, 112), однако по поводу закономерностей семантических изменений существуют две точки зрения. Первая из них принадлежит А. Мейе, который говорил о невозможности установления семантических законов в силу того, что каждое слово развивается своим индивидуальным путем; примерно этой же позиции придерживались М. Бреаль, Г. Шухардт, Л. Вайсгербер (Звегинцев 1957, 253). Противоположную позицию занимали А. А. Потебня, М. М. Покров-

ский, О. Есперсен и др., причем М. М. Покровский еще более ста лет тому назад отмечал: «Семасиологические явления не отличаются большим произволом, но, наоборот, за ними скрываются какие-то законы» (Покровский 1895, 3).

Материал, накопленный в семасиологии, ономасиологии и особенно в этимологии, дает бесспорные свидетельства того, что эволюция значения слова всегда имела внутреннюю мотивировку, объясняемую актуальностью условий, в которых рождались и закреплялись те или иные значения слова (Колшанский 1976, 14). По мнению О. Н. Трубачева, кажущееся отсутствие регулярности и закономерности, свойственное семантическим изменениям, объясняется их сложностью. Все изменения значений слов закономерны, «все дело в нашем знании или, чаще, незнании всего семантического контекста, который состоит не только из лингвистических, но и культурных звеньев» (Трубачев 1988, 295). Э. Косериу утверждал, что «культурным словам присуще историческое развитие, а не «эволюция», как естественным объектам» (Косериу 2001, 128). Однако думается, что развитие абстрактного мышления на основе конкретного, как и развитие отвлеченных наименований на базе конкретных, представляет собой как раз эволюцию (Мурьянов 2007, 124).

1.3. Сравнение близкородственных языков: проблемы и перспективы

В настоящем исследовании сопоставляются не только восточнославянские языки, но и языковые сознания их носителей. Следует отметить, что идея «сравнительной антропологии» (и обоснование ее значимости) была выдвинута еще в XVIII в. В 1798 г. В. фон Гумбольдт в письме к И. В. Гете сообщает о возможности создания «новой науки – сравнительной антропологии», направленной на выявление специфики духовной организации различных социумов через сопоставительное исследование индивидуальных характеров, «характеров человеческих обществ» (Рамишвили 1985,

309). В сущности, выдающийся немецкий энциклопедист «сделал набросок» той науки, которую сейчас называют *сравнительной культурологией*, но, разумеется, полное тождество между указанными науками отсутствует: гумбольдтовская сравнительная антропология шире современной сравнительной культурологии, так как в соответствии с его утверждением, «сравнительная антропология исследует характеры целых классов людей, в первую очередь – характеры наций и эпох» (Гумбольдт 1985, 324). О необходимости сравнительного подхода он писал: «Но как можно в достаточной мере познать характер одной нации, не изучив одновременно и другие, находящиеся с нею в тесной связи, контрастные отличия которых, с одной стороны, собственно и сформировали этот характер, а с другой стороны, единственно и позволяют его полностью понять?» (Гумбольдт 1984, 319). Как отмечает Г. В. Рамишвили, исследования, проведенные в русле «сравнительной аксиологии» (в том числе, как представляется, и настоящая работа. – О. Г.), позволили бы наполнить конкретным содержанием «сравнительную антропологию» (Рамишвили 1985, 317).

Говоря о лексическом своеобразии, нельзя не согласиться с мнением представителей Пражского лингвистического кружка о том, что «каждый язык в каждую эпоху обладает своей особенной лексической системой. Но оригинальный характер каждой из этих систем выступает с особенной ясностью только при сопоставлении одной системы с другой» (Тезисы ПЛК 1967, 38). Очевидно, что славянские языки представляют в этом отношении большой интерес, так как именно при наличии большого сходства лексического материала индивидуальные признаки структуры различных систем выявляются здесь с наибольшей ясностью. Сопоставительный анализ лексико-семантических систем близкородственных языков позволяет определить общие и национально-самобытные особенности, расширить представления о внутренних законах, причинах, обусловивших развитие дифференциальных черт, о тенденциях дальнейшего функ-

ционирования и развития языков. Именно этим обусловлена актуальность в современной лингвистике сравнительно-сопоставительного изучения лексических систем близкородственных языков, в том числе восточнославянских (Сопоставительное описание 1990, 6; Будагов 1980, 271). Кроме того, существует специальная исследовательская программа «Сопоставительное исследование национального языкового сознания славян» (Уфимцева 2001, 66). В данном отношении существенно высказанное достаточно давно мнение Б. Ю. Нормана о том, что «базирующаяся обычно на сопоставлении генетически далеких друг от друга лексических систем гипотеза Сэпира–Уорфа дает интересные результаты и применительно к близкородственным языкам» (Норман 1970, 158).

Единство происхождения, близость исторических судеб и территориальная «неразобщенность» (Функционирование русского языка 1981, 61) русского, белорусского и украинского народов во многом определили общее направление развития их языков и лексических систем в частности. Однако «проблема изучения близкородственных языков, как отмечал Р. А. Будагов, имеет свои особенности и свои трудности. Установить специфические отношения между близкородственными языками в отличие от языков родственных, но не имеющих подобной степени близости, задача совсем не такая простая, как это иногда кажется» (Будагов 1976, 8). Г. П. Нешименко также отмечает, что «сопоставительное изучение представляет собой весьма трудоемкий жанр лингвистического исследования, предполагающий тщательную предварительную обработку языкового материала, его обстоятельный анализ» (Нешименко 2007, 251). Как считает Ф. П. Филин, «неизмеримо легче описать отдельный язык или диалект, подготовить двуязычные и многоязычные словари и сопоставительные грамматики, чем получить итоговые данные, чем и как отличаются родственные, в том числе и близкородственные, языки друг от друга, каков удельный вес их сходств и различий» (Филин 1981, 194).

Н. В. Сабуркина в работе «Общее и специфическое в структуре языкового сознания славян (на материале русского, белорусского, украинского, болгарского языков)» (2005) утверждает, что указанные языки (точнее, единицы ядра языкового сознания представителей данных народов) «обладают высокой степенью структурной и содержательной близости» (Сабуркина 2005, 14): в группе «Ценности» было обнаружено наибольшее число совпадений для всех четырех языков, а в группе «Чувства и эмоции» отмечены в ходе сравнения пять реакций, общих для данных народов: *любовь, надежда, радость, страх, счастье* (Сабуркина 2005, 9); попарное сравнение общего количества совпадений показало, что наиболее близким является ядро сознания белорусов и украинцев (Сабуркина 2005, 11).

**ВЗАИМОСВЯЗАННОСТЬ КОМПОНЕНТОВ
АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ТРИАДЫ
«ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ»**

Учитывая важность описания реально существующих в языке смысловых связей (Аникин 1988, 17) и тот факт, что «абстрактные имена через сочетаемость представляют стоящую за ними сущность» (Чернейко 1995, 76), представляется целесообразным исследовать формульность триады «вера, надежда, любовь» и иконичность ее языковой структуры, а также провести этимологическую реконструкцию указанных лексем. Совмещение данных подходов при анализе представляется необходимым, так как полученные выводы объяснят сам факт сочетания указанных слов в определенной последовательности в пределах одной синтагмы.

**2.1. Духовные ценности «вера», «надежда»,
«любовь»: проблема идентификации**

У многих исследователей не вызывает сомнения тот факт, что для славянской культуры в целом характерен приоритет духовных ценностей над материальными. По мнению Н. Л. Виноградовой, «эти принципы высокой духовности и составляют глубинную матрицу, лежащую в основе процессов этнического взаимодействия восточнославянских народов» (Виноградова 2002, 22).

Одной из самых почитаемых христианских добродетелей является триада «вера, надежда, любовь». Это сочетание можно найти как в современных произведениях литературы на самых разных языках, так и в источниках, возраст которых исчисляется тысячелетиями.

Во II в. н. э. высшие христианские добродетели, распространяемые учением Нового Завета, закрепляются в име-

нах сестер Веры, Надежды и Любви, представляющих собой кальки греческих женских имен Πίστις ‘Вера’, Ἐλπίς ‘Надежда’, Ἀγάπη ‘Любовь’. В 137 г. н. э. сестры Вера, Надежда и Любовь по приказу римского императора Адриана за отказ отречься от христианской веры были казнены на глазах у своей матери Софии, которая на третий день после казни скончалась от скорби на их могиле (Святые мученицы 2009; Страдания святых мучениц 1993). Европейская культура переосмыслила образ легенды в духе классического западного рационализма: *Sophia* ‘мудрость’ выступает «матерью», основой и истоком общечеловеческих ценностей, даже наиболее эмоционально окрашенных (НФС 2001, 653; Мурьянов 2007, 351–360); в иудаистических и христианских религиозно-мифологических представлениях София – «олицетворенная мудрость божества» (Мифы 2008, 464).

В восточнославянских языках присутствуют все три женских имени. Что касается западно- и южнославянских языков, то только в болгарском и македонском (т. е. в одном, хотя и расчлененном, этноязыковом/этнокультурном регионе) употребляются три имени (ср. болг. *Вера, Вяра, Нада, Надежда, Любка, Любов* и макед. *Вера, Нада, Надежда, Љупка*). В остальных славянских используются лишь два антропонима – *Вера* и *Надежда*: серб. *Вера, Нада, Надежда*, хорв. *Vera, Vjera, Nada*, словен. *Vera, Nadja*, польск. *Wera, Wiera, Nadzieja*, чеш. *Věra, Nad'a*, словц. *Viera, Nadežda* (Кабанова 2005, 753).

«Все связующие и содержащие: веры, надежда и любви» (1 Кор. 13:13) – стали одним из самых почитаемых триединных духовных образов Святой Руси. Три общепринятые добродетели являют собой основу сакральности, выступая высшим духовным идеалом. Они подлежат безусловному почитанию и охраняются со всевозможной трепетностью. Это связано с тем, что «реальный мир в христианском дискурсе – это мир дисгармонии» (Казнина 2004, 49), а следование добродетелям способствует гармонизации отношений человека с миром, приобщению к истине, духовному познанию.

Рассматриваемые лексемы входят в фундаментальную также и для европейской культуры аксиологическую формулу «вера, надежда, любовь» (НФС, 157). А. А. Брудный в работе «Психологическая герменевтика» причисляет исследуемые слова к базовым ценностям и «*экзистенциальным благам*» (Брудный 1998, 75), в которых выражены основные убеждения, принципы и жизненные цели.

Представленные понятия являются *универсальными*, так как присутствуют во всех культурах, органично связанных с христианством, и вербально в них закреплены; это позволяет нам говорить о «духовном единстве человечества» (Вежбицкая 1996, 380–381), несмотря на все громадное разнообразие его культур.

Если следовать рассуждениям С. Г. Воркачева, то понятия духовной культуры («веру», «любовь» и др.) можно отнести к числу *предельных понятий*, но не только потому, что они являются «результатом максимальной степени абстрагирования, достигаемой мышлением в попытке осмысления мира» (Снитко 1999, 1), они *телеономны*, т. е. связаны с формированием у человека смысла жизни (Воркачев 2007, 129). Телеономными же, по его мнению, необходимо считать «высшие духовные ценности, образующие и воплощающие для человека нравственный идеал, стремление к которому создает моральную оправданность его жизни, — идеал, ради которого стоит жить и не жалко умереть» (Воркачев 2003, 24). Русский философ XX в. Н. А. Бердяев называл добродетели веры, надежды и любви *теологальными* (Бердяев 1997, 4).

Можно предположить, что трудности в определении и истолковании подобных ментальных образований связаны не в последнюю очередь с «многомерностью семантического наполнения и социокультурной и дискурсной вариативностью, обуславливающими «размытость», нечеткость их семантических границ» (Воркачев 2007, 129).

2.2. Культурно-семантическое единство компонентов триады

Многие богословы подчеркивали идею неразрывности, взаимозависимости исследуемых духовных понятий; в частности, Блаженный Августин писал, что «нет любви без надежды, нет надежды без любви, нет обеих без веры» (Августин 1996, 8), а протоиерей Владислав Свешников считает, что любовь как высшая нравственная христианская добродетель «раскрывается в жизни человека лишь в предметной связи с двумя другими добродетелями – верой и надеждой» (Свешников 2001, 525). В этом смысле весьма показательна метафорическая проекция триады, предложенная преподобным Иоанном Лествичником: «По моему разумению, вера подобна лучу, надежда – свету, а любовь – кругу солнца. Все же они составляют одно сияние, одну светлость» (Иоанн Лествичник 2005, 458).

Данные «Русского ассоциативного словаря» указывают на тесную ассоциативную связь понятий «вера», «надежда», «любовь» в сознании носителей современного русского литературного языка: **вера**: *надежда* 15 (реакций на слово-стимул); *надежда* | *любовь* 13; **верить**: *любить* 16; *надеяться* 13; *любовь* 8; *надежда* 7 (РАС, 82); **надежда**: *вера в лучшее* 4; *вера, любовь* 3; **надеяться**: *верить* 22; *и верить* 15: *любить, любовь, надежда* 3 (РАС, 343); **любовь**: *вера* 1; **любить**: *верить* 3; *и верить* 2 (РАС, 302–303). Весьма близки к отмеченным русским данные, которые приводит «Український асоціативний словник» С. Мартинек (2007; *надія* как слово-стимул здесь отсутствует): **віра** (у респондентов-мужчин): *надія* 8; *надія, любов* 5; (у респондентов-женщин): *надія* 10; *любов* 1; **вірити** (у респондентов-мужчин): *віра* 3; *в любов*; *надія* 1; (у респондентов-женщин): *віра*; *надія* 3; *любов* 2; *в любов*; *у віру* 1; **любов** (у респондентов-мужчин): *надія* 1; (у респондентов-женщин): *вірність* 2; *вірна* 1; **любити** (у респондентов-мужчин): *довіряти* 1 (у респондентов-женщин):

довіряти 2 (Мартінек 2007, 72, 178–179). К сожалению, в «Асацыятыўным слоўніку беларускай мовы» (1981) А. И. Титовой лексемы *вера*, *надзея*, *любоў* не отражены.

Очевидно, что у русских наибольшее количество ассоциаций вызывает первый компонент триады, причем существительное *вера* обнаруживает 15 реакций *надежда* и 13 *надежда* | *любовь*, а глагол *верить* – 16 *любить* и 13 *надеяться*. Второй компонент (*надежда*) имеет равную ассоциативную связь (3) как с *верой*, так и с *любовью*, что, вероятно, связано с его промежуточным, срединным положением в аксиологическом комплексе. Интересно, что глагол *надеяться* порождает только 3 ассоциации *любовь*, *надежда* и 22 ассоциации *верить*, что свидетельствует о более тесной связи слов *надеяться* и *верить* в сознании носителей русского языка. Слова-стимулы *любовь* и *любить* имеют связь только с *верой* и *верить*. Показательно в этом отношении мнение христианского философа и теолога Пауля Тиллиха: «Любовь – это элемент веры», а «вера подразумевает любовь» (Тиллих 1995, 208).

Безусловно, не случайно почитание именно триады, так как число «три» «символизирует духовный синтез» и «связано с базовыми принципами» (Керлот 1994, 577). Г. А. Цыхун называет числительное «магическим» (Цыхун 1998, 274), ссылаясь на известную статью В. Н. Топорова, в которой подчеркивается сакральная функция числа «три» (Топоров 1979). А. Я. Гуревич считает тройку «символом всего духовного» (Гуревич 1984, 300), к «тройственной структуре» А. И. Степанов причисляет и теологическое сочетание «вера, надежда, любовь» (Степанов 2004, 75, 124).

Классический именник христианского календаря также отражает культурно-семантическое единство аксиологического комплекса «вера, надежда, любовь»: по православным святцам родившимся 17 (30 по новому стилю) сентября девочкам выбирали имена из ряда «Вера, Надежда, Любовь и София».

2.3. Значимость триады «вера, надежда, любовь» в языковом сознании русского и других восточнославянских народов

Сочетание слов *вера, надежда, любовь* часто выступает названием поэтических, прозаических и музыкальных сборников, например, книги П. М. Градова (1994), И. В. Шмаева (1994), С. И. Сапоненко (2006), А. А. Щербакова (1990), Я. И. Гордона (1988), Ю. Н. Безелянского (1998), С. Г. Острового (1971), В. П. Соколова (1977), И. Н. Узкова (1962), Н. М. Ершова (1974), А. О. Авдеенко (1962), Д. А. Мищенко (1971), Н. Т. Кирильченко (1969), Е. Н. Птичкина (1991) и др. Московское издательство «Эксмо» выпускает серию любовно-исторических романов под названием «Вера, надежда, любовь» (см., например, Вербинина 2008, Мельникова 2007). Протоиерей Григорий Дьяченко издал в 3 томах катехизические поучения под названием «Вера, надежда, любовь» (1898), причем каждый из томов получил название одной из добродетелей (Дьяченко).

Традиционная встреча жителей Беларуси, Украины и России 23 июня 2007 г. в городе Гомеле «прошла под знаком веры, надежды и любви» (Встреча 2007); девизом выставки «Православная икона России, Украины и Беларуси», которая состоялась в День святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии 30 сентября 2008 г. в Национальном художественном музее Беларуси, стали именно эти христианские добродетели. В интервью БелаПАН генеральный директор Третьяковской галереи В. Родионов отметил: «Мы все надеемся, что Вера, Надежда, Любовь окрыляют нашу выставку и будут серьезным стимулом ее проведения и в дальнейшем, а также в отношениях между нашими тремя государствами» (В Минске 2008). Показательной в этом отношении представляется цитата из альбома А. К. Длусского «Я вас люблю, мои друзья!» (2008): «Беларусь, Украина, Россия – это вера, надежда, любовь».

Что касается виртуального пространства, то от православной церкви покровителями интернета неофициально

считаются четыре великомученицы – Вера, Надежда, Любовь и Софья; неудивительно, что день покровителей интернета отмечается 30 сентября (День 2008). Важность рассматриваемых ценностей для языкового сознания восточных славян можно подтвердить также значительным количеством извлеченных из интернет-источников (при помощи поисковых систем Google.com, Mail.ru, Yahoo.com) сведений о культурных – **материальных и нематериальных – объектах** (кафе, амулетах, центрах, конкурсах, фестивалях, выставках, благотворительных организациях и фондах и проч.), наименованием которых является триада «вера, надежда, любовь»: на территории России – 52 объекта, Беларуси – 15, Украины – 11 (см. приложение 1). Кроме того, там же содержится информация о большом количестве религиозных сооружений (церквей, часовен, храмов), в названии которых закреплено сочетание «вера, надежда, любовь»: в России – 18, Беларуси – 3, Украине – 5 (см. приложение 2; см. также Приходы 2001, 8, 103, 138).

2.4. Лексемы *вера, надежда, любовь* по данным частотных словарей восточнославянских языков

Согласно данным «Частотного словаря русского языка второй половины XVI – начала XVII века» (1974) А. А. Грузберга, в котором нашла отражение лексика 27 памятников, представляющих все стилистические разновидности литературно-письменной речи периода формирования русского национального языка, частота лексемы *вера* составляет 746, *любовь* – 246, *надежда* – 32, а *надежда* – 28 (Грузберг 1974, 102, 212, 228). Численное преобладание слова *вера* вполне закономерно и может быть объяснено духовно-религиозной и нравоучительной тематикой литературных памятников того времени. Следует отметить и то, что более употребительной была исконная *надежда*, а не старославянское заимствование *надежда*.

В «Частотном словаре русского языка» (1977) под редакцией Л. Н. Засориной отмечено, что общая частота слова *вера* составляет 96, *любовь* – 140, *надежда* – 134 (ЧСРЯ, 82, 307, 341). Сравнивая данные обоих словарей, отметим, что количественная иерархия кардинально изменилась: частота употребления лексемы *надежда* значительно увеличилась, немного уступая *любви*, *вера* же утратила высокие количественные показатели; это объясняется тематикой и жанровыми особенностями используемых произведений, представленных художественной прозой и драматургией – исключительно советской литературы, а также газетно-журнальными, научно-популярными и научно-публицистическими текстами.

«Частотны слоўнік беларускай мовы» (2006) Н. С. Можейко дает следующие данные: общая частота лексемы *вера* в 122 фрагментах текстов составляет 165, *надзея* – 253 в 184 фрагментах, *любоў* – 244 в 167 фрагментах (Мажэйка 2006, 88, 283, 255); лексический материал отбирался из поэзии, художественной прозы, разговорного и делового языков, устного народного творчества, публицистики.

В «Частотним словнику сучасної української художньої прози» (1981) отмечается, что относительная частота лексемы *віра* в прямой речи составляет 0,0304%, *надія* – 0,0148%, *любов* – 0,0184%, а в авторской речи: *віра* – 0,0089%, *надія* – 0,0228%, *любов* – 0,0211%, т. е. в прямой речи, в отличие от авторской, преобладает употребление слова *віра*. Общая средняя частота лексемы *віра* (0,150) немного ниже частоты других наименований: *надія* – 0,206, *любов* – 0,204 (ЧССУХП, 186, 667, 602).

Таким образом, частотные словари всех современных восточнославянских языков отмечают, что наименьшие количественные характеристики свойственны лексеме *вера*, а числовые показатели, относящиеся к номинациям *надежда* и *любовь*, не имеют между собой значительных количественных расхождений.

2.5. «Вера, надежда, любовь» как формула

Термином *формула* обозначаются общепринятые комбинации (отношения) знаков в математике, химии и физике. В «Логическом словаре» Н. И. Кондакова «формула» определяется как «представление связей, отношений, существующих между предметами (явлениями, процессами) при помощи знаков (символов)» (Кондаков 1971, 577).

В филологии данное понятие обычно соотносилось большинством исследователей со сферой фольклора. Но уже О. С. Ахманова определяет *формулу* в более широком смысле, а именно как «общее название для устойчивого выражения, модели построения, фразы-клише и т. п.» (Ахманова 2007, 502); ср. также обзор альтернативных наименований для формул, например, «устойчивый словесный комплекс», «словесное сращение» и т. п. (Колесов 1989, 136).

Термин *формула* был введен в сравнительное языкознание в 1953 г., когда Адальберт Кун нашел сходство устойчивого словосочетания κλέος ἄφθιτον ‘нетленная слава’ в языке Гомера с аналогичным по семантике словосочетанием Риг-веды *śrávah ákṣitam*. Подобные формулы имеют один и тот же смысл в разных языках, состоят из одних слов-компонентов и характеризуются одинаковым синтаксическим построением, что свидетельствует о некогда существовавшем прототипе, отражающем некоторые устойчивые словосочетания древнейшей протоиндоевропейской поэзии (Степанов 1993, 101).

В формулах отражаются традиционные концепции, восприятие мира и человека, ценности и представления архаических обществ. «Формулы стремятся к выражению характеристик, имеющих культурное значение, ‘того, что значимо’, именно поэтому они повторяются и долгое время сохраняются» (Харламова 2006, 147). На уровне обыденного языка (собственно разговорного узуса или просторечия) формулы, которые часто определяют как поэтические, «представлены пословично-поговорочным фондом и набором крылатых фраз и выражений» (Караулов 1987, 203–204).

Синтаксическая группа «вера, надежда, любовь» является формулой, так как имеет один и тот же смысл в разных языках, состоит из одних и тех же слов-компонентов и характеризуется одинаковым (устойчивым) синтаксическим построением. Связь компонентов словесного комплекса проявляется на семантическом, синтаксическом, этимологическом и символическом уровнях.

Формула «вера, надежда, любовь» представляет собой перечень смыслов, передающих в совокупности идею христианского благочестия, а в светском понимании – идею высших ценностей личности. Начальный пример ее употребления дает библейский контекст: в Первом послании апостола Павла к коринфянам (около 54 г. н. э.) сказано: «σέ μένει πίστις, ἐλπίς, ἀγάπη, τὰ τρία ταῦτα μέζων σε τούτων ἡ ἀγάπη» – «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1 Кор. 13:13). Следует отметить, что более нигде на страницах Библии данное сочетание не встречается в полном виде. Например, отражения триады в древнерусских и старобелорусских памятниках: *Любѡвь и надежда и вѣра вѡрѡжжи та, подвигодавыць великыи тврьдаго вѣна* (Срезневский 1989, 2, 87; XI в.); *сѣхъ ѿ и дѣвъ. вѣры любѡви надежа. и мѣре ихъ софья* (СДРЯ XI–XIV вв. 2002, 5, 135; XIII в.); *Тотъ седмый дѣнь сватить, кто и въ собѣ и въ другихъ, вѣрю, надѣю, любовь ѡстрить; Много есть цнотъ Бѣсловскихъ ... три ... Вѣра, надежда и любовь* (ГСБМ 1983, 3, 114; 1562, 1722 гг.).

По нашему мнению, есть основания считать, что Новый Завет возможно рассматривать как пояснение смысла, свернутого в формулу «вера, надежда, любовь». В последовательности событий этого текста смысловой компонент «вера» предшествует компоненту «надежда» прежде всего потому, что пространство текста линейно, а также в силу толкования текста. В христианской экзегезе формула «вера, надежда, любовь» означает путь спасения человечества: надежда на спасение души открывается христианину через веру, способом реализации которой является любовь. Таким

образом, три компонента формулы становятся *единой понятийной сущностью*, которую можно сформулировать как смысл земной жизни христианина, как высшие духовные ценности его земного бытия.

Триада «вера, надежда, любовь» вышла за пределы религиозного употребления и распространилась в светской жизни и в быту. От обозначения высших христианских ценностей она переходит к обозначению ценностей человеческого бытия, придающих смысл и цель существованию индивидуума.

2.6. Символизм компонентов триады

Знаково-символическая система культуры как целостный культурно-исторический феномен, как основной носитель и способ передачи этнокультурной информации «облегчает восприятие, понимание и усвоение важных для конкретной этнической общности идей и ценностей» (Воропаева 1994, 88). Абстрактные идеи, понятия и ценности сознательно символизируются человеком, закрепляются в виде вещного субстрата – символа, так как это «единственный способ «схватить», осознать» трудно уловимое (Кулагина 1999, 21). И. И. Мячикова пишет, что «проблема расшифровки семантики древних символов <...> вызывает в последнее время не просто большой научный интерес, но в связи с интенсивностью процессов национального возрождения <...> отмечается высокой политической, идеологической и художественной актуальностью» (Мячикова 2001, 35).

Формула «вера, надежда, любовь» представляет собой сложный знак, компоненты которого наделены символическими признаками (символичностью): «вера» изображается в виде **креста**, «надежда» – **якоря**, «любовь» – **сердца**. Следует обратиться к их толкованию, так как символы, согласно Н. Д. Арутюновой, требуют интерпретации (Арутюнова 1999, 342).

Ассоциации «любви» с сердцем связаны с утвержденным католичеством в XVII в. во Франции культом «*Sacré*

соеи» («Пресвятое сердце»), созданным для того, чтобы «в символическом образе сердца <...> созерцать и почитать беспредельное милосердие и излияние любви Спасителя нашего» (Вышеславцев 1990, 72–73).

Исследователь христианской символики А. С. Уваров утверждает, что «символ якоря входит почти во все формулы, состоящие из слов ἔλπίς ‘надежда, ожидание’ или *spes* ‘надежда, упование’» (Уваров 2001, 154). Якорь с древнейших времен в силу своего особого назначения считался предметом священным и обожествлялся. Следы поклонения и принесения жертвы якорям как культовым предметам прослеживаются еще в Древнем Риме (Смирнова 2007, 268). Якорь принадлежит к числу традиционных христианских символов и означает надежду христиан на спасение, Царствие Небесное (Энциклопедия религий 2008, 519; Русский крест 2006, 199). В Новом Завете в «Послании к евреям» апостола Павла находим: «Надежда для души есть будто якорь безопасный и крепкий» (К евр. 6:18–19).

Отмечается, что изображение якоря в период преследования христиан языческими властями заменяло образ креста (Русский крест 2006, 199), причем в первые века нашей эры это было уже явным, так как сопровождалось «монограммой Христа» (Смирнова 2007, 270). В якорь христиане видели символ «веры», о чем свидетельствует заглавие сочинения Епифания Кипрского «Анкорат» (греч. Ἀγκυρωτός ‘якорь веры’; 374 г.), названием которого автор хотел выразить мысль об истинной вере как «**надежном якорь при плаваннии** по житейскому морю среди прельщений бесовских и еретических» (Смирнова 2007, 271). Таким образом, якорь «служил для обозначения религиозной стойкости, *надежды* и спасения через *веру*» (Гибсон 2007, 59).

Кроме того, якорь являлся и символом «любви», так как постоянно помещался в надписях (в частности, на надгробных плитах) около слов *Agapes*, *Agapeter*, *Agapetus*, происходящих от греч. ἀγάπη ‘любовь’ (Уваров 2001, 205).

Таким образом, каждый из компоненты формулы «вера, надежда, любовь» может символизироваться якорем и его изображением.

Приняв за символ «веры» языческий крест, христиане переосмыслили его в соответствии со своими воззрениями (Осташова 2004; Успенский 2006, 215). Крест считается символом высших сакральных ценностей, высших устремлений человеческого существа, символом Иисуса Христа. О. Н. Трубачев отмечает: прасл. **krьstь* «заимствовано из древневерхненемецкой <...> формы имени Христа в докирилломефодиевское время в придунайских землях» (ЭССЯ 1987, 13, 76; Мурьянов 2007, 123–134). Однако символом и эмблемой христианства он стал только в IV веке (БСЭ 1970, 3, 393; Энциклопедия религий 2008, 705). Крест, на котором был распят Иисус Христос, почитают как символ Русской православной церкви (Казакевич 2007, 92; Святославский 2005, 9). Крест с украшениями в виде сердца является знаком и доказательством любви Бога. По словам Иоанна Кронштадтского, «крест без любви нельзя мыслить и представлять: где крест, там и любовь» (Русский крест 2006, 255).

2.7. Лингвистические определения иконического знака и принципа иконичности

Понятие «иконический знак» и «иконичность» – как соответствие структуры языка той концептуальной структуре действительного мира, которая сформировалась в сознании человека на основе данных опыта (Кобозева 2000, 39–40), – было введено американским философом, основоположником прагматизма и семиотики Ч. С. Пирсом безотносительно к языку. Типы знаков (иконические, индексальные и символические), выделенные им, были перенесены в теоретическую лингвистику Р. О. Якобсоном – «пионером иконичности» (Сигал 1997, 111), который рассматривал их как различные способы представления когнитивного содержания (Сигал 1996, 69). Классификация Пирса–Якобсона

принципиально пересмотрела тезис Ф. Соссюра о немотивированности знака и существенно дополнила его же тезис о линейности знаков (Кубрякова 2004, 498). Так называемый принцип иконичности заключается, по мнению американского лингвиста Т. Гивона, в том, что «кодируемый опыт легче хранить, обрабатывать и передавать, если код максимально изоморфен этому опыту» (Сигал 1996, 67). Именно в таком понимании принцип иконичности «отражает общую тенденцию антропоцентризма в лингвистике» (Сигал 1996, 67–68).

Ч. С. Пирс определял иконичность знака по сходству его материальной формы с его референтом: «Икона есть Знак, отсылающий нас к Объекту, который он денотирует просто посредством присущих ему характеров, которыми он обладает вне зависимости от того, существует таковой Объект в действительности или нет» (Пирс 2000, 58). У. Эко заметил еще и сходство формы иконического знака с перцептивной моделью, вызванной им в психике субъекта: «Иконический знак представляет собой модель отношений между графическими феноменами, изоморфную той модели перцептивных отношений, которую мы выстраиваем, когда узнаем или припоминаем какой-то объект. Если иконический знак и обладает общими с чем-то свойствами, то не с объектом, а со структурой его восприятия, он выстраивается и узнается в ходе тех же самых умственных операций, которые мы совершаем, формируя образ, независимо от материала, в котором закрепляются эти отношения» (Эко 1998, 135). Р. О. Якобсон также отмечал, что «бытие иконического знака принадлежит прошлому. Он существует как образ в памяти» (Якобсон 1983, 116).

Многие исследователи принципа иконичности, ставшего в теоретическом языкознании последних десятилетий «одним из ведущих когнитивно-прагматических факторов» (Кубрякова 2004, 67), отмечают, что проявлений иконичности в синтаксисе следует ожидать прежде всего потому, что предложение существует в линейно-протяженном пространстве сообщаемого и в линейно-схемной форме закрепляется

в системе языка (Сигал 1997, 111). По мнению В. З. Санникова, «иконичность языковой структуры нигде не проявляется так ярко, как в сочинительных конструкциях» (Санников 1989, 77). «Последовательность глаголов *veni, vidi, vici* сообщает нам о порядке деяний Цезаря прежде всего и главным образом потому, что последовательность сочиненных форм прошедшего времени используется для воспроизведения хода событий. Временной порядок речевых форм имеет тенденцию к зеркальному отражению порядка повествуемых событий во времени и по степени важности» (Якобсон 1983, 107). Однако порядок сочиненных членов может указывать на последовательность событий и там, где эти сочиненные члены не являются глаголами (Санников 1989, 76–77). Американские лингвисты Дж. Х. Гринберг и Дж. Хэйман отмечали, что «порядок элементов в языке параллелен порядку в практической деятельности или в процессе познания» (Гринберг 1970, 150), и при синтаксическом иконизме порядок элементов нарративного описания соответствует порядку событий, описываемых ими (Сигал 1996, 70). Таким образом, принцип иконичности «реализуется в процессах линейного синтаксического представления кодируемого опыта» (Сигал 1996, 75).

По мнению А. Е. Кибрика, имеются два существенных проявления принципа иконичности в синтаксисе: 1) рядоположенное в мысли остается, если не мешают другие факторы, рядоположенные на линейной оси; 2) в первую очередь линеаризируется, если не препятствуют другие факторы, то, что первым актуализируется в сознании говорящего (Кибрик 2001, 35).

Многие исследователи отмечают, что в основе иконичности знака лежат следующие принципы: 1) *принцип последовательности*, учитывающий порядок упоминания компонентов знака; 2) *принцип дистанции*, основанный на соответствии формального расстояния между единицами знака концептуальному расстоянию между ними; 3) *принцип количества*, устанавливающий, что с возрастанием количе-

ства формы в знаке возрастает и количество концептуального содержания знака (Кобозева 2000, 39–42; Харламова 2006, 129; Пшенкина 2005, 118–119). Другими словами, перед нами не что иное, как иконическая мотивированность, заключающаяся в «существовании отношений соответствия между количественной представленностью, последовательностью и расположением частей языковой и концептуальной структур, отражающих действительность» (Пшенкина 2005, 118). Показательно в данном отношении мнение Т. В. Гамкрелидзе: «Линейная последовательность членов синтаксической группы находится в определенной иконической зависимости от отношений порядка или ранга на уровне означаемых» (Гамкрелидзе 1976, 12).

Как отмечает З. А. Харитончик, иконическим знакам «принадлежит в лексике доминирующая роль» (Харитончик 2004, 43); именно поэтому «настало время посмотреть сквозь призму иконичности на отдельные синтаксические явления в конкретных языках и текстах» (Сигал 1996, 75; 1997, 100).

2.7.1. Формула «вера, надежда, любовь» сквозь призму иконичности

Иконичность структуры формулы «вера, надежда, любовь» находит выражение через принцип порядка упоминания (принцип последовательности), который обусловлен следующей логикой развертывания темы: сначала надо поверить в Христа, чтобы затем появилась надежда на спасение души. И лишь тогда, усиливаясь, эти чувства перерастают в любовь, которая является высшей, непреходящей добродетелью христианства – религии любви. Расположение компонента «любовь» в конце синтаксической конструкции «вера, надежда, любовь» обусловлено принципом усиления смысла конца фразы и тем, что «вера» и «надежда» являются ступенями восхождения к «любви», которая, в свою очередь, становится социальной средой для их существования, а также условием их прочности и силы.

Перед нами обнаруживается явление синтаксической и смысловой асимметрии, проявляющееся в разной семантической значимости компонентов формулы и особой смысловой нагрузке лексемы, расположенной в конце синтагмы и являющейся главной. Формальное и смысловое соответствие формулы «вера, надежда, любовь» принципам дистанции и количества в силу своей очевидности в объяснении не нуждаются.

Таким образом, возникает семантико-семиотический круг, в котором духовные понятия, своеобразно «опираясь» друг на друга и «поддерживая» друг друга, существуют в непрерывном единстве, во взаимодействии и взаимозависимости. Если обратиться к терминологии И. М. Кобозевой, перед нами не что иное, как *семантические реляции*, т. е. синтагмо-семантические отношения, устанавливаемые между значениями слов в пределах одного речевого отрезка и являющиеся той информацией, которую надо добавить к значениям слов, чтобы получить общее значение целого речевого отрезка (Кобозева 2000, 135).

При рассмотрении данных лексем с коммуникативной точки зрения следует отметить, что они могут описать один и тот же фрагмент действительности и относиться к одной и той же ситуации общения, предполагающей наличие двух актантов: если один *верит*, значит другой внушает ему *доверие*; если один *надеется*, то другой подает *надежду*; один *любит*, другой вызывает к себе *любовь*. Один актант обязательно подразумевает существование другого, отношения между ними выражают смысл ситуации договора или соглашения. Понятия «вера», «надежда», «любовь» связаны также на семантическом уровне: *верующие* уповают, т. е. *надеются* на того, кого они *любят* (например, на Бога). Вера порождает надежду на того, кому верим, а верные и надежные партнеры вызывают привязанность и любовь.

Следует отметить, что в линейном пространстве некоторых текстов слова формулы могут меняться местами: например, в поэтических произведениях такая перестановка

может быть вызвана ритмом и размером стиха, если, конечно, не предполагается особая смысловая нагруженность той или иной лексемы – части формулы. Как отмечает К. Я. Сигал, «окказиональный характер иерархии, отражаемый в расположении однородных актантов, становится заметным лишь на фоне известной всем говорящим на данном языке иерархии, определяющей объективный порядок расположения однородных актантов в конкретных речевых произведениях (текстах), созданных на данном языке» (Сигал 1996, 71).

2.8. Семантическая и этимологическая связь компонентов формулы «вера, надежда, любовь»

Представляется необходимым произвести анализ этимологического слоя компонентов формулы, так как «иконичность лексической единицы непосредственно связана и вытекает из ее мотивированности» (Харитончик 2004, 43) и сочетаемостные свойства слов «зарождаются» в акте номинации (Телия 1976, 245). Преимущество в изучении этимологий семантически связанных слов заключается в возможности извлечения дополнительной информации о данном слове из сведений о других, связанных с ним словах. Кроме того, «поскольку точное определение слова только извне невозможно, оказывается весьма полезной информация о целом, в которое входит данное слово» (Топоров 2005, 31).

Необходимо отметить, что в восточнославянских языках семемы репрезентантов понятий «вера», «надежда», «любовь» не пересекаются (дефиниционный анализ лексем *вера*, *надежда*, *любовь* см. далее), однако в говорах русского языка лексема *вера* и ее производные используются при толковании лексемы *надежда*, и наоборот в «Словаре русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII века» зафиксировано сочетание существительного *вера* с предлогом *для* – *для веры* ‘для того, чтобы было **надежно**, в залог’ (*А товарищев его <...> оставил для веры у себя*) и употребление лексемы *вера* в безличном

значении 'хочется кому-либо что-либо сделать, кто-либо **надеется** что-либо сделать' в составе сказуемого (*Ему вера поборотися есть <...>. Хочет царя потешити*) (СРНРС, 17); в «Псковском областном словаре с историческими данными» в качестве второго ЛСВ полисеманта *вѣра* находим: '**надежда** на осуществление чего-нибудь' (*Дажэ вѣры нет*) (ПОС, 77).

В «Словаре синонимов русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой отмечено, что номинации *верный* и *надежный* выступают в качестве синонимов по отношению к характеру человека (Евгеньева 2001, 122); в «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П. Я. Черных значение слова *вера* – 'твердая **надежда** на что-либо' (Черных 2004, 141).

Не менее показательным в данном отношении представляется материал германских языков, в которых семы слов *faith* 'вера', *belief* 'надежда', *love* 'любовь' частично пересекаются либо являются взаимозаменяемыми (Харламова 2006, 133; Гладченко 2010), что, безусловно, является свидетельством типологического тождества семантических сфер славянской и германской триад. В словаре Ю. Покорного указывается, что от и.-е. корня **leubh-* образовались нем. *Glaube* 'вера', гот. производное *ga-laubjan* 'верить', др.-в.-нем. *gilouben* 'верить', гот. *lubains* 'надежда' (Pokorny 1959, 683–684). В «Этимологическом словаре русского языка» под редакцией Н. М. Шанского отмечено, что существительное *вера*, имеющее общеславянский индоевропейский характер, «скорее всего, суффиксальное производное от той же основы, что и лат. *venus* 'любовь', гот. *wēns* 'надежда'» (Шанский 1994, 36). **Возможность выражения не только понятия «любовь», но и понятий «вера» и «надежда»** словами, восходящими к корню **leubh-*, свидетельствует о его ранней синкретичности.

Таким образом, в формуле «вера, надежда, любовь» компоненты сближаются, частично синонимизируются, взаимопроникают и тесно сливаются в единую понятийную сущность. Полученные результаты подтверждают также мысль

Х. Э. Керлота о том, что «комбинации символов свидетельствуют о наличии совокупного значения» (Керлот 1994, 65). По мнению Ю. С. Степанова, «именно в таких явлениях, принадлежащих одновременно языку и культуре, вскрывается глубокая мотивированность именований – неслучайность именований. Язык принуждает или, лучше сказать, не принуждает, а мягко и благотворно направляет людей в именованиях, присоединяя поименованное к самым глубоким пластам культуры» (Степанов 1997, 68).

2.9. Аспекты исследования сочинительной конструкции

Вслед за классиками синтаксической теории в русском языкознании (Ф. Ф. Фортунатовым, А. М. Пешковским, М. Н. Петерсоном, В. П. Сухотиным, А. Н. Гвоздевым, Е. М. Галкиной-Федорук, В. А. Белошапковой и др.) конструкция «вера, надежда, любовь» рассматривается как бессоюзное сочинительное словосочетание, члены которого связаны отношением сочинения, равноправия (Ахманова 2007, 446), или бессоюзный закрытый (предметный) сочинительный ряд с осложненными «внутрирядными» (Русская грамматика 1980, 168) семантико-синтаксическими отношениями. Термин *ряд* позволяет описать данное конкретное явление как особую модель, имеющую свои законы построения, свою семантику, в определенной степени автономную от семантики предложения (Клопова 1986, 1). Указанный ряд является закрытым, так как состоит из членов, роли которых распределены: второй член относится к первому иначе, чем первый ко второму; порядок членов в закрытых рядах несвободный и обязательный (Русская грамматика 1980, 167). Предметные ряды, внутрирядные отношения в которых имеют временное значение, представляют собой, по мнению Е. С. Клоповой, смещенную конструкцию – особое построение с асимметрией синтаксической и семантической структур (Клопова 1986, 4; о проявлениях этой асимметрии см. выше).

Кроме того, указанный ряд однородных членов образует синтагму, т. е. знак языка, составленный из слов или морфем, соединенных определенным типом синтаксической связи (Щукин 2008, 299) – в данном случае сочинением, а также фонетически объединенный усилением последнего словесного ударения (Щерба 1937, 81). Что касается типа интонационного контура, оформляющего данную синтагму, то его можно определить как завершенный, даже если не учитывать четвертый компонент *София* (Седельников 1961, 73–82; ЛЭС 1990, 447).

Представляется также уместным рассмотрение данной сочинительной конструкции с учетом оппозиции комбинарики знаков. Как известно, Р. О. Якобсон предлагал различать в сочетаемости знаков «либо линейную, синтагматическую, последовательную аранжировку знаков – цепочку, либо симультанный пучок признаков, одновременное соединение и даже «наложение» знаков» (Кубрякова 1993, 22–23). Доказанное выше соответствие формулы «вера, надежда, любовь» принципам иконичности позволяет констатировать линейную сочетаемость ее компонентов, а их этимологический анализ подтверждает семантическое «наложение» знаков, их симультанную (одновременную) совместимость.

Что касается *предметной (объектной) направленности* и *темпоральной соотнесенности* исследуемых компонентов формулы, то важно отметить следующее: предметом «веры» может быть и дурное, и хорошее (Августин 1996, 292–293); существует «вера» и в прошедшее, и в настоящее, и в будущее («Мы верим, что Христос умер, это – прошедшее, верим, что сидит Он одесную Отца, это – настоящее; верим, что придет Он для суда, это – будущее» (Августин 1996, 292)); «надеяться же можно только на доброе, только на будущее» (Августин 1996, 292); любить можно как хорошее, так и плохое, «любовь» не знает также временных границ, она вневременна, присуща и прошлому, и настоящему, и будущему.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ *ВЕРА*

3.1. Понятие «вера» в философской и религиозной мысли

С философской точки зрения «вера» – глубинная общечеловеческая универсалия культуры, которая осознается «в качестве ценности высшего порядка» (НФС, 157). «Вера» осмысливается как ценность, потому что «связывает человека с Богом как квинтэссенцией всего положительного в бытии» (Сергеева 2004, 254). Именно «вера», в понимании психологов, составляет духовную основу жизни, выступая системообразующим началом, двигателем и фундаментом жизнедеятельности (Лихачев 1995, 180). По словам русского религиозного философа И. А. Ильина, «чем глубже мы заглянем в душу человека, тем скорее убедимся, что человек без веры вообще не может жить, так как вера есть главное и ведущее стремление человека, которое определяет его жизнь, взгляды и поступки» (Ильин 1993, 137).

Семантическая аранжировка и статус феномена «веры» в той или иной культуре во многом зависят от специфики соответствующей религиозной традиции. Понятие «вера» в христианской религии трактуется как «внутренняя позиция, убеждение, уверенность в существовании всевышнего божества или в грядущем окончательном спасении» (Христианство 2004, 115). Церковно-славянский словарь Г. Дьяченко определяет «веру» как «одну из добродетелей» (Дьяченко 1993, 115). «Словарь православной церковной культуры» в качестве первого значения лексемы *вера* предлагает следующее: 'не требующая доказательств уверенность в существовании Бога, создавшего мир и поддерживающего духовную связь с людьми' (Скляревская 2000, 53).

Особым отличием «веры» как ценностно-смыслового образования является ее императивность, т. е. она не допускает сомнения, чего нельзя сказать в отношении, например, «надежды», которая по своей природе вероятностна. По словам апостола Павла, «вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (К евр. 11:11).

В древнееврейском языке *’ēṭūnāh*, понимаемое, прежде всего, как ‘вера’ (где корень *’tn* передает идею твердости, устойчивости, постоянства, см. Православная энциклопедия 2004, 669) имеет почти юридическое значение: это именно те верность и честность, с которыми народ Израиля соблюдает обеты и обязательства и придерживается Завета (Христианство 2004, 115). Вера как глубинная установка теистического сознания предполагает верность и доверие Богу (НФС, 157). В качестве важного компонента веры выступает также уверенность в «воссиянии благодати» и благодати личной судьбы, препорученной промыслу Божьему (Христианство 2004, 115).

Одним из семантических признаков, входящих в содержание понятия «вера», является также идея о воздаянии. Согласно традиционным религиозным воззрениям, Бог дарует вечную жизнь за соответствующие усилия (добрые дела) со стороны человека. Таким образом, отношения между Богом и человеком мыслятся в виде определенного договора, обязывающего обе стороны (Религия 2007, 177). Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов считают, что «отношения между человеком и богом в древних обществах можно рассматривать в рамках «теории обмена» как обмен ‘дарами’ между богом и человеком, приносящим ‘дары’ – жертвоприношения богу – взамен благорасположения и благодеяния, ниспосылаемых божеством человеку» (Гамкрелидзе 1984, 752).

Нельзя не согласиться с мнением П. Тиллиха, который утверждал: «Вряд ли существует другой религиозный термин, употребляющийся как в теологии, так и в повседневной жизни, который подвергся бы большему числу неверных толкований, искажений и спорных определений, чем слово

вера» (Тиллих 1995, 132). «Вера – это понятие, и это реальность, которую трудно ухватить и описать. <...> Вера – это не феномен в ряду других, но это центральный феномен в жизни человеческой личности, явный и скрытый одновременно <...>, он универсальный и конкретный, он бесконечно меняющийся и всегда тот же самый. Вера – это сущностная возможность человека, поэтому ее существование необходимо и универсально» (Тиллих 1995, 215).

«Вера» – глубинная общечеловеческая универсалия культуры. Вопросы о природе веры, ее основаниях, источниках возникновения, ее трансформации и воздействия принадлежат к числу наиболее значимых для существования человека и общества, они непосредственно сопряжены с онтологической (бытийной) стороной человеческой жизни. Анализ изучения и толкования феномена веры богословами и философами представлен в диссертации Т. В. Ряховской «Феномен веры: онтолого-гносеологический анализ» (Ряховская 2006); Е. Б. Казнина на основании текстов Нового и Старого Заветов исследовала интерпретацию «веры» различными христианскими конфессиями (Казнина 2004); как категория русской средневековой культуры «вера» рассматривалась А. Л. Юргановым (Юрганов 1998); об амбивалентности религиозного смысла «веры» писал М. Бубер (Бубер 1995); психологическому толкованию «веры» посвящена работа П. П. Соколова «Вера. Психологический этюд» (Соколов 1902).

3.2. Изучение понятия и лексемы *вера* в лингвистике

По мнению Ю. С. Степанова, понятие «вера» предстает в настоящее время как «необычайно сложное и, несмотря на почти вековые разыскания специалистов, еще далеко не полностью исследованное» (Степанов 1993, 10). С лингвистической точки зрения понятие «вера» изучалось в работах Э. Бенвениста (Бенвенист 1995), Ю. С. Степанова (Степанов 1997), А. П. Груцо (Груцо 1976), А. М. Руденко (Руденка

1996), И. С. Куликовой (Куликова 1998), А. А. Кожиновой (Кожина 1999) и др. Такое количество попыток описать, интерпретировать данный феномен, безусловно, объясняется его семантической сложностью. Опираясь на труды Г. Келера, Ж. Дармстетера и Т. В. Гамкрелидзе, Ю. С. Степанов высказал предположение, что понятие «вера» в религиозном смысле возникло на основе древнейших языческих представлений. В своих рассуждениях он опирался на тот факт, что общеиндоевропейское значение ‘верить, уповать, питать доверие’ выражается древним словосочетанием (позднее словосложением) $*k^{(h)}ret'-d^{(h)}eH$ буквально ‘класть сердце’ (Степанов 1997, 265), лат. *crēdō* (*crē*-+*-dō*) ‘верю’. Таким образом, языковой материал служит подтверждением связи данного словосочетания с древнейшими языческими представлениями, принадлежащими сфере жертвоприношений. Согласно мнению Ю. С. Степанова, вышеуказанный оборот можно рассматривать как «метафору с духовным смыслом, возникшую на основе описания ритуального материального действия – вынимания внутренностей жертвенного животного и отдания их богу» (Степанов 1997, 265).

Однако исследования последних лет показывают, что данная семантическая линия угасает, а подлинно духовное понятие «вера» возникает совсем на другой основе, связанной с «доверием» (Степанов 1997, 265). Первоначальный путь развития этого понятия в праиндоевропейской цивилизационной ойкумене, связанный с ритуальным действием «давать свое сердце (или другой орган, например, печень) Богу», был покинут, и понятие «вера» с определенного момента, еще до возникновения христианства, стало развиваться на основе «договорных начал, договорного доверия» между двумя сторонами (Степанов 2001, 382).

Э. Бенвенист утверждает, что ни в одном древнем индоевропейском языке никогда не существовало оборота со значением ‘вложить свое сердце в кого-либо’, и «только метафоры современных языков могли породить иллюзию существования в индоевропейском такого оборота» (Бенве-

нист 1995, 128). Вместе с тем он считает, что уже в самом начале языковой традиции понятие «доверие» расширяется до понятия «вера» (Бенвенист 1995, 124).

Анализ употребления *śrad-dhā* в Ригведе, по словам Э. Бенвениста, позволяет выделить из этого слова значение ‘акт доверия (богу), предполагающий вознаграждение (в виде благодеяния, оказываемого божеством верующему)’. То же сложное понятие обозначало и и.-е. **kred-*, которое обнаруживается в лат. *crēdō*, но с нерелигиозным значением ‘доверить кому-либо что-либо с уверенностью в том, что эта вещь будет возвращена’ (Бенвенист 1995, 124); «независимо от того, идет ли речь о собственно религиозной вере или о доверии к человеку, отдаются ли в заклад слова, обещания или деньги, механизм остается одним и тем же» (Бенвенист 1995, 128). Из анализа Э. Бенвениста следует, что «особый поворот в семантике слова *вера* происходит с появлением нового мировоззрения – христианства, интериоризирующего отношение индивида к Богу и окружающему миру» (Степанов 1993, 11).

Е. Б. Казнина, рассматривая концепт «вера» в новозаветном и ветхозаветном дискурсах, говорит о тождественности его понимания. В обоих случаях речь идет «о вере как о состоянии доверительного отношения к Богу, а не как об акте принятия чего-либо в качестве истины, то есть Бог ни в Ветхом завете, ни в Евангелиях не является предметом или объектом веры, но является условием доверия верующего» (Казнина 2004, 132; ББС, 227).

Лингвист и культуролог, крупнейший идеолог идеи евразийства, Н. С. Трубецкой указывал на иранское влияние в формировании славянского «вера»: «Надо думать, что предки славян так или иначе принимали участие в эволюции религиозных понятий, которая у их восточных соседей, праиранцев, в конце концов привела к реформе Заратуштры. При таких условиях весьма вероятным становится предположение А. Мейе о тождестве славянского глагола *вѣрѣти* с авестийским *varayaiti*, означающим ‘верить’, но имевшим перво-

начальное значение ‘выбирать’, так как по учению Заратуштры истинно верующий есть тот, кто сделал правильный «выбор» между добрым богом (Ормаздом) и злым (Ариманом)» (Трубецкой 1992, 334).

3.3. Интерпретация лексемы *вера* словарями восточнославянских языков

3.3.1. *Вѣра* в древнерусском языке

Древнерусский язык, общий предок языков восточных славян, охватывает, как известно, период с IX по XIV в., до момента формирования национальных восточнославянских языков: старорусского (XV–XVII вв.), старобелорусского и староукраинского (XIV – середина XVIII в.).

Представляется важным определить семантический объем слова *вѣра* в древнерусском языке в целях ее дальнейшего сравнения со старорусским, старобелорусским и староукраинским языками. Нами анализировались основные значения и их дополнительные семантические оттенки, что обусловлено «необходимостью предельного внимания к семантическим тонкостям» (Аникин 1988, 11), а также переносные номинативные значения. Наиболее полно на языке оригинала лексикографический материал в отношении всех исследуемых слов (*вера, надежда, любовь*) представлен в приложении 3.

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» в качестве первого значения др.-рус. *вѣра* выделяется ‘истина, правда; то, чему можно верить’ (*Вѣра пытаемааго, вѣра нѣсть*. 1073 г.). Вторым ЛСВ представлено ‘верование (поклонение истинам, догматам; идолам, божествам)’ (*Гѣ ... показаль вамъ яко не тѣкъмо вѣроу нѣ и бл҃гыми дѣлы достоить служити бѹ, вѣра бо без дѣлъ мъртва есть*. XII–XIII вв.). Третьим значением выступает ‘вера, вероисповедание, религия’ (*Придоша болгары в(ѣ)ры Бохъмичѣ, гл҃ше яко ты князь еси мудръ и смыслень не вѣси закона, но вѣруи в законъ нашъ и поклонися Бохъмиту. И рече*» Володимерь: како

есть вѣра ваша? 1377 г.). В словаре наблюдается четкое разграничение ЛСВ по функционально-семантическому признаку, связанному с объектом «веры», что наблюдается в двух выделяемых в рамках четвертого ЛСВ [‘доверие к кому-либо, чему-либо’ (*Отъкрываи такну» погубилъ есть вѣру и не обряшит(ь) друга противу дѣли своеи.* 1368 г.)] значениях словосочетания *вѣру яти, имати*: а) ‘поверить, оказать доверие кому-либо’ (*Аже челоуѣкъ полгав куны у людеи, а побѣжит(ь) в чюжю землю, вѣры ему не иняти, аки и татю.* XII в.) и б) ‘уверовать в Бога, принять веру’ (*Иже вѣру иметъ и крестится, спасен будетъ, а не вѣруай осудится.* 1360 г.) (СРЯ XI–XVII вв. 1975, 2, 79–80). Очевидно, что эти значения относятся к разным сторонам человеческой жизни – мирской и религиозной.

Внутрисловная парадигма лексемы *вѣра* в «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» представлена шестью ЛСВ. В рамках основного значения ‘вера, доверие’ (*Жено послуша мене и съ великою вѣрою поидивѣ къ сѣоумоу.* XII в.) особо выделяется *вѣрою* в роли наречия, толкующееся как ‘с верой; искренне, без сомнения’. В контексте иллюстрации (...*понеже бо вѣрою вѣстрѣбова а не лоукаво.* XI в.) отмечается противопоставление формы существительного *верою* и наречия *лоукаво* в значении ‘лживо’. Существование антонимичной пары *лоукаво* ‘лживо’ и *вѣрою* в наречном значении ‘правдиво’ дает основания считать, что осознание *веры* как правды фиксируется уже в основном значении рассматриваемого слова. Следует добавить, что дополнительный семантический признак ‘истина, правда’ (*Бѣ бо [Изяслав] лоукавыи лъстѣць... лъжею питашеса языкъ его. но моудростию возложаше вѣроу на лжюу* (так в тексте. – О. Г.) *красашеса лѣстью паче вѣнца.* XV в.) выделяется также в СДРЯ XI–XIV вв. у второго значения ‘верность, честность, добросовестность’, проиллюстрированного контекстами нерелигиозной тематики (*Наша присага. и наша вѣра и чѣть.* XIV в.). Указанный ЛСВ в дальнейшем семемном анализе был разделен нами на два значения ‘верность’ и ‘чест-

ность, добросовестность', что обусловлено их семантическими различиями, а также результатами сравнения с другими ЛСВ. На основании вышеприведенного материала можно сделать вывод о том, что именно эти качества осознавались древними русичами как основные нравственные и морально-этические нормы, регулирующие отношения между людьми.

Третье значение 'обещание, заверение' (*Аще и то въ манастири боудеть. Гнъ же юго да въдасть вѣроу яко ничто же зла не створить юмоу. XIII в.*) является отличительной особенностью словаря. Следуя рассуждениям Ю. С. Степанова и Э. Бенвениста, основу веры как ситуации «договора, соглашения» составляет именно 'обещание', основанное на взаимном доверии (с одной стороны, это «внушение доверия», а с другой – «ожидание исполнения обещанного») (Степанов 1997, 266). К следующему значению 'вера в Бога, религиозное чувство' приводятся контексты, содержащие цитаты из Священного Писания и трактующие религиозное понятие «вера» в соответствии с канонами официальной православной церкви (*Вѣра без дѣлъ мрътва ясть. яко же и дѣла без вѣры. XI в.*). Одна из последующих иллюстраций содержит ассоциативный ряд (*смиреньемъ, кротостью, надежею, вѣрою, терпѣньемъ, бѣгоговѣньемъ, любовью*), отражающий качества, которые должны быть присущи истинно верующему человеку.

В пятом ЛСВ 'вероучение; вероисповедание' (*Да не лѣтъ боудеть никомоу же ихъ иноа вѣры жены поимати. XII в.*) интерес представляют оценочные элементы, входящие в определение *веры*: православная вера – *правоверная, истинная, честная*, а неправославная – *кривая, чужая*. В рамках этого ЛСВ отмечено употребление абстремы в значении 'обычай' (*А ѿ процѣ да на роту ходить. по своеи вѣрѣ. ко не имѣа ничтоже. ти тако пущень будеть. XIV в.*). Понятийное содержание *веры* здесь лежит между мирской верностью (в том числе и верностью традициям предков) и религиозной верой.

Последнее значение ‘христианская вера’ (*яко же члѣвкъ отъ поганьска житиѣ новопришѣдѣша къ вѣрѣ*. XII в.) выделяется особо, чего нет в других исторических словарях восточнославянских языков. В качестве дополнительных семантических признаков выделяются: 6.1. ‘основные догматы христианского вероучения’ (*На первомъ бо сбор. еже на Арѣя в Никѣи ... посла епп(ы) ѿ(т) себе. тако исправлаху вѣру*. XIV в.) и 6.2. ‘текст символа веры’ (*Поставляемъи еп(с)пѣ. писаниемъ да вдасть прѣже свою вѣру*. XIII в.) (СДрЯ XI–XIV вв. 1989, 2, 299–300).

По мнению В. В. Колесова, слово *вера* имеет некоторые профессиональные оттенки смысла: ‘правда–истина’ – это общая ценность, но уже ‘верование’ связано с церковной сферой, ‘учение’ – с интересами «мудреца», ‘доверие’ развивается в купеческой среде (самое раннее употребление слова в этом смысле встречается у купца Афанасия Никитина в 1472 г.), а ‘присяга’ искони присуща воинам (Колесов 2001, 225).

Словарь И. И. Срезневского включает три значения, иллюстративные примеры которых относятся к древнерусскому периоду, причем первое и основное лишено толкования и представлено семантическими эквивалентами лат. и греч. языков: *fides*, *πίστις* (*По вѣрѣ вашей боуди вамъ*. XII в.). В качестве второго по значимости автором словаря предлагается ЛСВ ‘правда’ (*Лъжа, а не вѣра прѣмоще на земли*. XI в.). В отличие от более поздних словарей у И. И. Срезневского обнаруживается только один ЛСВ абстремы *вѣра*, связанный с религиозной сферой, – ‘сознание божественного закона, религия’ (*Да ратѣ ходитъ своею вѣрою. яко никако же иному помощи ему*. 911 г.) (Срезневский 1989, 1, 490–491).

Произведенный дефиниционный анализ позволил определить семантическую структуру древнерусской лексики *вѣра*: ‘вера в Бога, религиозное чувство’; ‘вера, вероисповедание, религия’; ‘верность’; ‘верование (поклонение истинам, догматам; идолам, божествам)’; ‘доверие’; ‘истина, правда; то, чему можно верить’; ‘обещание, заверение’; ‘обычай’; ‘ос-

новные догматы христианского вероучения»; ‘текст символа веры»; ‘христианская вера»; ‘честность, добросовестность»; ‘fides, πίστις’.

В связи с неоднозначностью представления иерархии значений исследуемых слов разными словарями не вполне адекватным было бы расположение извлеченных семем по степени значимости. Именно этим обусловлен алфавитный порядок подачи значений в таблицах и рисунках. Для более наглядного отображения материала в некоторых случаях нами были сокращены отдельные (особенно развернутые) ЛСВ.

3.3.2. *Вера* в русском языке

В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка», во введении к которому указано, что «более употребительное и более актуальное для современного сознания значение выдвигается на первое место, а за ним следуют менее употребительные и менее актуальные» (ССРЛЯ 1948, 1, 6), отмечено, что слово *вера* имеет три основных значения: 1. ‘уверенность, убежденность в чем-либо, в наступлении чего-либо (основанная на знании, на опыте)’, в качестве дополнительного оттенка значения выделяется ‘уверенность в исполнении надежд, ожиданий, возлагаемых на кого-, что-либо’.

В рамках второго ЛСВ (‘твердая убежденность в чьей-либо честности, добрых намерениях и т. п.; доверие’) указывается устаревшее просторечное значение ‘убеждение, мнение’. В связи с семемой ‘доверие’ представляется весьма значимым утверждение отца Павла Флоренского, сделанное им в труде «Столп и утверждение истины» о словах со значением ‘вера’: «русское *верить* означает, собственно, *доверять*, т. е. содержит в себе указание на нравственную связь того, кто верит, с тем, кому он верит» (Флоренский 1990, 69).

Третий ЛСВ ‘убеждение в истинности чего-либо, усвоенное традиционно на основании доверия к мнениям других людей, принимаемое без доказательств и научной кри-

тики; убеждение в реальном существовании чего-либо сверхъестественного, фантастического и т. п.' также обладает дополнительным значением – 'религия, вероисповедание' (ССРЛЯ 1951, 2, 105–106).

Нельзя не отметить, что религиозное понимание лексемы *вера* занимает в словарной статье последнюю позицию, причем является оттенком основного значения. Безусловно, на это повлияла атеистическая направленность господствующей коммунистической идеологии в период составления словаря (1950–1965), наиболее ярко отраженная в иллюстративных примерах употребления слов (например: *В среде трудящихся теперь велика **вера** в то, что от проведения в жизнь решений партии, решений советской власти зависит осуществление их стремлений к счастливой жизни;* см. приложение 3).

В «Словаре русского языка XVIII в.» в качестве доминирующего значения исследуемой лексики *вера* выступает 'убежденность в существовании бога и иных сверхъестественных сил и явлений' и его оттенок 'благоочиние, религиозное рвение'. На второй позиции также представлена религиозная семантика, причем довольно широко: 2. 'религиозное учение; вероисповедание', оттенки второго ЛСВ – 2.1 'религиозный обряд, богослужение', 2.2 'религиозные представления, верования'. Переносное просторечное значение 'образ мыслей, мнение' зафиксировано как третий оттенок второго значения. Занимающее вторую позицию в ССРЛЯ значение 'уверенность в истинности чего-либо, в честности, правдивости кого-либо; доверие' в СРЯ XVIII в. находится на третьем месте. В качестве четвертого ЛСВ лексики *вера* отмечается: 'то, чему можно верить; вероятность, возможность'. Наименее актуальным, с точки зрения авторов СРЯ XVIII в., признается употребление лексики *вера* в значении 'присяга, клятва' (1987, 3, 34–36).

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» в качестве первого значения слова *вѣра*, относящегося к периоду старорусского языка, выделяется семема 'проверка, установле-

ние правильности чего-либо' (*А четверть муки пшеничноу отвезено к Москве прежде сего с мерою для вѣры торговой московскои болотной мѣры*. 1681 г.). На второй и третьей позициях в словарной статье представлено религиозное понимание *веры*: 2. 'верование (поклонение истинам, догматам; идолам, божествам)' (*Господь же видѣвъ вѣру раба своего, наполни храмину хлѣбъ*. XV в.), 3. 'вера, вероисповедание, религия' (*А вѣра ихъ: молятца болваномъ и вѣрують въ корову*. 1669 г.) и его смысловой оттенок в собирательном значении 'о людях одного вероисповедания, одной религии' (*Въ Индѣи ... вѣра с вѣрою [ни] пиетъ, ни ястъ, ни жежится.., а воловины не ядятъ никакаа вѣра*. 1472 г.).

В качестве четвертого ЛСВ исследуемого слова предлагается 'доверие к кому-либо, чему-либо' (*Займываль я Петрушка у того Игнатѣя на перехватку два рубля денегъ съ полтиною, а заложилъ ему для вѣры однорятку женскую синюю*. 1632 г.). Последним зафиксировано значение 'присяга, клятва' (*Ставится ему Ларивону за нашею порукою в Нижнемъ Новѣгороде у вѣры, у крестног^о целован^ья, по вся дни и из Нижнево ему не съѣхати*. 1623 г.) (СРЯ XI–XVII вв. 1975, 2, 79–80).

Внутрисловная парадигма старорусской лексики *вѣра* в словаре И. И. Срезневского включает три значения, первым из них представлено 'fides, πίστις' (*Велика юсть вѣра твоя*. XV в.). Следующим значением, относящимся к старорусскому периоду, выступает 'присяга, клятва' (*А чего сыскъ не иметъ, и имъ въ томъ присуживати вѣру крестное ѡцлованье* (1606 г.)).

ЛСВ 'примета' (*У нас вѣра такая, что каким вѣтромъ пошелъ ты изъ становища, таким и на мѣсто придеши*. 1859 г.) является исключительной особенностью анализируемого исторического словаря (Срезневский 1989, 1, 490–491). Однако необходимо отметить, что данное значение, причем с тем же примером (из книги очерков известного этнографа С. В. Максимова «Год на севере»), зафиксировано в «Словаре русских народных говоров»: 'поверье,

примета, передаваемые из поколения в поколение' (арх.) (СРНГ 1969, 4, 120).

Семантическая структура лексемы *вѣра* в старорусском языке представлена следующими семемами: 'вера, вероисповедание, религия'; 'верование (поклонение истинам, догматам; идолам, божествам)'; 'доверие'; 'о людях одного вероисповедания, одной религии'; 'примета'; 'присяга, клятва'; 'проверка, установление правильности чего-либо'; 'fides, πίστις'.

Представляется интересным определение того, какие из ЛСВ др.-рус. слова *вѣра* сохранились в старорусском языке, а какие являются исключительной принадлежностью последнего (рис. 3.1). Очевидно, что древнерусскому языку был присущ более широкий диапазон значений, чем старорусскому – 13/8. Из них четыре ЛСВ перешли в старорусский; древнерусский язык обладал большим числом специфичных семем, нежели старорусский – 9/4.

Что касается диалектных словарей русского, белорусского и украинского языков, то в силу их дифференциального характера (за редкими исключениями) абстрактные лексемы, репрезентирующие аксиологические понятия «вера», «надежда», «любовь», не нашли в них своего надлежащего полноценного отражения. Нами анализировались те диалектные словари, в которых представлена хотя бы одна из указанных лексем. В результате проведенной сплошной выборки из словарей русских народных говоров (включающих более чем столетний временной промежуток) были отобраны **24 лексикографических источника, территориально охватывающих говоры, начиная от западных районов России до говоров Приамурья.** Показательно, что только в 5 из общего числа источников были зафиксированы все три абстракты, что составляет лишь 20,8%. Слова, репрезентирующие понятие «вера», отражены в 9 словарях из 24 (37,5%), «любовь» – в 8 (33,3%), «надежда» – в 24 (100%). Необходимо подчеркнуть, что в отдельных словарях («Словаре русских донских говоров», «Словаре русских говоров Прибайкалья», «Словаре русских говоров Среднего Прииртышья», «Словаре русского

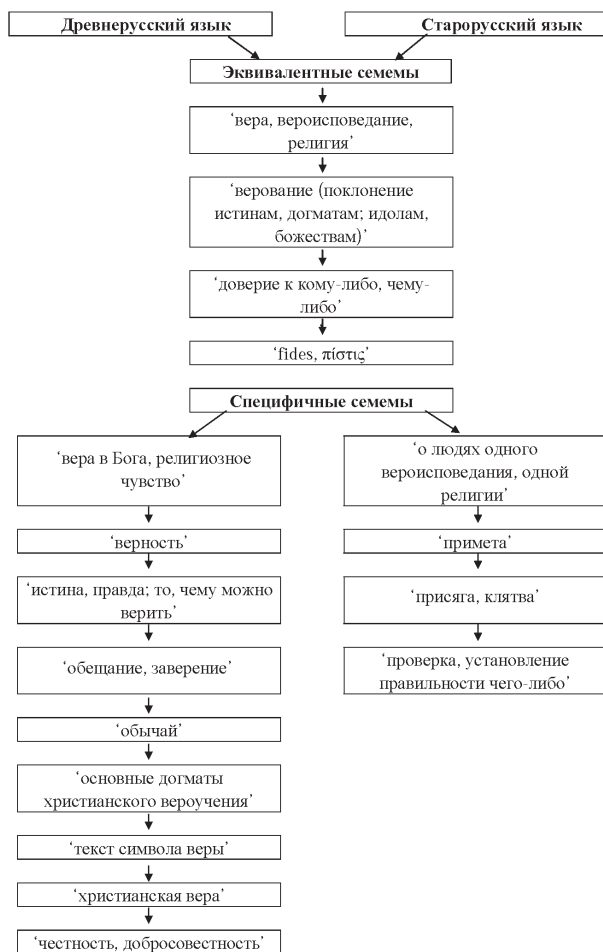

Рис. 3.1. Соотношение семем слова *вѣра* в древнерусском и старорусском языках

камчатского наречия», «Словаре русских говоров южных районов Красноярского края», «Словаре кубанских говоров», «Словаре русских говоров Новосибирской области», «Словаре русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби») исследуемые аксиологические наименования отсутствуют, хотя в некоторых отмечены их производные.

В отношении белорусских диалектных словарей (всего их было отобрано 6) отметим, что только в одном из них представлены все три лексемы (это 17%), номинации *вера* и *любоў* отражены в 2 источниках (33%), репрезентанты понятия «надежда» зафиксированы в 6 словарях (100%).

Обращение к украинскому лексикографическому материалу показало, что лексема *віра* зафиксирована в 4 словарях из 9 (45%), *надія* – в 5 (56%), *любов* – в 6 (67%), что, возможно, связано с наибольшей употребительностью последней в говорах украинского языка и ее актуальностью для языкового сознания украинцев.

«Словарь русских народных говоров» зафиксировал употребление слова *вера* в значениях, которые современным толковым и историческим словарям русского языка не были известны: 1. ‘желание, охота, намерение’ (арханг., олон., сев., сев.-двин., волог., костром.) (*У него есть вера к ученью*), 2. ‘понятие, умение’ (*На это вера-то есть!*), 3. ‘обычный, традиционный порядок’ (сиб., иркут., якут., тобол., свердл., перм., казан., костром., волог., белом., смол.) (*У них вера такая, чтоб непременно потчевать*) (СРНГ 1969, 4, 119–120). Исключение составляет указанный выше ЛСВ ‘поверье, примета, передаваемые из поколения в поколение’ (арханг.).

В «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей» находим лексему *véра* со сходными тремя ЛСВ: 1. ‘обычай, традиция’ (*Во всяком городе своя véра, говорят разное, обычаи разные*); 2. ‘желание, намерение’ (*Ей véра, чтобы сделать тонкую верёвку*); 3. в безл.-предикат. знач. ‘пора, время чему-нибудь’ (*Время задумалось – дождику véра пойти*) (СРГК 1999, 1, 172).

«Словарь русских говоров Сибири» отражает две омонимичные лексемы *véра*¹ в значении ‘привычка, обычай, традиция’ и *véра*², используемая в устаревших фразеологических оборотах (анализ словосочетаний обусловлен семантическим аспектом исследования) *дунькина véра* ‘семейский религиозный толк, известный в литературе под названием «самочинцы», которым управляла Авдотья Тюрюканова’

(По имени Авдотьи и толк прозвали «Дунькина вера». Другими словами, хочешь не хочешь, а молись) и оку́лькина ве́ра с двумя ЛСВ: 1. ‘небольшая раскольническая секта, появившаяся среди забайкальских староверов во второй половине XIX в., члены которой отвергали брак’; 2. ‘бранное выражение, которое употреблялось при осуждении развода и ухода из семьи’ (*Ты что, из окулькиной веры? То к одной ходишь, то к другой!*) (СРГС 1999, 1, 124–125). Необходимо отметить, что эти уникальные фразеологические обороты являются, бесспорно, окказиональными.

«Словарь русских говоров Низовой Печоры» фиксирует слово ве́ра в составе оборота (вероятно, коллокатива) *по своей ве́ре* со значением ‘по своим возможностям, умению’ (*Де́вка у меня́ фсе́ рабо́тала, настира́ла по своей-то ве́ры*) (СРГНП, 58). «Словарь пермских говоров» указывает на употребление слова ве́ра в словосочетаниях *красная вера* с семантикой ‘старообрядческая вера’ (*Она богомолка, в красной вере, дак нет чтоб в церковь ходить, в доме соберутся и тут молитвы орут*) и *Вера иванна* с пометой *шутливое* ‘название дешевого красного вина типа вермут’ (*В магазин зашел, денюжки-те маленько были, да Веру иванну взял, бутылочку*) (СПГ, 117). Думается, что развитие последнего эндемического значения связано с именем реального лица женского пола, которое имело отношение к месту нахождения и приобретения этого товара; затем собственное имя стало ассоциироваться с алкогольным напитком.

«Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII века» отразил лексику *вера* в трех ЛСВ, причем только как ‘присяга, клятва’ (*В Пяси́де, на Хатанге, на Есее-озере за зерновые судные пошлины собрано на вере 23 собол..., цена 10 рублей*) она употребляется самостоятельно. В остальных случаях абстрами зафиксирована в сочетании с предлогами (*для веры* ‘для того, чтобы было **надежно**, в залог’ (*А товарищев его, толмача Ганьку да охочего человека Ваську Власова, оставил для веры у себя*) и *по вере кого*, чьей ‘соответствующий верованиям, ритуаль-

ным обрядам кого-либо' (*В Ермолаеве волости грань вверх по Нице-реке над ключом, и их татарские мольбища и съезды по их вере тут были*)) и в безличном значении 'хочется кому-либо что-либо сделать, кто-либо **надеется** что-либо сделать' в составе сказуемого (*Ему вера поборотися есть У царя в каменной Москве, Хочет царя потешити Со царицею благоверною Марьею Темрюковною*) (СРНРС, 17). Использование слов *надежно* и *надеется* при толковании семантики *веры* свидетельствует об их синонимичном понимании.

«Псковский областной словарь с историческими данными» подтверждает отмеченный выше факт, так как предлагает в качестве второго ЛСВ полисеманта *вѣра* следующее: '**надежда** на осуществление чего-нибудь' (*Дажэ вѣры нет*). Первым в словаре представлен ЛСВ 'доверие' (*У тебя нет вѣры да меня*); третьим – 'религиозное чувство' (*С вѣры збѣлись наро́т*). В качестве дополнительного смыслового оттенка отмечается 'вероисповедание, вид религии' (*Вѣра на́ша старавѣрская, правильная, старѣнная*). Последним зафиксировано значение 'присяга, клятва', но только в одном из письменных памятников Псковщины конца XVII в. (*Исверхъ вѣры, истецъ Любятова монастыря, стряпчий, слался словесно на писцовыя книги, письма и мѣры Ивана Вельяминова съ товарищи. 1690 г.*) (ПОС, 77–78).

«Словарь русских говоров Башкирии» отмечает употребление слова *вѣра* только в составе устойчивого словосочетания *в вѣру да́ться* 'попасть под сильное влияние религии' (*Ф таку́у веру далас'*) (СРГБ). «Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» также не выделяет самостоятельного использования данного слова: *из вѣры вы́йдить* 'выйти из доверия' (*Ана́ хва́стаит', хвасту́шка, ана́ из вѣры вы́шла*) (Деулинский словарь 1969, 77, 101).

Элементами семантической структуры лексемы *вера* в русском языке (от старорусского периода до современного состояния) являются: 'благочестие, религиозное рвение'; 'вера, вероисповедание, религия'; '**верование** (поклонение исти-

нам, догматам; идолам, божествам); ‘доверие’; ‘желание, охота, намерение’; ‘мнение’; ‘о людях одного вероисповедания, одной религии’; ‘обычай, традиция’; ‘поверье, примета, передаваемые из поколения в поколение’; ‘понятие, умение’; ‘примета’; ‘присяга, клятва’; ‘проверка, установление правильности чего-либо’; ‘религиозное учение; вероисповедание’; ‘религиозные представления, верования’; ‘религиозный обряд, богослужение’; ‘религия, вероисповедание’; ‘то, чему можно верить; вероятность, возможность’; ‘убежденность, уверенность’; ‘fides, пі́стіс’.

3.3.3. *Вера* в белорусском языке

В современном белорусском литературном языке слово *вера* употребляется в трех основных значениях: 1. ‘уверенность в чем-нибудь, в исполнении, осуществлении чего-нибудь’² (*Вера ў свае сілы*); 2. ‘убежденность в положительных качествах кого-либо’ (*Цудоўны верш, наскрозь прасякнуты верай у чалавека і болей за яго*); 3. ‘убежденность в реальном существовании сверхнатуральных сил’ (*Вера ў бога*). В качестве оттенка выделяется ‘религиозное учение; вероисповедание’ (*Каталіцкая вера*) (ТСБМ 1977, 1, 477).

В словаре И. И. Носовича, помимо общеизвестного понимания слова *вера* (‘вероисповедание’), указаны два значения, которые современным белорусским языком уже утрачены: ‘доверие’ (*Ні вь чомь нашему брату вѣры нема*) и ‘долг, одолжение’ (*Возьми на вѣру, коли грошей нема. Ты ещѣ вѣры не отдавь*) (Насовіч 1983, 105); данные ЛСВ с идентичными примерами повторяются и в словаре Я. Станкевича (Станкевіч 1990, 1199).

Старобелорусская лексема *вѣра* имела следующие значения: ‘вера, религия, вероисповедание’ (*Которое вѣры еси ты;*

² Значения белорусских и украинских лексем подаются ниже в переводе на русский язык, что обусловлено необходимостью дальнейшего сравнения семантически соотносимых лексем. Словарные дефиниции на языке оригинала представлены в приложении 3.

хрысціянскае вѣры. 1562 г.); ‘убежденность, уверенность’ (*Како бо кто вѣру крепкую о дѣле своемъ мѣти можетъ, ижъ оное дѣло его есть богу любо*. 1562 г.); ‘доверие’ (*Маеть довести сведѣтельствомъ вѣры годными и непозреными людми добрыми*. 1588 г.); ‘верность’ (*Жоны мають обетницю, которіе в^с малженствѣ живутъ, вѣрю мужомъ заховуютъ*. 1562 г.); ‘присяга, клятва’ (*Прѣски^с мистръ ... з покорую великою примиря и покою просячи самого себе и зо всею решюю инфлантскою под вѣрѹ и ѡборонѹ королевскую поддалъ*. Пач. XVII ст.) (ГСБМ 1983, 3, 112–113). Зафиксированное словосочетание (возможно, устойчивое) *на мою веру* ‘по моему мнению’ делает возможным выделить дополнительный ЛСВ ‘мнение’ (*На мою вѣру если бы есте правдиве судити не хотели, то вамъ будеть смерть*. 1580 г.) (ГСБМ 1983, 3, 114).

Те же основные значения лексемы *вера* в той же последовательности находим в «Рэлігійным слоўніку старабеларускай мовы» И. В. Будько (Будзько 2003, 69), в котором, однако, не представлены наименования двух других исследуемых добродетелей *надежды* и *любви*.

Семантическая структура лексемы *вѣра* в старобелорусском языке выглядит так: ‘вера, рэлігія, веравызнанне’; ‘вернасць’; ‘давер’е’; ‘перакананне, упэўненасць’; ‘присяга, клятва’; ‘думка’; для сохранения смысловых особенностей значения подаются нами на белорусском языке (то же относится далее и к украинскому языку).

На рис. 3.2 отобрана семантическая структура старобелорусской лексемы *вѣра* в сравнении с древнерусской.

Таким образом, в старобелорусском и древнерусском языках совпадают только три ЛСВ лексемы *вѣра*; специфичных семем в древнерусском языке было второе больше, чем в старобелорусском – 10/3.

Что касается говоров, то в силу дифференциального (по преимуществу) характера белорусских диалектных словарей данная абстракта не нашла в них надлежащего отражения. Исключение составляют «Тураўскі слоўнік»,

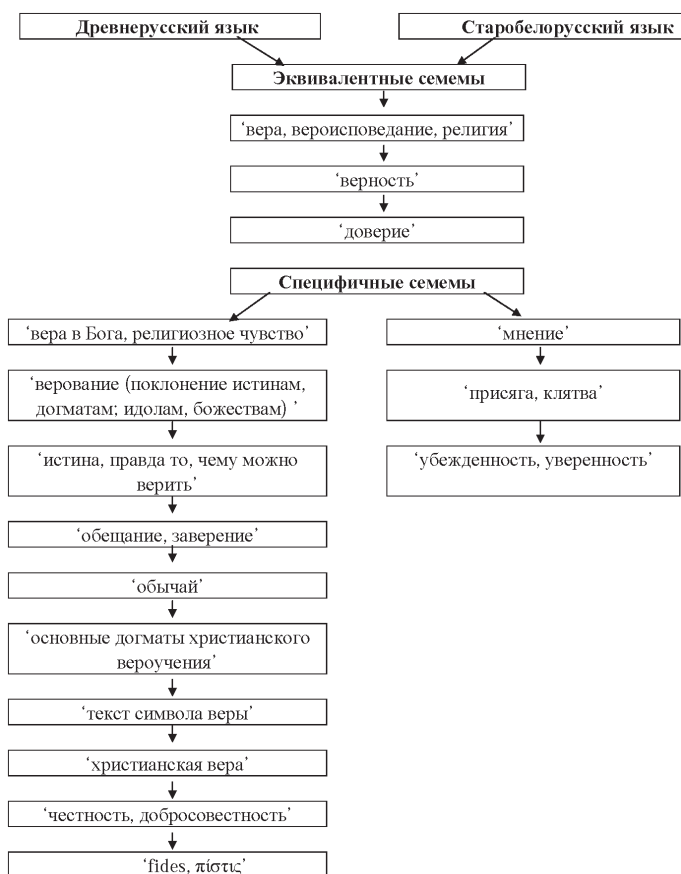

Рис. 3.2. Соотношение семем слова *вѣра* в древнерусском и старобелорусском языках

в котором зафиксировано исследуемое слово как с традиционной семантикой ‘вероисповедание, вера’ (*У бога веры цяпер няма*), так и с не совсем обычной – ‘лира’ (*У веру грае старэц і Лазара пое*; Тербличи Столинского р-на) (ТС 1982, 1, 112; Гладчанка, Вера 2008), а также «Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны» И. К. Белькевича с *верой* в значении ‘вера, доверие’ (*Я яму нізашто ні няў веры*) (Бялькевіч 1970, 106).

3.3.4. Віра в українском языке

В 11-томном «Словнику української мови», как и в современных русском и белорусском толковых словарях, отмечается три значения лексической единицы *віра*: 1. 'уверенность в чем-либо, в осуществлении чего-либо' (*Вірю я в правду свого ідеалу, і коли б я тую віру зламала, віра б зламалась у власне життя*), дополнительное значение 'уверенность в положительных качествах кого-либо, в правильность, рассудительность чьего-либо поведения' (*Я завжди був великим оптимістом і дотепер не втратив віри у людей, у перемогу всього світлого над темрявою і злом*); 2. 'то же, что и доверие' (*Без міри нема віри*). Третье значение 'признание существования Бога, убежденность в реальном существовании чего-либо надприродного' (*Тут довелося зачепити питання і про бога і про чорта, про віру в першого і про всякі мудрощі другого*), имеющее помету *религиозное*, обладает смысловым оттенком 'то или иное религиозное учение, вероисповедание' (*Котилися і наші козаці Дурні голови, за правду, За віру христову*) (СУМ 1970, 1, 679).

«Словарь украинского языка» под редакцией Б. Д. Гринченко также зафиксировал три основных значения исследуемого слова: 1. 'вера; доверие' (*А в козака стільки віри, як на синім морі піни*); 2. 'вера, религия' (*Хто за віру умирає, той собі царство заробляє*); 3. 'народ' (*Прийде віра християнська во небесний рай*) (Гринченко 1907, 1, 239; все примеры из фольклорных источников). Следует отметить, что последняя семема 'народ' не отражена в русских и белорусских лексикографических источниках.

В «Історичним словнику українського языка» под редакцией Е. К. Тимченко семантическая структура лексемы *вѣра* включает семь ЛСВ: 1. 'истинность верования, принятие в качестве правды' (*С вѣрою бо целующе єго*); 2. 'признание существования Бога и его почтения' (*Євномій мовить, же єдна вѣра безъ оучинковъ можетъ збавити*); 3. 'вероисповедание, религия' (*Дванадцат артикулов вѣри християнское*); 4. 'достоверность, кредит, важность, значение, ува-

жение' (*А мы слюбоуємо єму при нашей вѣри ... тѣхъ 4 тысячи рублий воротити исполна*); 5. 'верность, постоянство, уверенность, старательность, словесное обещание («словність»)' (*А у Черновци возы не стрясти, але купецъ дастъ свою вѣру, аже не имасть заповѣданный товаръ на свой возъ; Вѣру теж малженскую зломилъ*); 6. 'клятва, присяга' (*Не заховали жолнѣрове гетманови вѣру*); 7. 'народность' (*И се обрѣтєся тамо нѣкій человекъ капитанъ, сербской вѣри, именемъ Вуколя*) (Тимченко 1930, 486–487). Отметим, что разделение 4-го и 5-го ЛСВ при дальнейшем анализе лексемы *вѣра* обусловлено различной смысловой нагруженностью входящих в нее семем.

В «Словнику української мови XVI – першої половини XVII ст.» зафиксировано восемь значений слова *вѣра* (*вера, вира*): 1. 'уверенность в истинности чего-либо, в возможности осуществления чего-либо' (*Але такъ ти ся записю листомъ свои(м) на свою вѣрѣ <...> ѿ то бѣдетъ ти навѣки ѿ(т)пущєно*. Серед. XVI в.); 2. 'религиозные убеждения в существовании Бога, других сверхприродных сил' (*А он рекль еи. дочко боудь доброи надѣи вѣра твоя тебе здороваю оучинила // иди собѣ с миром*. 1556–1561 г.); 2.1. *перен.* 'твердыня, оплот' (*А(л)бо если бы вѣры не мѣль теды дви(д)ѣръ и Пр(о)ркъ; такѡвѣю жъ вѣрѣ добръю мѣль; ѿ въскресєнію нашємъ общємъ*. 1646 г.); 3.1 'те или иные религиозные учения; вероисповедание' (*ѡста(в)уємъ тє(ж) и(ж) на всакую рє(ч) ѡ ко(ж)дого суду свє(т)ки маю(т) быти веры хрє(с)-тия(н)скоє*. 1566 г.); 4. 'преданность, верность' (*Вбачивши глѣбокость вѣры <...> княза ... Гѣстрозского ... пожаловали єсмо ... имѣнемъ въ Киевскомъ повѣтє*. 1507 г.); 5. 'свидетельство правдивости; клятва, присяга' (*Гдеж Желехъ тамъ шлюбивши намъ рѣкоданємъ под чєстью, под верою своєю, з дворя нашего зєжѣдчати и на тотъ ся рокъ <...>*. 1565 г.); 6. 'доверие' (*Вырокомъ нашимъ такъ єсмо нашли, же он чєсть и верѣ стратил <...>*. 1565 г.); 7. 'достоверность' (*А для лепшого веры и твердости сего листа моего просилємъ вельможного князя Семєна ... о приложєне печати*. 1555 г.); 8. 'подтверждение правдивости; свидетельство'

(*А на то єст вѣра нашего господства ... мы Стефана воеводи, ... и вѣра наших бояр.* 1501 г.); 9. ‘приговор’ (*Іо́сифъ <...> пилáтовоу ... вѣрѣ оумакъчѣль.* I пол. XVII в.) (СУМ XVI–XVII ст., 145–149).

По данным словаря Л. Дэже, в середине XVI в. абстрема *вѣра* употреблялась только в двух основных значениях – ‘вера’ (*Вѣра ико Іисусу Христу, аж за него имаєме выдпущєніє грѣховъ*) и ‘религия’ (*Христось ... бывъ голова церкви и прїявъ жиды и поганыи языки у одну вѣру, у одно право*) (Дэже 1985, 56), что ставит под сомнение полноту охвата автором семантического объема исследуемой лексемы. Это подтверждают и данные словаря староукраинского языка XIV–XV вв., отражающего лексику более ранней эпохи, в котором зафиксировано пять ЛСВ слова *вера*: 1. ‘вероисповедание) вера’ (<...> *оу нашихъ листехъ записали ... Владиславу Крол Полскому ... подлугъ хрестьяньскоѣ веры.* 1403 г.); 2. ‘(преданность) верность’ (<...> *тогда тото исныи воевода и бра(т) єго ... имають ис правою вѣрою ... того исного города боронити.* 1388 г.); 3. ‘достоверность’ (*А я самъ <...> для лепшое веры <...> и свою печат єсми к сєму моему листу привєсил.* 1475 г.); 4. ‘доверие’ (<...> *при томъ добрыхъ было им же чєсть и вѣра лєжить.* 1412 г.); 5. ‘свидетельство правдивости’ (*А на то вѣра моа и моихъ сыно (!) вѣра <...>.* 1392 г.) (ССМ XIV–XV ст. 1978, 2, 229).

Семантическая структура лексемы *вѣра* в старорусском языке включает в себя: ‘важність, вага’; ‘вера, религия, віросповідання’; ‘вірення, приймання за правду’; ‘вірність’; ‘вірогідність, достовірність’; ‘довір’я’; ‘клятва, присяга’; ‘кредит’; ‘народність’; ‘певність, упевненість’; ‘повага’; ‘признання існування Бога’; ‘присуд’; ‘ретельність’; ‘свідчення правдивості’; ‘словність’; ‘сталість’; ‘твердиня’.

При сравнении семантических структур лексемы *вѣра* в древнерусском и староукраинском языках видно, что в отличие от старорусского и старобелорусского староукраинскому языку присуще большее количество специфичных ЛСВ, чем древнерусскому – 8/13 (рис. 3.3).

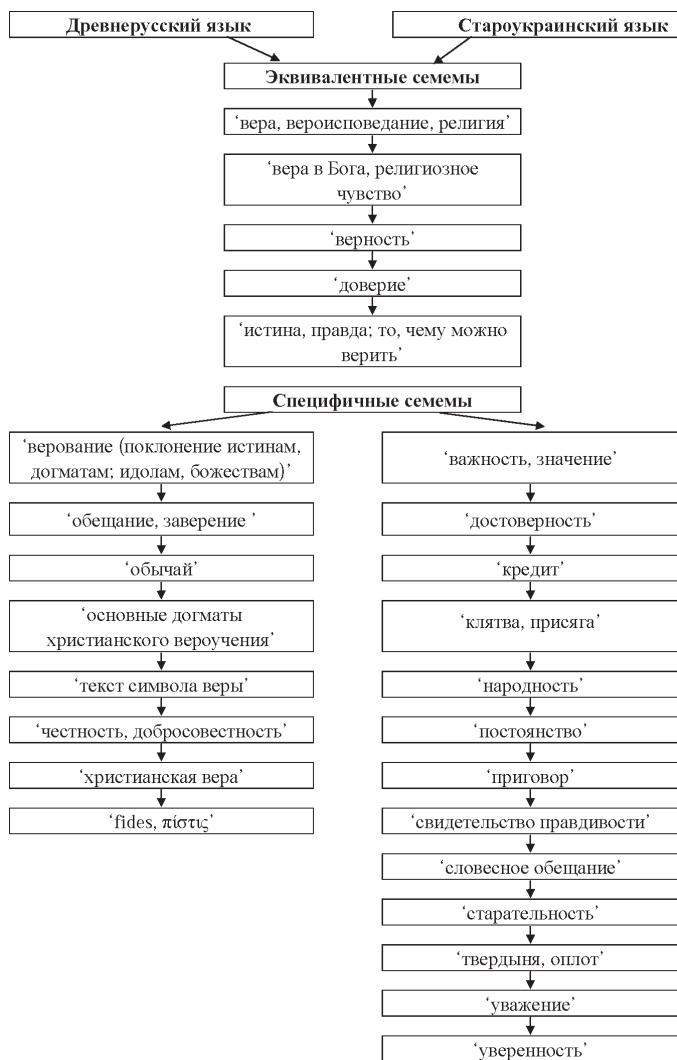

Рис. 3.3. Соотношение семем слова *вѣра* в древнерусском и староукраинском языках

В «Словнику бойківських говірок» отмечены, помимо обычной семантики исследуемого слова – ‘вера’ (*Шчоз” го с”а в’іра ни бр’ала*), семема ‘кредит’ (*Дати на віру*) и сино-

нимичная ему ‘кредит, долг’ (*Усá бiда чiриз вiру*) (СБГ, 130). «Словарь карпатоукраинского торуньского говора» зафиксировал *vira* с ЛСВ ‘вера’, однако без примера (СКТГ, 200). Не содержат иллюстраций к слову *vira* в значении ‘народ; нация; этнос’ и «Матеріали до словника гуцульських говірок» (Піпаш 2005, 26). «Скарби гуцульського говору: Березові» отражают использование лексемы *vira* в устойчивом выражении, значение которого противоположно традиционному пониманию указанной абстремы, – обсценизме *пся vira* (*Ты чигó на моїм пасту́шшии! Ти, пся vиро!*) (Негрич 2008, 40). Таким образом, в западноукраинских говорах лексема *vira* употребляется в значениях, которые не встречаются в других диалектах восточнославянских языков, – ‘кредит, долг’ и ‘народ; нация; этнос’.

3.3.5. Сопоставительный анализ ЛСВ слова *вера* в восточнославянских языках

Проведенный дефиниционный анализ подтвердил мысль, высказанную В. И. Перебейнос, о том, что «и количество, и порядок расположения значений в словарной статье одного и того же слова никогда не совпадают в разных словарях даже одинакового объема» (Перебейнос 1962, 5).

Выявленный набор семем, характеризующих слова *вера/вера/vira* в русском, белорусском и украинском языках, начиная с выделения их из древнерусского и заканчивая современным состоянием, отображает общее и различное в дефиниционном толковании исследуемых абстрактных понятий (табл. 3.1).

Таблица 3.1. Соотношение семем слова *вера* в восточнославянских языках

Семема	Рус.	Бел.	Укр.
‘благочестие, религиозное рвение’	+	–	–
‘важность, значение, уважение’	+	–	+
‘вера в Бога, религиозное чувство’	+	–	+
‘вера, вероисповедание, религия’	+	+	+

Продолжение табл. 3.1

Семема	Рус.	Бел.	Укр.
‘верность’	+	+	+
‘верность (женская, супружеская)’	—	+	+
‘вероятность, возможность’	+	—	—
‘доверие’	+	+	+
‘догматы христианского вероучения’	+	—	—
‘долг, одолжение’	—	+	+
‘достоверность’	—	—	+
‘желание, охота, намерение’	+	—	—
‘истина, правда; то, чему можно верить’	+	—	+
‘кредит’	—	+	+
‘лира’	—	+	—
‘мнение, суждение’	+	+	—
‘народность, народ’	—	—	+
‘о людях одного вероисповедания, религии’	+	—	+
‘обещание, заверение’	+	—	—
‘обычай, традиция’	+	—	—
‘поверье, примета’	+	—	—
‘подтверждение правдивости; свидетельство’	—	—	+
‘понятие, умение’	+	—	—
‘приговор, решение’	—	—	+
‘присяга, клятва’	+	+	+
‘проверка, установление правильности’	+	—	—
‘религиозное учение’	+	+	+
‘религиозные представления, верования’	+	—	—
‘религиозный обряд, богослужение’	+	—	—
‘старательность, добросовестность’	+	—	+
‘твердыня, опора’	—	—	+
‘текст символа веры’	+	—	—
‘убежденность’	+	+	—
‘уверенность’	+	+	+
‘устойчивость, надежность’	+	—	+
‘христианская вера’	+	—	—
‘честность’	+	—	—

Сравнительный анализ словарных дефиниций имен существительных *вера/вера/віра* показал, что мнения составителей словарей по поводу ЛСВ не совпадают, поэтому выделенные ими семемы весьма разнообразны. Это позво-

ляет утверждать, что семантические границы между значениями слова *вера* в восточнославянских языках являются в значительной степени размытыми, диффузными, что, в свою очередь, свидетельствует о расплывчатости, неопределенности абстрактного понятия «вера» в целом при функционировании его языкового кода в речи.

Староукраинскому языку, по сравнению со старорусским и старобелорусским, был присущ более широкий диапазон значений абстремы *вѣра* (18/8/6). М. Бреаль неоправданно считал подобные факты свидетельством «преимущества» какого-либо языка: «Чем больше значений собрано в одном слове, тем больше разных аспектов интеллектуальной и социальной деятельности оно представляет» (Ульман 1970, 267). Вряд ли количество словарных дефиниций может быть показателем оценки богатства («преимущества») того или иного языка. Данные словарей позволяют говорить о том, что в современных русском, белорусском и украинском языках (по сравнению со старорусским, старобелорусским и староукраинским) произошло сужение семантического объема слова *вера*: более конкретные значения ‘присяга, клятва’ и ‘кредит, долг’ были утрачены.

В современных лексикографических источниках восточнославянских языков увеличилось количество абстрактных значений, часть признаков характеристик которых не жестко фиксирована (например, ‘уверенность’, ‘убежденность’ и т. п.) и довольно свободно поддается варьированию. Кроме того, лексема *вера* отражена в них в следующих пяти значениях: ‘верность’, ‘доверие’, ‘присяга, клятва’, ‘религиозное учение’, ‘уверенность’. Общим является также тот факт, что религиозное понимание в толковании лексемы *вера* уступает место нерелигиозному, светскому.

Различия в сравниваемых восточнославянских языках заключаются в существовании «эксклюзивных» ЛСВ: значения ‘благочестие, религиозное рвение’, ‘вероятность, возможность’, ‘догматы христианского вероучения’, ‘желание, охота, намерение’, ‘обещание, заверение’, ‘обычай, тради-

ция', 'поверье, примета', 'понятие, умение', 'проверка, установление правильности', 'религиозные представления, верования', 'религиозный обряд, богослужение', 'текст символа веры', 'христианская вера', 'честность' – в русском языке (14); конкретное значение 'лира' – в туровском говоре белорусского языка (1); значения 'достоверность', 'народность, народ', 'подтверждение правдивости', 'свидетельство', 'приговор, решение', 'твердыня, опора' – в украинском языке (6). Их наличие подтверждает мысль о своеобразии картирования окружающего мира и одновременно является доказательством неодинаковости видения его конкретным культурным сообществом.

Результаты проведенных по инициативе Ю. Н. Караулова и Н. В. Уфимцевой экспериментов при создании «Славянского ассоциативного словаря» позволили исследователям сделать вывод о том, что наибольший процент пересечений в языковом сознании (на основании анализа реакций на 112 стимулов) наблюдается у белорусов и украинцев, меньше всего совпадений у белорусов и русских (Караулов 2006, 110). Полученные нами выводы отчасти соответствуют утверждению Ю. Н. Караулова: согласно материалу, представленному в табл. 3.1, наибольшее количество сходных значений наблюдается в русском и украинском языках (12), далее располагаются белорусский и украинский языки, обнаруживающие 11 совпадений, затем – русский и белорусский с наименьшим числом совпадений (8).

В целом (при базовой семантической общности) исследуемые абстрымы *вера/вера/vіра* обладают некоторыми смысловыми отличиями, возникшими в результате своеобразного восприятия и толкования данной аксиологической номинации носителями русского, белорусского и украинского языков.

Что касается национально-культурной специфики, а точнее, типа соответствий, можно отметить, что между тремя восточнославянскими языками, безусловно, существует определенная базовая признаковая общность, за пределами ко-

торой каждый язык добавляет некоторое количество несходных признаков (другими словами, наблюдается *пересекающееся наложение смысловых объемов исследуемых лексем* (Вильмс 2007, 111)). Наиболее богатым в отношении абстрактных (в том числе и религиозных) признаков исследуемого слова *вера* выступает русский литературный язык, что, безусловно, связано с его особыми отношениями с церковнославянским языком — в том числе генетического характера. Белорусский и украинский литературные языки, сформировавшиеся на основе живых народных говоров, имеют общие специфичные значения, не находящие соответствия в русском языке: ‘долг, одолжение’, ‘кредит’, ‘верность (женская, супружеская)’ (Герасимович 2009).

Таким образом, в процессе исторического развития общества и связанных с ним социальных трансформаций происходят не обнаруживаемые в синхронии процессы изменения семантического наполнения номинаций, а отсюда — и в дескрипции предметов и/или явлений окружающего мира. Диалектика действительности определяет динамику изменений понятий, их наполняемость лексическими средствами языка и коннотативную интерпретацию. Чувственная картина внутреннего мира человека также подвергается вербальному переосмыслению, как это происходит с предметным миром, окружающим человека и отраженном в его сознании. Сами по себе чувства не могут меняться с течением времени, но их языковой код видоизменяется вместе с семантической интерпретацией смыслов понятия. В отдельных языках это преобразование происходит по-разному, следовательно, и языковым сознанием каждого отдельного этноса охватывается и интерпретируется своеобразно.

3.4. Этимология лексемы *вера*

В задачи предлагаемого исследования входит семантическая реконструкция абстрактных лексем (в рамках этимологии), которая заключается в установлении исходного значения на основе анализа современных и исторически за-

свидетельствованных данных и данных других индоевропейских языков (Толстая 2008, 452). Лексема *вѣра* была получена древнерусским языком в наследство из праславянского. В качестве исходной формы для нее исследователями предлагается субстантивированное **vēra < *vērьnъ(jь)*, практически во всех славянских языках имеющее значение ‘вера, уверенность, доверие’: болг. *вяра* ‘религиозное мировоззрение’, ‘уверенность’, ‘доверие’, серб.-хорв. *вѣра*, словен. *véra*, чеш. *víra*, словц. *viera*, в.- и н.-луж. *wěra*, польск. *wiara*, укр. *віра*, бел. *вера*, а также атрибутивные континуанты: болг. *вѣрен* ‘преданный’, серб., хорв. *вѣран* ‘преданный’, ‘верующий’, словен. *veren* ‘верный’, ‘верующий’, чеш. *věrný* ‘верный’, словц. *verný*, в.- и н.-луж. *werný*, польск. *wierny*, бел. *верны*.

В генетическом отношении слово *вера* восходит к и.-е. **ǵērā-* ‘доверие’, ‘вера’ (Черных 2004, 141). Что касается и.-е. корня **ǵēr-*, **ǵērə-*, то он имел значение ‘дружеское расположение; доказывать дружеское расположение’. Отсюда **ǵēr-os* ‘достойный доверия, верный, истинный’, греч. *ἔηρ-* ‘сделать приятное, одолжение, любезность’ и *ἦρα* – наречие-предлог ‘ради’ (Pokorny 1959, 1165). Родственно авест. *var-* ‘верить’, *varəna-* ‘вера’, осет. *ирнун* ‘верить’, др.-в.-нем. *wāra* ‘правда, верность, милость’, *-wērs* ‘истинный’, ‘действительный’, ‘верный’, др.-ирл. *fír* ‘правдивый, истинный’, лат. *vērus* ‘истинный, правдивый’ (Brückner 1957, 611; ЕСУМ 1982, 1, 402; Derksen 2008, 520; RSKJ 1967, 183).

Исходным значением полисеманта *вера* признается сема ‘истина, правда’, соотносительная с зависимой от нее семой ‘клятва, присяга’, откуда позднее развились известные всем славянским языкам значения ‘вера, уверенность’ и их продолжения (Шанский 1994, 36). Однако, учитывая некоторые другие материалы словарей и тот факт, что значение слова имеет много уровней «глубины» (Постовалова 2004, 589), можно предположить, что в качестве первоначального могло выступать как раз значение ‘клятва, присяга’ – ситуация, возникающая при заключении договорных отношений, обя-

зывающих обе стороны: прагерм. *wēra* ‘договор, обет, союз’, др.-исл. *Vār* ‘богиня клятвы на верность’ (Pokorný 1959, 1165), др.-англ. *wēer* ‘союз’, ‘обещание’, ‘верность’, ‘дружба’, др.-исл. *vár* ‘обет, торжественное обещание’, *vārar* pl. ‘договор’, ‘обет’ (Фасмер 1964, 1, 292–293). Древнее латинское слово *sacramentum*, в раннехристианском обиходе примененное к церковным таинствам (греч. μυστήρια), «по своему исходному смыслу означает солдатскую присягу» (Логвинов 2002, 72).

Обращение к греческому языку показывает, что πίστις с основным значением ‘вера, доверие’ имеет в качестве второго ЛСВ ‘верность, залог верности, ручательство, клятва, обязательство, договор’ (Вейсман 1991, 1004). Интересной, хотя и небесспорной представляется версия М. М. Маковского: «Понятие веры связано прежде всего с ритуальными действиями (‘гнуть’ – ‘связывать чары’ или ‘связывать чарами’ – ‘колдовать’ – ‘исцелять’))» (Маковский 1999, 58–59).

Типологическое соответствие находится также в баскском языке (баск. *sin* ‘клятва’, *sin-istu*, *sin-isten* ‘верить’), на что в свое время обратил внимание Н. Я. Марр (Марр 1936, 147). Его положение о том, что понятие «вера» является семантическим дериватом слова *небо*, было основано на следующем лингвистическом факте: «вера», а в связи с ним «свидетельство», «**клятва**», «заклинание», «суд» («дума») и т. п., в основе представляет слово, означающее ‘небо’, которое, в свою очередь, «является не празначением, а прагнездом или вместилищем гнезд празначений» (Марр 1936, 144, 147).

Для религиозно-мифологического мировосприятия носителей древних языков (в том числе и праславянского), которыми это мировосприятие в уже готовом виде могло быть, судя по всему, заимствовано (Страхов 2011), номинации со значением ‘клятва, присяга’ относились прежде всего к верховному божеству: например, слова из послания апостола Павла к евреям: «*Верою и сама Сарра (будучи неплодна) получила силу к принятию семени и не по времени возраста родила; ибо знала, что верен Обещающий*»

(К евр. 11:11). В данном случае перед нами ситуация взаимоотношений между Богом и человеком. Отсюда становится вполне понятным, об именовании какой «сложной ситуации» (Ч. Филлмор) идет речь, когда мы говорим о первоначальном значении слова *вера*.

Как было отмечено выше, значение ‘клятва, присяга’, не зафиксированное в памятниках древнерусского языка и утраченное современными восточнославянскими литературными языками, нашло отражение в старорусском, старобелорусском и староукраинском языках. Следует отметить, что следы первоначальной семантики исследуемого слова сохранились в некоторых производных: современные рус. *вероломный* ‘нарушающий или склонный нарушать клятву, обещание, данное слово’, *вероломство* ‘нарушение клятвы, честного слова’ (ССРЛЯ 1951, 2, 184), укр. *віроломний* ‘который нарушает обещание, присягу’, *віроломство* ‘нарушение обещания, присяги’ (СУМ 1970, 1, 681), бел. *вераломны* ‘который нагло нарушил клятву, договор’, *вераломства* ‘нарушение клятвы, договора’ (ТСБМ 1977, 1, 478).

В словаре В. И. Даля (середина XIX в.) отмечается эта семантика лексемы *вера* (‘клятва, присяга’), но с пометой *стар.*; там же *веритися* стар. ‘присягать, принимать присягу’; *вероломный* (т. е. ломающий веру) ‘о человеке, нарушающем клятву, присягу, верность, обет, обещание, слово’; *вероломство* ‘нарушение клятвы верности, данного слова или обещания’ (Даль 1903, 1, 816). СРЯ XVIII в. зафиксировал глагол *вѣриться* в значении ‘давать клятву друг другу’ (1987, 3, 36). Сходное также по словообразовательному строению *клятвопреступление* ‘нарушение, неисполнение клятвы, данного клятвенного обещания’ (САР, 655), употреблявшееся в дипломатических памятниках конца XVII в.: *Которая де всчатая война на государя его с французской стороны, по вероломному его клятвопреступлению, и ныне ведется за противным обещанием.*

Такое же значение ‘нарушить клятвенное обещание’ могло быть выражено словосочетаниями *порушити (нарушити)*

присягу, изломати присягу: Стефан король, **порушиа присягу** послов своих, идет к нашей отчине к Полотицу ратью; И после того почали паны твои рада говорити, что мы **присягу** и листы свои опасные **порушили**... Государь ваш перемирье постановленное и **присягу нарушил** (Сергеев 1978, 19, 21).

Необходимо отметить, что и памятники белорусской письменности дают основания говорить о наличии в слове *вера* первоначального для него значения ‘клятва на верность, присяга на верность’, которое, однако, фиксируется только с конца XVI в.: *Потомъ рыхло от своего гетмана забить здя нездержаня вери албо шлюбу; ижъ такъ зацное княжа противъ праву всехъ народовъ за зламаною от нихъ преречоною верою былъ забитый; неприятели веру и присегу свою на веръное подданство ... зламавши и по сесь часть въ упоре стоять* (Груцо 1976, 25).

Кроме того, в старобелорусском языке употреблялись устойчивые словосочетания, которые сохранили связь со значением ‘клятва, присяга’: *держати веру и правду* ‘придерживаться клятвы, присяги’ и *верою своею обовязати* ‘поручиться клятвой, присягой’ (ГСБМ 1983, 3, 113). Показательно в этом отношении и то, что лексическая единица *вера*, как и номинации *клятва* и *присяга*, входит в состав устойчивых словосочетаний с глаголами *даць, браць, узяць, зацвердзиць, умацаваць* и под.: **Браць (узяць) на веру. Вачам веры не даваць. Мець веру ў каго-, што-небудзь** (ГСБМ 1977, 1, 477); **Не ймалі веры, што гэта не могуць выгодоваць цецэрука** (ТС 1982, 1, 112); **Я тому листу веры не додаю** (Груцо 1976, 26). *Ксидиминъ ўкрепивши их присагою и ѿставивши намесниковъ своихъ, и тамъ начнетъ княжевати; ѿт любви его не ѿтстѹлю, якъ и вчера тобѣ ѿзнаймилем, Пѣнамо его има припоминаючи, и слова присагою потвержаючи* (Картотека ГСБМ); *А не захочет король креста целовати, а похочет присягу дати по своему обычаю, и король бы дал присягу на докончалной грамоте по своему; Тотъ вечному миру и союзу договор... предъ святымъ евангелиемъ на той нашего цар. в-ва и нашего кор. в-ва потверждающихъ грамо-*

тах своею кор. в-ва **присягою утвердить** без всякого мотчанья; *И укрепили* оной договор со обоих сторон **присягою**; *И по разговорех меж собою изволили учинить друг другу обещание ... и дав на том друг другу руки, целовались, и **клятвою утвердили*** [договор] (Сергеев 1978, 18–21).

Рус. словосочетания *дати вѣру* ‘дать клятву, присягу’, *приводити (привести) къ вѣрѣ* ‘приводить к присяге’, зафиксированные в СРЯ XI–XVII вв. (1975, 2, 80).

Первоначальное значение лексемы *вера* ‘клятва, присяга’ нашло отражение и в названиях некоторых дипломатических документов: современное рус. *верительная грамота* – грамота, выдававшаяся послу или дипломатическому представителю для вручения главе государства, при котором он аккредитован (ССРЛЯ 1951, 2, 176), в XV–XVI вв. использовался термин *верющая грамота (лист, ярлык)*. Данные документы свидетельствовали о полномочиях послов, которые присягнули своим правителям. *Верющая грамота* выдавалась послам, посланникам, которые ее вручали на первой торжественной аудиенции у главы зарубежного государства: *Грамоту подаль отъ Папы, да отъ Владислава короля подаль **вѣрущую грамоту**, да отъ Регнуса гардинала подаль, двѣ грамоты; На то сія наша грамота **вѣрущая** ихъ милости братѣ нашої паномъ комисаромъ и посломъ великимъ дана за нашими печатьми* (ГСБМ 1986, 7, 133); *Водле писання листу **вѣрущего** и словне пан Марко городиский за тым зрадцею мене просил* (Тимченко 1930, 489); *До подати грамота верющая... От вел. кн. Ивана Васильевича... Что он нас тебе говорити боярин мой Микита, и ты бы ему верил, то есть наши речи* (Сергеев 1978, 165).

С 60-х гг. XVII в. появляются словосочетания, которые включают субстантивированное причастие *поверенный (в делах, в государственных службах)* для обозначения особ, которые были официально уполномочены действовать за границей от имени своего государя, убежденного в том, что они не нарушат данной клятвы: *В прошлом во 178 году ... к нам,*

в. 2-рю, к нашему цар. в-ву, вас, брата нашего, в любительной грамоте, которую нам, в. 2-рю ... подал в наших делах **поверенной** Петр Марселис, через почту писано, что короля датского ... не стало (Сергеев 1971, 95–96). Ср. также укр. *вірник* ‘доверенная особа’ (СУМ 1970, 1, 681; СБГ 130) и зафиксированные в СРЯ XI–XVII вв. глагольные словосочетания *на вѣрѣ, на вѣру (жить, заниматься чем-либо)*, которые употреблялись в значении ‘на положении лица, которому под присягой доверяется исполнение административно-хозяйственных функций (о верных головах и верных целовальниках)’ (СРЯ XI–XVII вв. 1975, 2, 80).

Акциональным (и одновременно материальным) подтверждением принесенной клятвы, присяги было целование креста, о чем свидетельствуют данные русского языка: *верные целовальники* (СРЯ XI–XVII вв. 1975, 2, 80); у И. И. Срезневского: *А чего сыскъ не иметь, и имъ въ томъ присуживати вѣру крестное цѣлованье*. 1606 г.; *а у вѣры помирится, или иноу какою вѣрою межъ себя вѣрятся, кромѣ крестнаго цѣлованія, и ему своего доходу взять четыре денги*. 1679 г. (Срезневский 1989, 1, 490); у В. И. Даля: *цѣловальная запись* стар. ‘крестоприводная или присяжный лист’, стар. *цѣловальник* ‘присяжный человек (тот, кто присягал на верность кому-либо)’, *цѣлованье* ‘присяга’ (*Привель государь бояръ къ цѣлованью*) (Даль 1909, 4, 1270). Целование креста как присяга прослеживается также в договорных грамотах русских князей, летописных повестях и т. п. (Черная 2003, 219).

3.4.1. Семантические особенности лексем *рота*, *клятва*, *присяга* в качестве репрезентантов понятийной сферы лексемы *вера*

Интересным представляется рассмотрение лексемы *рота*, выступающей в качестве иллюстрации к толкованию слова *вера* в значении ‘обычай’ в СДрЯ XI–XIV вв.: *А ѿ процѣ да на роту ходить. по своеи вѣрѣ. ко не имѣа ничтоже. ти тако пущень будетъ* (СДрЯ XI–XIV вв. 1989, 2, 300). По мне-

нию историка В. О. Ключевского, *рота* ‘клятва’ заключалась в целовании креста и представляла собой «легчайший вид суда божия» (Ключевский 1990, 178, 175).

В СРНГ зафиксирована многозначная лексема *róta* 1. ‘клятва, обет’ (сиб., том.), 2. *rotá* ‘присяга’ и 3. *rotá* ‘заклинанье типа: отсохни рука, чтоб мне провалиться’ (СРНГ 2001, 35, 204). В этимологических словарях русского языка А. Г. Преображенского и М. Фасмера приводятся следующие славянские параллели к слову *rotá* ‘клятва, присяга’: др.-рус. *рота* ‘клятва’, *ротити ся* ‘клясться’, *ротъникъ* ‘клянущийся’, серб.-ц.-слав. *rotити са* ‘клясться’, серб.-хорв. *рòта* ‘присяга’, *рòтити се* ‘клясться’, словен. *róta* ‘присяга’, *rotíti* ‘заклинать’, чеш. *rotiti* ‘проклинать’, ‘роптать, сердиться’, польск. *rota* ‘присяга’, *rota (przysięgi)* ‘присяжный лист’, в.-луж. *roćić so* ‘клясться’ (Фасмер 1971, 3, 507; Преображенский 1959, 2, 216–217). В. И. Даль к существительным *rotá*, *ротъба* в качестве толкования приводит следующий семантический ряд: *божба, клятва, клятба, обет, обещанье, зарок, клятва Богу*; стар. *присяга* (Даль 1907, 3, 1722).

Как доказательно писал О. Н. Трубачев, вполне возможно предположить, что слав. *rota* восходит к **rokta*: **rekti*, ст.-слав. *рѣштити*, рус. *речь*. Значение, полученное в результате предложенной этимологии, подтверждается польск. *rota* ‘точно установленная формула присяги на суде’, т. е. именно ‘реченное’ (Трубачев 2004, 602). Таким образом, праславянский язык обнаруживает несколько специальных обозначений клятвы, присяги: **kļetva* – **kloniti*, т. е. ‘колени-преклоненная клятва’, **prisęga* к **sęgati* ‘клятва с прикосновением к предмету’, **rokta* ‘клятва-формула’ к **rekti* (Трубачев 2004, 602).

Польская исследовательница А. Энгелькинг в специальной работе «Kłątwa: rzecz o ludowej magii słowa» («Клятва: исследование народной магии слова») пишет, что для носителей польского языка глаголы *kląć się* ‘клясться’ и *przysięgać* ‘присягать’ являются абсолютными синонимами (Engelking

2000, 127); материальным/акциональным подтверждением сказанной под присягой правды выступало поднятие вверх двух пальцев и поцелуй креста при свидетелях: «Przysięga prawdziwa była, ten krzyż dawali. Dwa palce podnieść trzeba było i **krzyż** dawali **całować**. I przysięgało się, że będzie mówiło prawdę. Jak sprawa jakaś była w rodzinie, to w domu przysięgali, krzyż się stawiało, świadkowie byli. <...> Bez krzyża przysięga nieważna; podnosił dwa palce do góry: «Wzywam Boga na świadka, że będę mówił prawdę». Ksiądz wydaje domu przysięgę, jest przy tym. Później ksiądz daje **krzyż całować**» (Присяга была настоящей, давали крест. Надо было поднять два пальца и **крест** давали **целовать**. И присягалось, что будет сказана правда. Если дело какое-то было в семье, то в доме присягали, крест ставился, свидетели были. <...> Без креста присяга недействительна; [присягающий] поднимал два пальца вверх: «Призываю Бога в свидетели, что буду говорить правду». Ксёндз разрешает присягать дома и сам присутствует при этом. Потом ксёндз дает **крест целовать** (Engelking 2000, 127–128; перевод наш. – О. Г.).

Польск. *kląć* (< праслав. **kłęti*, **kłьnq* (*se*)), вероятнее всего, имеет общий корень с *kłonić* (< праслав. **kloniti*) и *kłęzcęć*. А. Брюкнер в словарной статье *kląć* пишет: «Славянин во время клятвы склонялся до земли, касаясь ее рукой» (Brückner 1957, 232). Ф. Славский подчеркивает: «Идя в этом направлении, Махек (Machek 1957, 205) сравнивает прежде всего с лат. *in-clinō mē* ‘наклоняться, сгибаться’ и греч. *klinomai* ‘наклоняться’» (Sławski 1958–1965, 2, 193–194). У М. Фасмера в статье *клянѹ, клясть*: значение ‘клясться’ возникло из ‘проклиная себя’; далее, вероятно, к *клонѹть*, так как при произнесении клятв касались земли рукой (Фасмер 1967, 2, 259); то же отмечает и О. Н. Трубачев: «Действия, обозначаемые **kłęti* (*se*), **kłętva*, получают конкретную характеристику букв. ‘касание рукой’» (ЭССЯ 1983, 10, 38).

Присяга есть акт/действие, непосредственно связанное с Богом. Тот, кто принимает присягу, отдает себя во владение сил божьей справедливости, которую сам призвал со-

вершением присяги. Наказанием за ломание присяги или за ложную присягу – клятвопреступление – является проклятие, или ‘состояние быть проклятым’ (Engelking 2000, 127–128). По мнению Н. Г. Русаковой, присяга представляет собой разновидность клятвы – «торжественного обещания соблюдать правила поведения, обязательные для субъекта, приобретающего новый статус» (Русакова 2008, 15).

Слово *присяга* также имеет славянское происхождение – исходит от того же корня, что и глагол *сягáть*: у В. И. Даль *сягáть* ‘доставать до чего, хватать, достигать’ (Даль 1909, 4, 703); рус. диал. *досягáть/досягáчи* и *досячи́/досячь* ‘достать, дотягиваясь до чего-либо’ (СРНГ 1972, 8, 153–154), рус.-ц.-слав. *досяци*, *досячи* ‘прикоснуться’ (Фасмер 1971, 3, 367), укр. *сягáти*, *сягну́ти* ‘доставать, хватать’, а также в других славянских языках: болг. *сѣгам*, *сѣгна* ‘вытягиваю руку’, серб.-хорв. *сѣгнути се*, *сѣгнем се* ‘тянуться за чем-либо’, словен. *sěči*, *sěžem* ‘вытягиваю руку, тянуться за чем-либо’, *sěgniti*, *sěgnem* ‘тж’, ст.-чеш. *dosieci* ‘достать, достигнуть’, *přisieci*, *přisahu* ‘клясться’, *osieci* ‘охватить’, чеш. *sahati*, *sáhnouti* ‘доставать, дотягиваться’, *dosíci* ‘достать, достичь’, словц. *dosah* ‘достижение’, *dosahovat* ‘доставать’, *siahat*, польск. *sięgać*, *sięgnąć* ‘доставать, дотягиваться’, в.-луж. *sahać*, *dosahnyć*, н.-луж. *segaś*, *segnuś* (Фасмер 1971, 3, 825).

Следует сказать, что «ритуальная стратегия поведения во многом определяла жизнь у восточных славян» (Байбурин 1993, 16), например, в Древней Руси присяга на оружии являлась одним из надежных средств обеспечения выполнения международных соглашений. С введением христианства утверждение договоров сопровождалось присягой на Евангелии (Сергеев 1978, 18; Мечковская 1998, 51–52).

В. И. Даль рассматривал *присягу* в одном понятийном ряду со словами *досягать*, *достигать*, *сяжень* (*сажень*) (Даль 1909, 4, 704). *Сягъ*, *сяжѡкъ* ‘расстояние, на которое можно сягнуть, шагнуть’, *сяжѣнь* ‘мера, на сколько сягают раскинутые руки, сажень, маховáя сажень’ (Даль 1909, 4, 704).

Языковой материал позволяет предположить, что, прикасаясь к священному предмету, который находился на определенной дистанции, присягающий как бы дотягивался до него, тем самым подтверждая верность сказанных слов и придавая им смысл священных, торжественных.

3.4.2. Диалектные значения лекси́мы *вера*

Вера ‘лира’ (к проблеме типологии семантических сдвигов). Значимость диалектного материала, а также сведений исторического, этнографического и фольклорного характера в этимологических исследованиях уже давно обоснована. На достоверность выводов, сделанных при привлечении подобной информации, обращали внимание многие исследователи языка. В частности, Н. И. Толстой и С. М. Толстая в предисловии к этнолингвистическому словарю «Славянские древности» (1995) подчеркивали, что «широкий этнокультурный контекст является необходимым условием для этимологизирования собственно «культурных» слов и имен <...>. Их внутренний смысл, мотивировка и происхождение выясняются только на базе обрядового, фольклорного, мифологического материала» (Толстой 1995, 13).

В. И. Абаев также считал, что «подлинно научное этимологическое исследование должно иметь широкую опору во всестороннем изучении реалий», так как этимология теснее, чем другие разделы языкознания, связана с историкокультурным контекстом (Абаев 1956, 307) и именно диалектные факты и материалы, которые являются сокровищницей наиболее древних форм и значений, «дают часто ключ к правильной этимологии» (Абаев 1956, 301). Ценность диалектного лексикона как прямого источника сведений этнографического характера, выражаясь словами А. Ф. Журавлева, «неоспорима: в любом региональном словаре <...> содержится такое количество «тонкой» культурной информации, что он вполне может выдержать конкуренцию с прямыми этнографическими описаниями, а нередко и превосходит их» (Журавлев 2003, 179).

Следует отметить, что отдельные значения лексем находят свою реализацию только в определенном семантическом контексте, который составляют не только его сочетания с другими словами (ближайший языковой контекст), но и целые высказывания и даже тексты (особенно поэтические и стилистически окрашенные) и далее – разнообразные ситуации (реалии) действительности, к которым это слово применимо (Толстая 2008, 178).

Как уже указывалось выше, в диалектном словаре туrowsко-житковичского региона белорусского центрального Полесья («Тураўскі слоўнік» в 5 т.) у слова *вера* зафиксировано совершенно неожиданное, на первый взгляд, значение ‘лира’ (ТС 1982, 1, 112: *У веру грае старэц і Лазара пое*; Теребличы Столинского р-на). Особенно привлекает к себе внимание тот факт, что отмеченное для *вера* значение не известно больше ни одному из славянских языков, но присутствует в латинском как омоним к *fidēs* ‘вера, доверие, уверенность’: *fidēs* ‘струна, струнный инструмент (кифара, лира)’, ‘игра на струнном инструменте’ (Дворецкий 2003, 326). Очевидно, в говоре произошел метафорический перенос *вера* ‘вероисповедание’ → *лира* ‘музыкальный инструмент’, основания для которого возможно найти при обращении к экстралингвистическим фактам.

Ли́ра (греч. λύρα) – древнегреческий струнный щипковый инструмент, который был широко распространен в разных музыкальных культурах Древнего мира: шумерской, египетской, греческой, этрусской (Коляда 2003, 183). Кроме того, лира входила в первичный и ограниченный набор христианских символов, перечисленных в творениях св. Климента Александрийского (*голубь, рыба, корабль, лира, якорь*); десятиструнную лиру автор толкует как символ самого Христа или Слова Божия (Уваров 2001, 143, 228).

Связанная обычно с бытом нищих колесная лира (Назина 1982, 72–83), называемая в Украине сильно трансформированными *реля, рыля* (с метатезой слогов, которая омофонически способствует этимологическому обновлению

номинативного прототипа), а Беларуси – *лѣра* (Музыкальная энциклопедия 1976, 3, 278; Назина 1982, 72), является древним музыкальным инструментом восточнославянских певцов. В современном белорусском литературном языке слово *ліра* употребляется в двух значениях: ‘древнегреческий струнный щипковый музыкальный инструмент’ и ‘старинный народный белорусский музыкальный инструмент с клавишами и сумой’³; в переносном понимании лексема толкуется как ‘символ поэзии, поэтического творчества’ (ТСБМ 1979, 3, 48).

Первые сведения о бытовании лиры у белорусов относятся ко второй половине XVII в.; по другим данным – к рубежу XVI–XVII вв. (ЭЛІМБел, 260). С того времени старцев-лирников можно было встретить на всей территории этнографической Беларуси – от Смоленска до Белостока, поэтому лира по праву считается одним из бытовых и типичных для Беларуси народных музыкальных инструментов (Прывалаў 1928, 30, 32). Из употребления лира вышла в 30–40-е гг. XX в. вместе с исчезновением класса профессиональных нищих (Этнаграфія Беларусі 1989, 290).

Белорусские старцы распевали под аккомпанемент лиры духовно-религиозные стихи, псалмы, канты, исторические и поучительно-бытовые песни (Беларускі фальклор 2006, 30); танцевальные мелодии играть на лире, согласно народной opinio, считалось грехом (Прывалаў 1928, 30). Пение старцев приносило деревенскому населению удовольствие, само же ремесло считалось почетным занятием и всегда вознаграждалось уважением и щедрыми воздаяниями (Малевич 1906, 109–110). Музыковед А. Л. Маслов, который занимался изучением пения под звуки лиры, небезосновательно считал лирников «воспитателями народа в деле познания добра и истины» (Назина 1982, 83). Странствующие певцы – в большинстве случаев люди с физическими недостатками (слепотой, хромотой и т. п.) – стремились вызвать

³ И. Г. Шкраба вряд ли корректно причисляет *лѣра/ліра* к числу безэквивалентной белорусской лексики (Шкраба 2008, 150).

у слушателей чувство жалости, поэтому основное место в их репертуаре занимали духовные стихи («старческие, святые песни»). Наиболее популярным (с множеством вариантов) был текст на основе евангельской притчи (Лк 16: 19–31) о Богаче и Лазаре (Мокиенко 1999, 157; Конан 2009, 497–498), в которой последний воспринимался как «образцовый» нищий (БФСРЯ, 346). Е. Р. Романов в комментарии к сборнику белорусских духовных стихов/песен отмечал: «Вообще «Лазарь Бедный» широко распространен в Беларуси, его пели не только старцы <...>, но и все угнетенные и оскорбленные⁴. Кажется, белорус не против того, чтобы видеть в бедном Лазаре самого себя» (Конан 2009, 498–499).

Впоследствии данный образ был переосмыслен в народном сознании и приобрел неодобрительный оттенок, обусловленный тем, что нищие и слепцы нередко прибегали к обману, рассказывая о своих невзгодах и болезнях, или тем, что под образом нищих ходили люди, которые притворялись несчастными (Отин 2006, 224; Лепешаў 1981, 76). Эти реалии, которые являются экстралингвистической коннотацией, повлекли за собой употребление в русских говорах собственного имени *Лазарь* в качестве нарицательного: ‘прозвище нищих, а также слепых, добывающих себе пропитание пением’ (Фасмер 1967, 2, 449), ‘**льстивый, жалобный** попрошайка’ (Даль 1905, 2, 603), ‘**лицемер, ханжа**’ (самар., пенз.), ‘о льстивом человеке’ (нижегор.), ‘о человеке, который с помощью лести, угодничества стремится добиться чьего-либо покровительства, милости, доверия’ (пенз., тамб., перм., том.), ‘о ловком, действующем в корыстных целях человеке’ (*Ишь, какой Лазарь!* калуж.), ‘о навязчивом, настойчивом в своих просьбах человеке’ (псков., твер.), ‘о ленивом, плохом ученике’ (СРНГ 1980, 16, 242; перм. *Эх, ты лазарь! Сидишь первым внизу*).

⁴ Ср., например, в драме Я. Коласа «Раскіданае гняздо»: «Старац ідзе наперад, за ім – Марыля з дзецьмі па баках, а за Марыляй – Данілка. Усе пяюць «Лазара» – Данілка грае».

От данного имени образованы обладающие сходной семантикой глаголы *lázarитъ* ‘просить, выпрашивать; побираться’ (твер., псков., петерб., нижегор.) (СРНГ 1980, 16, 242; Фасмер 1967, 2, 238), *lázarничать* ‘просить, выпрашивать; побираться’ (псков., твер.), ‘добиваться чьего-либо расположения при помощи лести’ (тамб.) (СРНГ 1980, 16, 242), ‘леститься, подлещиваться, лъстиво выпрашивать, канючить, кланчить’ (тамб.) (Даль 1905, 2, 602–603), а также «общий для всех восточнославянских языков» (Лепешаў 1981, 76) фразеологизм (фразеологическое сращение) *петь Лазаря* ‘лъстиво выпрашивать’ (Даль 1905, 2, 603), ‘жаловаться на свою судьбу, плакаться’ (БФСРЯ, 346).

Заговорно-заклинательные интенции этих стихов характеризуются интонациями «просьбы», «плача» (Шамсутдина 1996, 97), которые обусловлены обращением к Богу и непоколебимой верой в него. Особо отмечается, что все исследователи, которые слушали пение старцев в сопровождении лиры, единодушно свидетельствовали о поразительном соответствии между их манерой пения и характером звучания инструмента, которое приводит к своеобразной монотонной и заунывной гармонии (Назина 1982, 109). В этом контексте замечание Гераклита: «Гармония – это результат напряжения между противоположностями, как в луке и лире» (Рогалевич 2004, 217). Лира – **символ гармонического соединения** космических сил (Керлот 1994, 294). Подобно другим музыкальным инструментам, задействованным в сакральных структурах, лира наделяется функцией посредничества между землей и небом (Рогалевич 2004, 217).

Таким образом, есть основания считать, что музыкальная гармония и духовно-религиозная тематика стихов, которые исполнялись певцами под аккомпанемент лиры, могли способствовать обратной метафоризации: *вера* ‘вероисповедание’ → *лира* ‘музыкальный инструмент’. Игра на лире настолько стала ассоциироваться с исполнением именно духовных стихов, проникнутых верой в Бога, что привела к постоянному употреблению, а потом и закреплению слова

вера в конкретном значении ‘музыкальный инструмент (лира)’ в центральнопольском белорусском говоре, причем только в давидгородокском ареале Туровщины, который в средневековье был известен как один из развитых культурных центров. По мнению А. С. Уварова, «необходимо признать лиру за символ *веры христианской*, <...> символ христианского богослужения и по преимуществу символ хвалебных песен в честь Бога» (Уваров 2001, 228).

Приведенный материал показывает значимость истории реалий для выяснения семантики отдельных слов, а также является подтверждением мысли, высказанной Ж. Ж. Варбот, о том, что в особом диалектном развитии славянских этимологических гнезд нередко появляются вторичные производные, повторяющие семантику, семантические модели, характерные для первичного праславянского состава гнезда, что, бесспорно, свидетельствует об эксклюзивных связях славянской лексики с лексикой других индоевропейских языков и таких же связях между диалектами праславянского языка (Варбот 2001, 19).

***Вера* в значении ‘кредит, долг’.** Следует отметить, что в украинском и белорусском языках слово *вера* и его производные используются в значении ‘кредит, долг’ (калька с лат. *crēditum*), не свойственном русскому языку: современное укр. *продавати на віру* ‘продавать в кредит, с оплатой попозже’, *віритель* ‘кредитор, заимодавец’ (СУМ 1970, 1, 679), укр. диал. (бойк.) *віра* ‘кредит’, *вірити* ‘(деньги) одалживать’, фразеологизм *дати на віру* ‘дать в кредит’ (Онишкевич, 1984, 1, 130), а также бел. *вѣра*, зафиксированное еще И. И. Носовичем в значении ‘долг, одолжение’ (Насовіч, 1983, 105).

Интересным в данном отношении представляется сопоставление с лат. *credo*, имеющем в качестве второго значения ‘давать займы’, а в качестве четвертого – ‘верить’ (Дворецкий 2003, 207). Среди пословиц и поговорок русского народа, собранных В. И. Далем, также находим: *Не божись, в долг поверю* (Даль 2008, 607).

Приведенные языковые факты позволяют говорить о том, что в современном украинском языке и бойковских говорах лексема *віра* и ее производные могут употребляться как с абстрактной, так и конкретной семантикой ‘кредит, долг’. Понимание бел. *вѣра* в сходном значении ‘долг, одолжение’ отмечено лишь словарем И. И. Носовича.

Вера в значении ‘обручение’. Совершенно особую семантику лексемы *вера* фиксирует шеститомный словарь сербскохорватского литературного языка: пятым ЛСВ исследуемого слова является ‘сговор, обручение’ (RSKJ 1967, 353: *Прстен дава, вјеру уговара*; Кольцо (перстень) дает, уговариваясь об обручении). Как оказалось, это не единичное свидетельство подобного сдвига в семантической сфере лексемы; в частности, в исследовании Й. Вуковича, посвященном ударению в сербском икавском говоре Синьского Поля («око Сиња»), зафиксирована лексема *вера* в следующих значениях: ‘обручальное кольцо’, ‘прстен без камена и без главе (перстень без камня и без головки, шляпки)’, ‘ein glatter Fingerring (гладкий/ровный перстень)’ (Вуковић 1940, 144–145: *Под вјером стајала дјевојка три године*; Девушка была помолвлена три года⁵); лат. *viriae* ‘кольца для рук, браслеты’ (Дворецкий 2003, 826).

Таким образом, в некоторых говорах сербскохорватского языка лексема *вера* употребляется в материальном значении ‘обручальное кольцо’, которое жених дарит невесте в знак их помолвки, доверия друг другу: *веренички прстен* ‘кольцо, перстень (подарок жениха)’ (Вуковић 1940, 145).

⁵ Подробно см. также в Загребском академическом словаре: RHSJ 1971–1972, 747.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ «НАДЕЖДА»

4.1. *Надежда* как аксиологическое наименование и объект лингвистического описания.

Античное понимание «надежды»

В христианстве понятие «надежда» рассматривается как одна из основных добродетелей и выступает семантическим центром триединого комплекса универсальных человеческих ценностей «вера, надежда, любовь». Основным ее смысл – надежда на справедливый суд Христа и спасение. По мнению психологов, человек может верить или не верить, любить или не любить, но не надеяться на лучшее будущее он не может. Индивид духовно живет чередой надежд, которые всегда присутствуют в его сознании и сменяют одна другую (Лихачев 1995, 199–200). Главные признаки смысла лексемы *надежда* – это желание и ожидание чего-либо хорошего, которое основывается на неизменно присутствующей в душе уверенности в возможность осуществления желаемого.

Долгое время понятие «надежда» оставалось вне зоны внимания исследователей: многие ученые (Ю. С. Степанов, А. Вежбицкая, А. Д. Шмелев) не рассматривали его в своих работах. Например, Ю. С. Степанов не включил «надежду» в число констант русской культуры (Степанов 2001), А. Вежбицкая также не отнесла это понятие к числу специфических русских концептов (Вежбицкая 1996). М. Ф. Мурьянов (в статье 1984 г.) отмечал: «Не приходится удивляться тому, что семантических разработок по терминологии *надежды* не существует» (Мурьянов 2007, 366), – и связывал это с трудностью ее истолкования.

Исключением является описание А. Д. Шмелевым русского национального концепта «авось», который можно рас-

смаатривать и как часть (но весьма специфическую и семантически суженную) понятия «надежда» (Шмелев 2002).

Однако в последнее время *надежда* стала объектом изучения таких исследователей, как Э. Р. Лассан (2004), Е. А. Мошина (2005), Е. А. Кругликова (2004). Е. А. Мошина отмечает, что в современном русском языке *надежда* – одна из самых частотных лексем светского дискурса (131 на миллион слов в русском языке), ее частотность выше, чем частотность имени *тоска*, называющего, по А. Вежбицкой, один из ключевых русских концептов (Мошина 2005, 7). Н. А. Лукьянова включает понятие «надежда» в число обязательных универсальных концептов, свойственных культуре любого народа (Лукьянова 2004, 214). Э. Р. Лассан отмечает, что «знаковая сущность «надежда» играет в русском языковом сознании и культуре особую роль, позволяющую на ее основании говорить об особенностях национального сознания» (Лассан 2004, 242). Убеждение автора в том, что «надежда» – важный русский концепт, основано на следующих факторах: 1) распространенность упоминания о надежде в сильных местах текста – начале и конце; 2) использование этого имени в названиях статей, книг, стихотворений; 3) участие в создании метафор и афоризмов; 4) использование для называния материальных объектов: судов, клубов, кафе и т. п.; 5) существование специфической конструкции «в надежде» для оформления важнейшей категории бытия – причинности (Лассан 2004, 242).

В состоянии надежды Э. Р. Лассан выделяет две разновидности: *ментально-эмоциональное* состояние, связанное с оценкой ситуации и намерением действовать для осуществления надежды (*деятельная, предусмотрительная надежда*), и пассивное *эмоционально-ментальное* состояние, связанное с естественным для человека желанием думать, что желаемая ситуация будет иметь место без самого анализа этой ситуации (*пустая надежда*) (Лассан 2004, 249).

В «Новейшем философском словаре» указывается, что «надежда» представляет собой общечеловеческую универ-

салию культуры, фиксирующую данное состояние в качестве ценности» (НФС, 653).

Привлекает к себе внимание тот факт, что в античности не было единого представления о ценностном значении «надежды». Негативное отношение к «надежде» обуславливалось тем, что она воспринималась как иллюзия, добровольный обман. Согласно античному афоризму, надежда – «самое сладкое несчастье» (Этика 2001, 294). Этот факт можно подтвердить, обратившись к латинскому и греческому языкам: лат. *spes*, помимо основного значения ‘надежда, ожидание, упование, чаяние’, имеет также семантику ‘ожидание чего-либо дурного, опасение, боязнь’ (Дворецкий 2003, 721; Тананушко 2005, 802); греч. ἔλπις обозначает ‘надежду, ожидание (иногда ожидание чего-либо дурного, опасение)’ (Вейсман 1991, 416). В изложении Гесиода надежда была одной из бед, которые оказались в ящике Пандоры и разлетелись по земле, когда женщина из любопытства его открыла. Согласно другой версии, только надежда осталась на дне внутри, так как крышку захлопнули, и она не успела вылететь (Мифы 2006, 504). Современное *надежда остается/умирает последней*, а также, согласно Данте, надпись на дверях ада: «*Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate*» («Оставь надежду каждый, кто сюда входит»).

«Надежда» нередко изображалась символически в виде женщины (иногда крылатой, с шаром, рогом изобилия, пчелиным ульем или грушей) с якорем у ног (Гибсон 2007, 59). В Древнем Риме существовало культовое почитание «надежды», а монеты с изображением якорей хорошо известны в Греции, Сирии, Финикии, Карфагене, Риме (Смирнова 2007, 269). Данное символическое значение возникло на основе практической функции предмета и обычно связывалось с удачным завершением плавания, когда корабль при помощи якоря закреплялся на стоянке в порту. Это нашло отражение и в языке, например, франц. фразеологизм *ancre d'espoirance* ‘якорь надежды’ (Скрягин 1973, 18).

4.2. Этимолого-мотивационное обоснование связи понятий «надежда» и «якорь»

Предметная сторона символа и его смысловая сторона неразрывно связаны, поскольку «вне конкретного предмета смысл еще не символичен, это всего лишь цельная, но все же вполне абстрактная «идея» предмета; равным образом вне смысла предмет – еще не символ, но простая совокупность собственных признаков» (Косиков 1993, 9). Связь якоря, представляющего собой заостренный стальной предмет, и понятия «надежда» можно обосновать, если обратиться к прасл. **nada*, образованному сложением *na-* и корня **dě-* глагола **děti*: болг. *нада* ‘наставка; стальное лезвие’, серб.-хорв. *нада* ‘надежда’, диал. *на̀да* ‘сталь; стальное острие, лезвие (мотыги, топора и т. п.)’, словен. *nāda* ‘приставка; стальная полоса при закаливании (напр., мотыги); надежда, ожидание’ (ЭССЯ 1994, 21, 231), укр. диал. *nad* ‘лемех’ (=> *želizo*) (Гуц. гов. 1977, 129). Необходимо также отметить, что в русском и белорусском языках, в отличие от украинского, это значение устойчивости, прочности сохранилось в семантике прилагательных: рус. *надежный* ‘прочный, крепкий’ (ССРЛЯ 1958, 7, 143), рус. диал. *надéйный*, *надíйный* ‘надежный, прочный, крепкий’ (СРНГ 1983, 19, 229), бел. *надзéйны* ‘прочный, крепкий’ (ТСБМ 1979, 3, 236), а также в русском и украинском выражениях *надеяться как на каменную стену* (СРЯ XVIII в. 2003, 13, 173) и *надіятися як на кам'яну гору* (СУМ 1974, 5, 70).

Фразеологизм *поймать удачу на крючок* также служит для обоснования высказанной выше мысли, если принять во внимание рус. диал. *надёжить* ‘наточить (косу)’ (СРГК 2001, 3, 312), *на́дить* ‘наваривать железом (старый стершийся сошник)’, ‘точить (лемех косы)’ (СРНГ 1983, 19, 236), укр. диал. *надити плуг* ‘наложить на стертное острие плуга новый кусок железа и приварить’ (Верхратский 1902, 347), бел. диал. *на́жа* ‘удача’ (<**nadja*) (ТС 1982, 3, 126), *на́джа* ‘надежда, упование’, *надзéйны* перен. ‘который обеспечи-

вает успех' (ТСБМ 1979, 3, 236), укр. *надіти* 'привлекать к себе, приманивать', 'ловить рыбу, приманивая на что-нибудь' (СУМ 1974, 5, 67), диал. *нада* 'принада' (Гуц. гов. 1977, 129). По мнению Г. А. Цыхуна, не исключено, что *на́жа* является отглагольным существительным от *на́дзіц-ца* 'надеяться, ожидать' или *на́дзіць* 'привлекать, приманивать' (ЭСБМ 1991, 7, 203).

Таким образом, языковой материал подтверждает существование этимологической связи между понятиями «надежда» и «якорь».

4.3. Интерпретация понятия «надежда» словарями восточнославянских языков

Следует отметить, что в восточнославянских языках употребляются несколько лексем для обозначения понятия «надежда»: *надея* – из прасл. **naděja*, исконное *надéжа* и старославянское заимствование *надѣжда* – из прасл. **nadedja*. На их основе возникло большое количество фонетических и словообразовательных вариантов. Этим обстоятельством обусловлено использование наименования *понятіе* по отношению к рассматриваемой совокупности лексем (то же относится далее и к понятию *любовь*).

4.3.1. Надежда в древнерусском языке

Понимание надежды прежде всего на религиозной основе обусловлено влиянием православно-византийского духовного наследия (Кругликова 2004, 83). В словаре И. И. Срезневского находим несколько лексем для выражения понятия «надежда»: 1. *наде(ѣ)жа* а) 'spes, ἔλπις, надежда, упование' (*Надежа яго отъ Вышьнаго*. XII в.), б) 'надежда, ожидание чего-нибудь' (*Надежа сїсню*. XIII в.), в) 'тот, на кого надеются' (*Надѣжа мышцею мою*. Ок. 1200 г.) (Срезневский 1989, 2, 276); 2. *наде(ѣ)жда*: а) 'ἔλπις, spes, упование' (*Надеждж имѣти*. 1073 г.), б) 'тот, на кого надеются' (*И тѣ будетъ надежда странамъ*. XII в.) (Срезневский 1989, 2, 277). Лексемы *надѣя* (*Имѣти и маши надѣю на Христа*. XI в.) и *надѣ-*

яние (*Надѣяние вѣры*. 1096 г.) зафиксированы только с одним ЛСВ ‘надежда’ (Срезневский 1989, 2, 284).

Лексема *наде(ѣ)жа* в «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» представлена в одном значении ‘надежда’ (*всю надежю на ѿ положишь юсть сѣи борись*. XII в.), а также указывается ее использование в роли имени личного (*сѣхъ ѿ двѣхъ вѣры любви надежа. и мѣре ихъ софѣя*. XIII в.) (СДрЯ XI–XIV вв. 2002, 5, 135). Старославянское заимствование *наде(ѣ)жда* употреблялось также в значении ‘надежда’ (*Иже бл҃гами кърмаса надеждами*. 1076 г.) (СДрЯ XI–XIV вв. 2002, 5, 136). **Количество фиксаций в древнерусских памятниках** исконного *наде(ѣ)жа*, по данным «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.», составляет 321, а старославянского заимствования *наде(ѣ)жда* – всего 9, что позволяет говорить о преимущественном употреблении прямого восточнославянского продолжения **naděja*.

Если обратиться к латинскому языку, можно понять, кого имели в виду люди раннего Средневековья: *deos sperabo teque* ‘буду надеяться на богов и на тебя’, *spēratus* ‘жених, нареченный’ (Дворецкий 2003, 721). Необходимо отметить, что косвенный субъект надежды не изменился и в современном понимании: это прежде всего Бог, после него – муж, мужчина. В «Опыте областного великорусского словаря» зафиксировано существительное *на́дій* ‘человек, на которого можно надеяться, надежда’ (Опыт 1852, 121), не отмеченное в форме мужского рода другими диалектными словарями и потому уникальное. Таким образом, объектом надежды является событие или вещь, к актуализации которых человек стремится, а косвенным субъектом надежды в русской ментальности всегда являлось «лицо либо некая сила, превосходящая своими возможностями субъекта надежды» (Жук 2007, 95).

Семантическая структура лексем, репрезентирующих в древнерусском языке понятие «надежда», представлена следующими ЛСВ: ‘надежда’; ‘ожидание чего-нибудь’; ‘тот, на кого надеются’; ‘упование’; ‘ἐλπίς, spes’.

4.3.2. Надежда в русском языке

В «Словаре современного русского литературного языка» для обозначения понятия «надежда» находим три лексемы *надѣжа*, *надежда*, *надеянность* (ССРЛЯ 1958, 7, 142–146). Значения лексемы *надѣжа* сопровождаются пометами обл. ‘то же, что надежда’ (*Кормилец, надежа семьи! Очей бы с тебя не спускали, ловили бы речи твои*) и народно-поэт. ‘ласковое обращение к близкому, любимому человеку’ (*Улыбаясь, обняла меня и молвила: Не покинь меня, надежа, все я вынесу, При тебе и злое горе будет радостью*). Слово *надежда* имеет два значения: ‘ожидание чего-нибудь благоприятного, в сочетании с уверенностью в его осуществлении’ (*До сих пор я всё еще не терял надежды сыскать дорогу домой*) и ‘то, на что можно надеяться, опереться, положиться; оплот’ (*...То был кровавых битв искатель, Rogдай, надежда киевлян*). *Надеянность* имеет помету устар. ‘уверенность в ком-, чем-либо, надежда на кого-, что-нибудь’ (*Я заметил, что истинное дарование всегда терпеливее, ибо имеет в себе истинную надеянность*) (ССРЛЯ 1958, 7, 146). Очевидно, что в современном русском литературном языке произошло «выветривание сакрального смысла» лексемы *надежда* (Кругликова 2004, 121).

Для русского языка XVIII в. была характерна широкая лексическая синонимия и, как следствие, лексическая избыточность. В начале XVIII в. синонимия присутствовала в первую очередь в сфере наименования таких отвлеченных понятий и категорий (в том числе философских и этических), для которых в современном русском языке существует одно обозначение (Бастриков 1992, 81–83).

Для обозначения понятия «надежда» в этот период употреблялось несколько синонимичных лексем: *надѣяние/надѣя* со значениями ‘то же, что надежда’ (<...> *полские грамотки дѣйственное, и явное надѣяние к скорому настоящему миру с королем шведским дают*) и ‘о том, на кого кто-либо надеется’ (*Нарциссе дражайший, наш чистейши лилея, ах, Петре,*

государю, в тебе бысть **надея**) и надѣянность/надѣятельность (очевидно, что абстрактность данных слов подчеркивается с помощью отвлеченного суффикса *-ость*) в значении ‘уверенность, надежда’ (*Безсомнѣнная надѣянность, что мы его <неприятеля> побѣдим ... ободряла наки унылое сердце*) (СРЯ XVIII в. 2003, 13, 172).

СРЯ XI–XVII вв. также отражает две лексемы для обозначения понятия «надежда» в старорусском языке – *надежа* и *надежда*, которые обладали идентичными значениями: 1. ‘надежда, упование’ (*А мы надежу на бога держимъ, что межъ государей доброе дѣло сстанетца. 1554 г.; Вы жкую имате надежду, повѣдите ми. XVI в.*) и 2. ‘тот, на кого надеются’ (*Государынѣ моей маткѣ и надежѣ <...> Парасковѣ Андреевѣ золовченка твоя Аксютка Хованская челомъ бьетъ. 1682 г.; Царь Балдуиносъ былъ второй Иуда Маккавеосъ, надежда и упование отечеству. 1623 г.*) (СРЯ XI–XVII вв. 1983, 10, 65).

В СДРЯ XI–XIV вв. зафиксирован лишь один иллюстративный пример к слову *надежа* ‘надежда’, относящийся к началу XV в. (*Зрѣть явѣ такова(г) оутѣшениа. ꙗже явѣ нощю ѿсвѣти. надежа ра(д) ѿного свѣта. 1406 г.*) (СДРЯ XI–XIV вв. 2002, 5, 136). В словаре И. И. Срезневского находим ст.-рус. *наде(ѣ)жа* со значением ‘надежда, ожидание чего-нибудь’ (*Въспоманай же, господине, надежу будущаго вѣка, и царство небесное, радость святыхъ, веселіе съ ангелы. Ок. 1400 г.*) (Срезневский 1978, 2, 276). Семантическая структура репрезентантов понятия «надежда» в старорусском языке такова: ‘надежда’; ‘ожидание чего-нибудь’; ‘тот, на кого надеются’; ‘упование’; ‘ἐλπίς, spes’.

Смысловый объем репрезентантов понятия «надежда» в старорусском и древнерусском языках совпадает (рис. 4.1).

В академическом «Словаре русских народных говоров» лексема *надѣя* зафиксирована в двух значениях: ‘надежда’ (арханг., белом., печор., онеж., олон., волог., перм., влад., псков., смол., орл., тер., свердл., заур., курган., перм.) (*На тебя вся моя надея*) и ‘обращение к близкому, родному

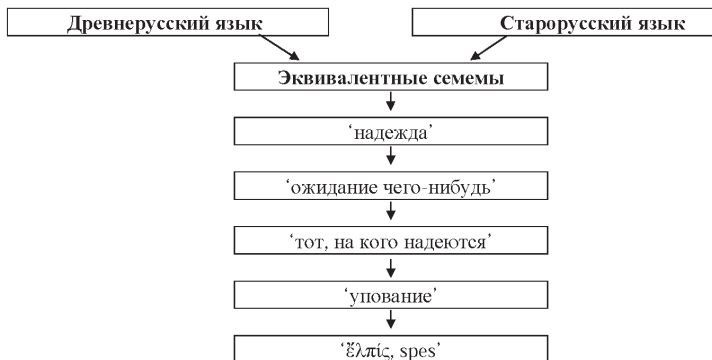

Рис. 4.1. Соотношение семм репрезентантов понятия «надежда» в древнерусском и старорусском языках

человеку (в причитании)’ (сгол.) (СРНГ 1983, 19, 233). Сходные ЛСВ отмечены у слов *надѣжа* в «Словаре русских говоров Низовой Печоры» – ‘ласковое обращение к любимому человеку’ (*Здравствуй, душечка моя, надежда, миленький сердечный друг*) (СРГНП, 442), *надій* в «Опыте областного великорусского словаря» – ‘человек, на которого можно надеяться, надежда’ (*Ой ты, надій мой!*) (Опыт 1852, 121) и *надія* в «Словаре областного олонекского наречия» (*Надія ты наша!* – говорят человеку, от которого надеются что-либо получить, ждут милости) (Куликовский 1989, 60). Следует отметить, что с ироническим значением ‘о человеке, не внушающем доверия’ номинация *надѣжда* отмечена в «Словаре русских говоров Сибири» (*Надѣжда, как на вѣшний лёд*) (СРГС 2001, 2, 327).

С неодобрительным оттенком используется словосочетание *надѣя плохѣя (худѣя)* ‘о том, кто (что) может подвести, не оправдать надежды’ (*Одѣн вертолѣт в работѣ, на негѣ надѣя плохѣя*), отраженное в «Словаре вологодских говоров» (СВГ 1990, М-О 34).

Большое количество проанализированных словарей фиксируют у лексем, репрезентирующих анализируемое понятие, только значение ‘надежда’:

«Словарь говоров Соликамского района Пермской области»: *надёя, надёжа* (СГСРПО, 329);

«Словарь русских говоров Белоруссии» (Манаенкова 1989, 125), «Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР» (СРГМ 1986, 65), «Словарь русских говоров Кузбасса» (СРГКуз, 124): *надёжа*;

«Словарь русских говоров Среднего Урала»: *надёжа, надёя, надія* (СРГСУ, 163–164);

«Словарь пермских говоров»: *надёжа, надёя* (СПГ, 750);

«Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII века»: *надежа* (СРНРС, 79);

«Словарь областного олонецкого наречия»: *наді(ѣ)я* (Куликовский 1898, 60);

«Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)»: *надёжа* (Деулинский словарь 1969, 314);

«Словарь вологодских говоров»: *надёжа, надёя/надія* (СВГ 1991, 5, 33–34);

«Словарь русских говоров Приамурья»: *надзёжа* (СРГП, 163);

«Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей»: *надёга, надёя, надія* (СРГК 2001, 3, 312–313);

«Кубанский говор. Опыт авторского словаря»: *надия* ‘надежда’ (Ткаченко 1998, 142).

Некоторые лексикографические источники отмечают многозначное и/или более развернутое толкование исследуемых лексем. Например, «Словарь диалектного просторечия Среднего Приобья» содержит лексему *надёжа* со значением ‘ожидание чего-либо желанного; надежда’ (*Надёжи нету, как весенний лёд дряхлый: тает скоро*) (СДПСР, 169); «Словарь орловских говоров» отмечает слова *надёя, надёжа* и *надыжа* с семантикой ‘ожидание, уверенность в осуществлении чего-либо желаемого; надежда’ (СОГ 1995, 7, 27); «Словарь областного вологодского наречия» зафиксировал синонимичные абстремы *надёжа* ‘надежда, уверение’ и *надія* ‘надежда’ с идентичным примером (*Худая надежа на него*) (Дилакторский 2006, 272). «Словарь русских говоров Низо-

вой Печоры» отражает два ЛСВ слова *надёжа*: 1. 'надежда' (*Фся надёжа-то на неё, вон какá рабóтница*) и указанный выше 2. 'ласковое обращение к любимому человеку' (*Здравствуй, душечка моя, надежа, миленький сердечный друг*), а также синонимичную ему лексему *надёя* с семантикой 'то же, что и *надёжа*' (СРГНП, 442–443).

В «Большом толковом словаре донского казачества» отмечено, что *надёжа* употребляется только в составе выражения *быть не в надёже* со значением 'быть неуверенным в чем-либо' (*Ни в надежды и брасать чувал*) (БТСДК, 300, 65). Как компонент словосочетания *держáть надёжу* 'иметь доверие' (*У тебя глаз оманливый, над ним надёжи не держи́*) употребляется также омоним *надёжа*¹, отмеченный в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей». Особого внимания требует рассмотрение лексемы *надёжа*², наделенной конкретным смыслом 'одежда' (*Вот надёжу какую раньше носили*) (СРГК 2001, 3, 312). Следует отметить, что в «Смоленском областном словаре» В. Н. Добровольского номинация *надёжа* отмечена исключительно с семантикой 'одежда' (*Возьми съ сабою надёжу чистую, да и ступай у баню*) (Добровольский 1914, 436), а в «Словаре русских говоров Башкирии» зафиксированы два омонима: *надé(ё)жа*¹ 'надежда' и *надёжа*², в значении которого указывается точный вид одежды – 'пальто' (*Адёжу мы надёжъй нъзывам; Зимой надевали надёжу. Чичяс так пал'то называйут*) (СРГБ).

Таким образом, для выражения понятия «надежда» в русских говорах используется достаточно большое количество различных фонетических и словообразовательных вариантов, которые отражают не только отвлеченное, но и материальное значения (обобщенное 'одежда' и конкретное 'пальто').

Компонентами семантической структуры репрезентантов понятия «надежда» в русском языке (начиная со старорусского периода и заканчивая современным состоянием) выступают: 'ласковое обращение к близкому, любимому человеку'; 'надежда'; 'одежда'; 'ожидание чего-нибудь'; 'пальто';

‘то, на что можно надеяться; оплот’; ‘тот, на кого надеются’; ‘уверение’; ‘уверенность в осуществлении чего-либо’; ‘упование’; ‘ἐλπίς, spes’.

Анализ материала конкордансов русской народной песни, составленных М. А. Бобуновой и А. Т. Хроленко, позволяет говорить о более широком использовании лексемы *надежда* для выражения понятия «надежда». Если в «Конкордансе русской народной песни: Песни Курской губернии» (2007) зафиксированы лексемы *надежа* и *надежда* по одному разу (*Приходи, моя надежа, Иною порою; Все тебя, моя надежда, буду дожидати!*) (Бобунова 2007, 1, 126), то в «Конкордансе русской народной песни: Песни Архангельской губернии» (2008) находим только два употребления исконной лексемы *надежа* (*Ты, надежа, друг сердечный, Что в гости не ходишь?*) и 6 фиксаций старославянского заимствования *надежда* (*Я без рыбки уж не сяду, Без калачика не съем, Без милаго спать не лягу, Без надежды не усну...*) (Бобунова 2008, 2, 163), а в «Конкордансе русской народной песни: Песни Сибири» (2010) *надежа* встречается один раз (*А ноне ты, мой надежа, запиваешься...*), а *надежда* – восемь (*Воротись, моя надежда, воротися, сердце!*) (Бобунова 2010, 4, 85).

4.3.3. *Надзея* в белорусском языке

В современном белорусском литературном языке слово *надзе́я* употребляется в двух значениях: ‘ожидание чего-либо хорошего, которое соединяется с уверенностью в том, что оно сбудется’ (*Столькі болю і столькі надзеі ў яе (дзяўчынкі) не па ўзросту сталых вачах*) и ‘тот или то, на кого, на что можно надеяться, опираться’ (*Бацька і маці выхоўвалі сына. Сын быў уцеха́й, надзе́яй адзінай*) (ТСБМ 1979, 3, 236).

«Слоўнік беларускай мовы» И. И. Носовича отражает лексему *надежа* с традиционным значением ‘надежда’ и омонимичное *надзе́жа*, обладающее конкретной семантикой ‘одежда’ (Насовіч 1983, 304). У Я. Станкевича в «Белорусско-русском (великолитовско-русском) словаре» находим абстрактную *надзе́я* в значении ‘надежда’ (Станкевіч 1990, 723).

Современное белорусское *надзе́я* является наследием старобелорусского языка, в котором для передачи рассматриваемого смысла использовались несколько синонимичных лексем – исконные *надежа*, *надея*, *надеянье* и старославянское заимствование *надежда*. Номинации *надежа* и *надежда* имели одинаковые значения: 1. ‘ожидание чего-либо хорошего, которое соединяется с уверенностью в том, что оно сбудется’ (*надѣжа твоя не загинетъ ѿ тебе*. 1516–1519 гг.; *еще бо имаеш спснiю надеждю*. 1489 г.); 2. ‘тот или то, на кого можно надеяться, опираться’ (*всю надѣжю на бѣа покладали, и его блѣгодарили и славили*. 1562 г.; *Стѣи и чстныи крсть намъ есть хрстыаном надежда ко спснiю*. 1489 г.) (ГСБМ 1999, 18, 370). Слово *надея* имело сходные семемы: ‘надежда, ожидание чего-либо, что должно произойти, осуществиться’ (*Згiноула надея моя*. Конец XV в.) и ‘о человеке или Боге, на которых надеются, возлагают свои надежды’ (*Такъ у Бозе надею маем*. 1484 г.) (ГСБМ 1999, 18, 372). Лексема *надеянье* обладала только одним ЛСВ ‘надежда’ (*нѣѣ бѣжественная доброта, ненадѣжьным надеянье*. 1489 г.) (ГСБМ 1999, 18, 373).

Структурированный набор ЛСВ репрезентантов понятия «надежда» в старобелорусском языке выглядит следующим образом: ‘надзея’; ‘пра чалавека або Бога, на якіх спадзяюцца, ускладаюць свае надзеі’; ‘спадзяванне’; ‘той або тое, на каго можна спадзявацца, апірацца’; ‘чаканне чаго-небудзь’.

Сравнение ЛСВ лексем, репрезентирующих в древнерусском и старобелорусском языках понятие «надежда» (рис. 4.2), показало, что из древнерусского в старобелорусский язык перешли четыре семемы, другие два значения развились на собственно белорусской основе.

В ТС абстрактна *надзея* употребляется в классическом понимании – как ‘надежда, чаяние’ (*У мене е надзея, шо вон поправіцца*) (ТС 1982, 3, 123), а в Сл. ПЗБ отмечены два синонимичных слова с идентичной семантикой ‘надежда’: *надзея* (*Няма надзеі, што ён направицца*) и *надзѣжа* (*Надзѣжы няма на памідоры*) (Сл. ПЗБ 1982, 3, 138). «Дыалект-

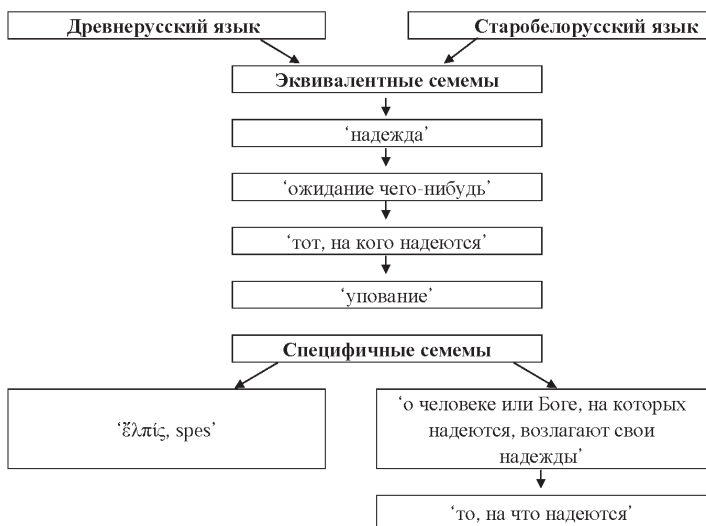

Рис. 4.2. Соотношение семем репрезентантов понятия «надежда» в древнерусском и старобелорусском языках

ны слоўнік (з гаворак Мсціслаўшчыны)» Г. Ф. Юрченко фиксирует лексему *надзёжа* с семантикой ‘надежда’ (*Ох Сярёжа, ты Сярёжа, ны цябё уся надзёжа*) (Юрчанка 1966, 138), та же ситуация наблюдается и в гомельских говорах – *Ты едь, мая надёжа, не загуливайся* (Нар. Гом. 1983, 90). В «Краёвым слоўніку ўсходняй Магілёўшчыны» И. К. Белькевича *надзёжа* зафиксирована с двумя ЛСВ: ‘собственное имя Надежда’ (*Надзёжа, схадзі зы вадой*) и ‘надежда, упование’ (*Німа надзёжы, каб ён астаўся жывэй*) (Бялькевіч 1970, 274), а в «Матэрыялах да абласнога слоўніка Магілёўшчыны» данное слово отражено с конкретным значением ‘одежда’ (Мат. Маг. 2005, 37).

Проанализированный материал позволяет говорить о том, что в говорах белорусского языка редко используется литературный вариант *надзёя*, наиболее употребительна лексема *надзёжа*, понимаемая как в абстрактном значении ‘надежда’, так и в конкретном ‘одежда’ (на Могилевщине).

4.3.4. Надія в украинском языке

В академическом «Словнику української мови» подается два основных значения исследуемой лексемы *надія*: ‘уверенность в возможности осуществления чего-либо желаемого, нужного, приятного; упование’ (*Як же його у неволі Жити без надії?*) и ‘то (тот), на что (на кого) можно надеяться, положиться, что (кто) является отрадою, опорой для кого-нибудь’ (*А он розпинають Вдову за подушине, а сина кують, Єдиного сина, єдину дитину, Єдину надію! в війсьکو оддають!*) (СУМ 1974, 5, 70).

Словарь Б. Д. Гринченко отражает одно значение лексемы *надія* ‘надежда’ (*Козак у дорозі, а надія в Бозі*) (Гринченко 1909, 2, 483).

В «Словнику староукраїнської мови XIV–XV ст.» толкование слова *надѣя* вовсе отсутствует (ССМ XIV–XV стст. 1978, 2, 14), а у Л. Дзже абстрема *надежа* имеет только один ЛСВ ‘надежда’ (*Тай лише на одного Бога имай надежу*) (Дзже 1985, 193).

Скорее всего, староукраинским лексемам, репрезентирующим понятие «надежда», был присущ более широкий семантический объем, не отразившийся, однако, в лексикографических источниках (рис. 4.3).

В бойковских говорах значение ‘надежда’ выражается словом *надѣга* (Онишкевич 1984, 465). «Словник поліських говорів» А. С. Лысенко фиксирует только лексему *надь’ожа* с ЛСВ ‘надежда’ (*У нас ѝе над’’ожа д’обре зак’ончит молот’бу? – Їїє!*) (Лысенко 1974, 132). Сборник научных трудов «Українська діалектна лексика» содержит лексему *на́джда* с пометой *редко* (Иваничивский р-н Волынской обл.) и значением ‘надежда’ (*Вжа нихто́ ни мав ния́куї на́джде, що вунá б’уде жéте*) (Українська діалектна лексика 1987, 167).

«Словник буковинських говірок» отмечает номинацию *надія* с одним ЛСВ ‘надежда’, однако без примера; лишь в словосочетании *при надії б’ути* ‘быть беременной’ указан контекст (*Василéва Дáрка са́ми при надії́ б’ула тогді́*) (СБГ, 310).

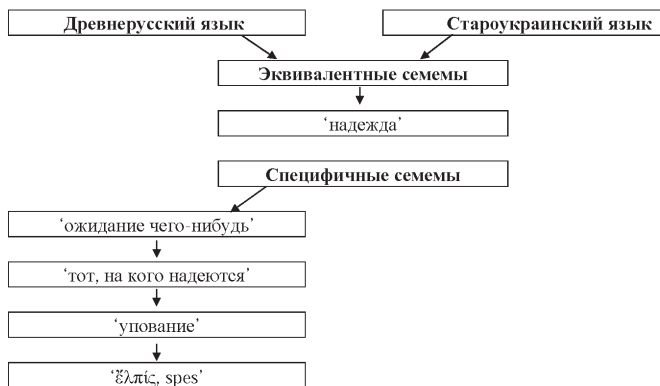

Рис. 4.3. Соотношение семм репрезентантов понятия «надежда» в древнерусском и староукраинском языках

У Б. Д. Гринченко: *бу́ти при наді́ї* ‘быть беременной, ожидать родов’ (Гринченко 1909, 2, 483). «Наддністрянський регіональний словник» зафиксировал лексему *надія* без указания значения в сочетании с предлогом *при* – *при наді́ї* ‘беременна’ (*Наша Ганка при над’і́ї*) (Шило 2008, 182). Использование в говорах слова *надія*, семантика которого связана с рождением ребенка, является вполне обоснованным и объяснимым, так как женщина находится в состоянии ожидания желанного.

4.3.5. Сопоставительный анализ ЛСВ репрезентантов понятия «надежда» в восточнославянских языках

Сопоставление результатов дефиниционного анализа репрезентантов понятия «надежда» в восточнославянских языках (табл. 4.1) позволяет говорить о том, что наибольшее количество ЛСВ анализируемого слова (всего 7) представлено словарями русского языка, причем значения ‘обращение к близкому, любимому человеку’ и ‘пальто’ не встречаются ни в белорусском, ни в украинском языках. Белорусские лексикографические источники отражают уточняющее значение ‘о человеке или Боге, на которых

надеются, возлагают свои надежды', не известное другим восточнославянским языкам. В смоленских говорах русского языка, словаре И. И. Носовича и могилевских говорах белорусского языка лексема *надзёжа* зафиксирована в конкретном (но не дифференцированном) значении 'одежда'. Украинские словари отражают только три ЛСВ лексемы *надія*.

Таблица 4.1. Соотношение семем репрезентантов понятия «надежда» в восточнославянских языках

Семема	Рус.	Бел.	Укр.
‘надежда’	+	+	+
‘о человеке или Боге’	—	+	—
‘обращение к близкому, любимому человеку’	+	—	—
‘одежда’	+	+	—
‘ожидание’	+	+	—
‘пальто’	+	—	—
‘тот или то, на что можно надеяться, опереться, положиться; оплот’	+	+	+
‘уверенность’	+	—	+

В лексикографических источниках всех восточнославянских языков лексемы, репрезентирующие понятие «надежда», отражены в следующих двух значениях: 'надежда'; 'тот или то, на что можно надеяться, опереться, положиться; оплот'. Наибольшее количество семантических совпадений обнаруживается в русском и белорусском языках (4), наименьшее – в белорусском и украинском (2).

4.4. Истоки абстрактной семантики праславянских лексем **naděja* и **nadedja*

Древнерусским, а также старорусским, старобелорусским и староукраинским языками номинация *надѣя* была унаследована из праславянского. В качестве исходной для нее исследователями предлагается форма, образованная путем сложения *na-* и основы **děj-a-(ti)*, которая продолжает и.-е.

**dhē-* во всех его основных значениях ‘ставить, класть’~‘делать’ (Derkson 2008, 104). Др.-инд. *dādhāti* ‘ставит, кладет’, авест. *daḍāiti* ‘тж’, арм. *dnem* ‘ставить, класть’, хет. *te-* ‘тж’, греч. *τίϋησι* ‘класть, ставить’, сюда же лат. *con-do* ‘основывать’, лат. *facio* ‘делать’ (с *-k-* расширением), др.-в.-нем. *tuon* ‘делать’, лит. *dėti* ‘класть’ (ЭССЯ 1977, 4, 230). По мнению А. С. Львова: «*Надѣати сѧ* ‘положиться’, ‘доверять’ представляет дальнейшее развитие <...> более раннего значения ‘класть’, от которого, бесспорно, *надежда*» (Львов 1966, 253). Интересной представляется также версия М. М. Маковского о том, что англ. *hope* ‘надежда’ соотносится с и.-е. **keu-p* ‘сгибание’: сгибание руки или ветки в древности было равносильно молитве (Маковский 1999, 174).

В «Етимологічним словнику української мови» указано, что прасл. **naděja* образовано от основы инфинитива **naděti*/**nadějati* ‘накладывать, возлагать’, образованного при помощи префикса *na-* от глагола *děti* ‘класть’ (ЕСУМ 2003, 4, 26). Прасл. **naděja* практически во всех славянских языках имеет значение ‘надежда, упование’, макед. диал. *nadeja*, серб.-хорв. *nada*, серб.-хорв. стар. *Naděja* (личное имя собственное), диал. *naděja*, словен. *nādeja* ‘надежда’, в.-луж. *nadźija* ‘надежда’, н.-луж. *nažeja*, *nažej*, словц. *náděj*, словц. стар. *náděja* ‘надежда’, ст.-чеш. *nadějě* ‘надежда, ожидание, упование’, чеш. *naděje* ‘надежда’, диал. *naděja*, ст.-польск. *nadzieja* ‘надежда, уверенность’, польск. *nadzieja* ‘надежда’, диал. *nadzieja*, словин. стар. *nādeja* ‘надежда’, др.-рус. *надѣя* ‘надежда, упование’, рус. диал. *надея* ‘надежда’, *надия* ‘надежда’, ст.-укр. *надѣя*, укр. *надія* ‘надежда’, ст.-бел. *надея*, бел. *надзея* ‘надежда’.

Помимо вышеупомянутых абстрактных значений рассматриваемого слова, «Этимологический словарь славянских языков» (ЭССЯ 1994, 21, 235) в этой же словарной статье подает и диалектные значения, которые имеют конкретное смысловое наполнение, ц.-слав. *надеина* ‘червь земляной’ (Дьяченко 1993, 1053), рус. диал. (твер., оставш.) *надѣи* мн.

‘червяк, гусеница и др., земляной червяк для наживки на удочку; глисты’, а также бел. *надзэ́йка* ‘червь дождевик, служащий удильной приманкой’ (Станкевіч 1990, 723) и бел. диал. (в.-двин., рос.) *надзэ́і* ‘дождевые черви’ (Сл. ПЗБ 1982, 3, 137).

Прасл. **naděja* синонимично **nadedja*, которое образовано сложением *na-* и редулицированной презентной основы **dedj-* глагола **dě(ja)ti* (ЭССЯ 1994, 21, 234); между тем В. Махек считает прасл. **naděja* отглагольным существительным от **nadějati se* ‘уповать’, семантика которого возникла на основе переноса значения **děti* ‘класть’ (Machek 1971, 387), рус. *полагать/положить* представляется вполне вероятным. Архаичный характер этой основы в целом согласуется с наиболее древними, периферийными зонами распространения **nadedja* сравнительно с **naděja*, которое занимает более центральные славянские территории.

В качестве основного значения для **nadedja* также выступает абстрактное ‘надежда, упование’: болг. *надежда* ‘надежда’, макед. *надеж* ‘надежда’, серб.-хорв. стар., поэт. *надеђа* ‘надежда’, ст.-слав. *надѣжда*, др.-рус. *надежа*, *надѣжа* ‘надежда, упование’, *Надежа* (личное имя собственное), рус. диал. *надѣжа* ‘надежда’, ст.-укр. *надежа* ‘надежда’, ст.-бел. *надежа* ‘надежда’, бел. *надзежа* ‘надежда’, *надзѣжа* ‘надежда’ (ЭССЯ 1994, 21, 233). Вместе с тем встречаются и случаи употребления данного слова в конкретном смысле: рус. смол. *надѣжа* ‘одежда’ (Добровольский 1914, 436) и бел. *надзѣжа* ‘одежда’ (Насовіч 1983, 304), диал. *надзѣжа* ‘одежда’ (Мат. Маг. 2005, 37). Следует отметить, что в украинском языке не зафиксировано подобного конкретного значения исследуемого слова.

Таким образом, обе ситуации манифестируют метафорический перенос ‘конкретное’ > ‘абстрактное’: для **naděja* – ‘то, что насаживается как наживка’ > ‘надежда, уверенность’, а для **nadedja* – ‘одежда; то, что надевается’ > ‘надежда, уверенность’. Не может не впечатлить то, что конкретные значения этих слов встречаются лишь в диалектах русского

и белорусского языков (причем, судя по фиксациям, только в восточномогилевско-смоленской зоне — в языковом смысле, как известно, исторически гомогенной).

На основании проанализированного материала можно прийти к выводу, что уже в (поздне)праславянский период существовали конкретное и абстрактное значения лексем **naděja* и **nadedja*, которые продолжают функционировать в языке до сегодняшнего времени, причем абстрактное употребляется в литературном языке, а конкретное встречается в говорах.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АБСТРЕМЫ ЛЮБОВЬ

5.1. Языковой знак *любовь* как объект лингвистического исследования

Психологи причисляют любовь к моральным чувствам (Общая психология 1981, 301), а философы понимают ее как универсалию культуры субъектного ряда, фиксирующую в своем содержании «глубокое индивидуально-избирательное интимное чувство, векторно направленное на свой предмет и объективирующееся в самодостаточном стремлении к нему» (НФС, 578).

Ю. Д. Апресян называет любовь «главной созидательной силой жизни» (Апресян 2000, 81), так как для носителя любви она выступает в качестве максимальной ценности и важнейшей детерминанты жизненной стратегии. Н. В. Уфимцева, анализируя данные «Русского ассоциативного словаря» (2002), пришла к выводу, что наиболее важными в русском языковом сознании являются такие реалии, как *дом, жизнь, деньги, лес, день, любовь, работа, вода, радость, дело, смерть, стол, дорого* (Уфимцева 2009, 100). Расположение понятия «любовь» на шестой позиции из тринадцати, а также отсутствие в этом ряду понятий «вера» и «надежда» свидетельствует о большей значимости последнего компонента аксиологической триады «вера, надежда, любовь».

В соответствии с результатами опросов общественного мнения, посвященных изучению таких составляющих массового сознания, как основные жизненные ценности, жизненные цели, социальные установки различных половозрастных и социальных групп населения России, систему базовых ценностей современного русского человека в 1993 г. составляли *семья, дом, мир, равенство, труд, любовь, союз,*

надежда, согласие, свобода, порядок, а в 1995 г. – **дом, согласие, любовь, порядочность, труд, достаток, духовность, мир, союз** (Уфимцева 1998, 105). Очевидно, что чувство любви стало осознаваться как более важное и это отразилось в изменении его положения в общем списке.

Данные «Славянского ассоциативного словаря» (2004) показывают, что из рассматриваемой триады только *любовь* входит в число слов, которые составляют ядро языкового сознания русских, белорусов и украинцев (САС, 7).

В 1986–1987 гг. в Польше были проведены социалингвистические исследования важнейших ценностей, которые являются предметом интереса современных поляков. Начальную позицию ранжированного списка аксиологических наименований занимает *miłość* ‘любовь’ (34,3% респондентов); слово *wiara* ‘вера’ было отмечено только у 6,7% респондентов; *nadzieja* ‘надежда’ в список не вошла (Бартминьский 2005, 123).

Обращение к теме любви, по словам В. Д. Стариченка, «является важным как для понимания ее национальной специфики, так и для определения значимости морально-этических констант в процессе воспитания человека» (Старычонак 2009, 61). Любовь – это сугубо аксиологическое чувство, вызываемое у человека интенсивным переживанием исключительной ценности ее предмета, и сам признак «ценность» идентифицирует любовь со сферой аксиологически-оценочных эмоций (Воркачев 1995, 51, 58). Любовь по праву возглавляет список телеономных концептов, представляя собой «телеономный концепт в квадрате», так как формирует смысл индивидуальной жизни и через выход за пределы отдельного бытия, и через стремление единения с абсолютным благом (Воркачев 2003, 132, 28).

Под влиянием православно-византийского духовного наследия «любовь» считается главной добродетелью христианства (религии любви) и на градационной аксиологической шкале ценностей славян занимает доминирующее положение. Например, русские народные пословицы: *Где лю-*

бовь, тут и бог. Бог – любовь. Нет ценности супротив любви (Даль 2008, 685).

Святой апостол Павел ставит «любовь» выше «веры» и «надежды»: *«Ныне же, после всего сказанного, пребывают три сия, все связующие и содержащие: веры, надежда и любви, больше же всех любви, ибо ею именуется Бог»* (1 Кор. 13:13).

Святой Иоанн Златоуст (около 350–407 н. э.), проповедник, автор многих богословских трудов, также полагал, что среди добродетелей важнейшей является «любовь», потому что «вера» и «надежда» преходящи: «вера и надежда прекращаются, когда являются блага, составляющие предмет веры и надежды» (Аверкий 2000, 214). «В будущей жизни излишня вера, – утверждает Блаженный Феодорит, – когда явными сделаются самые вещи. Также излишня там и надежда. Но любовь тем паче возымеет силу, когда упокоятся страсти, тела сделаются нетленными, а души не будут избирать ныне то, а завтра другое» (Аверкий 2000, 214).

Следует отметить, что в последние десятилетия понятие «любовь» часто становилось предметом лингвистических исследований и анализировалось в русле различных направлений: описывалось лексико-семантическое поле понятия «любовь» в современном французском и грузинском языках (Какабадзе 1986); анализировались русские пословицы XVII–XVIII вв. с точки зрения нравственно-этической оценки любовного чувства (Пушкарев 1994); изыскивались способы адекватного толкования любви с помощью метаязыка (Вежицкая 1996); исследовалась лингвокультурологическая специфика концепта «любовь» в русском и немецком языках (Вильмс 1997); проводилось исследование концепта «любовь» как ментально обусловленного диахронически и синхронически единого образования, функционирующего в разных типах национальной культуры (Каштанова 1997); чувство любви рассматривалось в рамках исследования концепта образа мира в языковом сознании русских, бурят и англичан (Дашиева 1999); исследовалось

словесное воплощение концепта «любовь» в индивидуальном стиле А. Ахматовой (Данькова 2000); сопоставлялись словарные дефиниции лексических единиц *love* и *любить/любовь* в русском и английском языках (Перфильева 2001; Киселева 2004); описывалась семантика телеономных концептов «любовь», «счастье» в русском и английском языках (Воркачев 2003); проводился концептуальный анализ любви и ненависти в русском языке (Тананина 2003).

Однако до настоящего времени предметом исследования не становилось внутриязыковое сопоставление лексемы *любовь* по данным толковых, исторических и диалектных словарей русского языка на фоне родственных наименований в белорусском и украинском языках.

5.2. Интерпретация понятия «любовь» словарями восточнославянских языков

5.2.1. *Любовь* в древнерусском языке

Следует отметить, что понятие «любовь» в древнерусском и старорусском языках могло выражаться лексемами *любы, любовь, любвьъ*. Данные «Словаря русского языка XI–XVII вв.» показывают, что слово *любовь* характеризуется четырьмя ЛСВ: 1. ‘любовь, привязанность, благосклонность к кому-либо’ (*Да любы, ею же мя еси възлюбилъ, въ нихъ будетъ*. 1057 г.), 2. ‘склонность, пристрастие, приверженность к чему-либо’ (*Усушааше руку свою скупостию и любвью злата*. XI в.), 3. ‘страсть, влечение к лицу другого пола’ (*Да будетъ женитва свѣтла, и не примѣсна любьви сквърнавѣ*. XI в.), 4. ‘мир, согласие; мирный договор’ (*И бѣ жива съ князи околними миромъ ... и бѣ миръ межю ими и любы*. 1145 г.) (СРЯ XI–XVII вв. 1981, 8, 330–331).

В СДрЯ XI–XIV вв. лексема *любы* также отражена в четырех значениях, но имеет дополнительный смысловой оттенок первого ЛСВ: 1. ‘любовь, привязанность’ (*Въ одежю одѣвѣса. въздрасти любвьъ къ боу*. 1076 г.), 1.1 ‘дружеские отношения’ (*Аще въ любви си таину оуслышиши дрѣга своего, а послѣди на*

вражъство ѡбратишиа, то не прови таины. ѡбидѣши бо не врага, но дрѣга. XIV в.); 2. 'пристрастие, приверженность к чему-либо' (Ни възлюбисте плоти. ни възлюбисте тла. ни сумѣстеса любви сего житѣя. XIV в.); 3. 'страсть, вожделение' Къ бу прибѣгае(т). и заступника твори(т) на ненавистную любовь своего жениха. XIV в.); 4. 'мир, согласие' Съ же великѣи князь чадолюбивѣи. и наказа вѣ любви прѣбывати дѣти своя. 1271 г.) (СДРЯ XI–XIV вв. 1991, 4, 479–480).

У И. И. Срезневского мы находим пять значений исследуемой номинации *любы/любовь*: 'любовь, привязанность, благосклонность, милость' (*Любы ѿбсныхъ красоть земныхъ похоти омрачила юси. XI в.*), 'пристрастие, склонность' (*Величия дѣла или любви старѣишинства. XI в.*), 'любовь, страсть' (*Да бѣдетъ женитва свѣтла и не примѣсна любви сквернавѣ. XI в.*), 'мир, согласие, мирный договор' (*На удѣржаніе ... межю хрѣтианы и Русью бывшую любовь. 911 г.*) (Срезневский 1989, 2, 87–89). Семантическую структуру репрезентантов понятия «любовь» в древнерусском языке образуют следующие ЛСВ: 'благосклонность, милость'; 'дружеские отношения'; 'любовь'; 'мир, мирный договор'; 'приверженность'; 'привязанность'; 'пристрастие'; 'согласие'; 'страсть, влечение к лицу другого пола, вожделение'.

5.2.2. Любовь в русском языке

В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» лексема *любовь* употребляется в трех основных значениях: 1. 'чувство глубокой привязанности, преданности кому-либо, чему-либо, основанное на признании высокого значения, достоинства, на общих целях, интересах'; 2. 'чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола'; 3. 'внутреннее влечение, внутренняя склонность, тяготение к чему-либо' (ССРЛЯ 1957, 6, 434–435).

Очевидно, что в лексикографическом описании этой лексемы «дефиниционные признаки растворяются в синонимике» (Воркачев 1992, 47), на что указывает также Ю. С. Сте-

панов: «в русской культуре концепт «любви» понятийно не развит <...> или целомудренно не обсуждается» (Степанов 2001, 412).

В словаре русского языка XVIII в. также зафиксированы три близких современному пониманию ЛСВ указанного слова: ‘чувство глубокой привязанности кому-либо, чему-либо, преданности кому-либо, чему-либо’, ‘сердечная склонность, страсть к лицу другого пола’, ‘склонность, влечение, интерес к чему-либо’ (СРЯ XVIII в. 2001, 12, 12–13).

Вызывают интерес данные «Словаря русского языка XI–XVII вв.», в котором помимо близких к вышеобозначенным ЛСВ лексемы *любовь/любы* значений, а именно: ‘любовь, привязанность, благосклонность к кому-либо’ (*Имеи ... истинную правду и любовь нелицемѣрную ко всемъ не осужаи никого ни в чемъ, свои грѣхи рассужаи, како избыти ихъ, чевѡ самъ не любишь того и другу не твори.* XVII в.), ‘склонность, пристрастие, приверженность к чему-либо’ (*Любве ради святыхъ мѣсть сихъ, исписахъ все, еже видѣхъ очима своима.* 1496 г.~1131 г.), ‘страсть, влечение к лицу другого пола’ (*Которыи члѣк... сухаго и горячаго естества, той есть дерзъ и храбръ и имать любовь на всякия жены и непостоянен в любви.* XVI в.), нашли отражение два уже утраченных к XVIII в., но все еще требующих к себе внимания лингвистов значения: ‘вечери любви, общие трапезы у древних христиан’ (*Ни причетници ни мирстии члци позвани бывшее на любовьѣ сирѣч к нѣким другом на трапезу, части отселе в дома своя да не возьмут.* XVI в.), где очевидна связь с древнейшими ритуально-религиозными практиками, и ‘мир, согласие; мирный договор’ (*А будетъ намъ, брате, взять любовь съ Витовтомъ ... и намъ, брате, безъ тебе любви не взять.* 1398 г.) (СРЯ XI–XVII вв. 1981, 8, 330–331).

В СДРЯ XI–XIV вв. представлены три ЛСВ лексемы *любы*, к которым приведены примеры из памятников старорусского периода: 1. ‘любовь, привязанность’ (*И ѡт(т)олѣ възрасте велика любовь межи има.* 1406 г.); 2. ‘пристрастие, приверженность к чему-либо’ (*Созда цркъвь тоу ро-*

довъ чѣтыри. и ни единъ же вослѣдова любви его к мѣстоу томоу. Ок. 1425 г.); 3. 'мир, согласие' (*И сътвориста любовь межи собою велику. Ок. 1425 г.*) (СДрЯ XI–XIV вв. 1991, 4, 479–480).

У И. И. Срезневского также приводятся три значения исследуемого слова *любы/любѣвь*: 'любовь, привязанность, благосклонность, милость' (*Да любы, же ѣж ма ѣси възлюбиль, въ нихъ бждеть. XVII в.*), 'согласие' (*Нищѣ на свою работу без любви не нжди. XV в.*), 'мир, согласие, мирный договор' (*Се язъ, князь великѣи Борысь Александровичъ Тферскѣи, взялъ есми любовь такову зъ своимъ господиномъ зъ дѣдомъ ... быти ми съ нимъ за одинъ при его сторонѣ и пособляти ми ему на всякого не выимая. 1427 г.*) (Срезневский 1989, 2, 87–89). Как видим, в качестве отдельного выделяется 'согласие', но не отмечено употребление лексемы *любовь* в значении 'вечери любви, общие трапезы у древних христиан'.

Семантическая структура репрезентантов старорусского понятия «любовь» такова: 'любовь'; 'мир, мирный договор'; 'приверженность'; 'привязанность'; 'пристрастие'; 'согласие'; 'страсть, влечение к лицу другого пола, вожеление'; 'трапеза'.

Сравнивая ее со структурой репрезентантов соответствующего древнерусского понятия, находим семь эквивалентных семем и одно собственно старорусское значение 'трапеза' (рис. 5.1).

Слово *любовь* в русских говорах употребляется преимущественно в сочетании с предлогами. Например, в «Словаре русских народных говоров» зафиксировано: *в любовь* (кому-либо) 'нравиться кому-либо' (пск.), *в любовь* брать (взять) 'полюбить, сделать возлюбленным' (олон., твер., арх.) и др., а также указано использование наименования *любовь*-трава для обозначения растения *незабудка* (СРНГ 1981, 17, 238–239).

Что касается русского песенного фольклора, то наиболее часто исследуемая лексема употребляется в Архангельской губернии, о чем свидетельствует материал «Конкорданса русской народной песни: Песни Архангельской губернии» (2008), где лексема *любовь* отмечается 28 раз, причем как

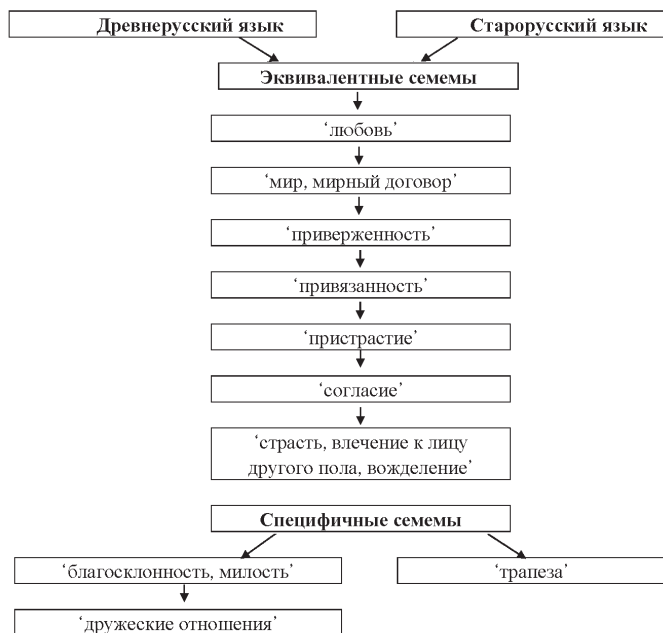

Рис. 5.1. Соотношение семем репрезентантов понятия «любовь» в древнерусском и старорусском языках

самостоятельно, так и в сочетании с глаголами и предлогами: *Я хорошаго молодчика Во любовь себе взяла; Я по старой по любви Начал шуточки шутить...* (Бобунова 2008, 2, 138). В «Конкордансе русской народной песни: Песни Сибири» (2010) слово *любовь* зафиксировано раз с теми же особенностями употребления: *Взять, не взять по любви...; Я до тех пор плакала, где скончалась любовь* (Бобунова 2010, 4, 72). «Конкорданс русской народной песни: Песни Курской губернии» (2007) отразил номинацию *любовь* только шесть раз, однако в самостоятельном использовании: *Ты, любитель-друг, ты, любитель дорогой, Не почувствуй любви никакой, Какова любовь на свете горяча!* (Бобунова 2007, 1, 107–108). Следует обратить внимание на отсутствие в указанных конкордансах лексемы *вера*.

Общеславянская лексема *любовь* является суффиксальной производной от праславянской **ľubъ* (см. параграф 5.4), которая фиксируется русскими диалектными лексикографическими источниками. Например, в «Словаре русских народных говоров» отмечается номинация *лювь* со значениями ‘любовь’ (олон., перм., яросл., моск., смол., новгор., волог., арханг., онеж., самар., симб., якут., кур., том., калуж., печор.) (*Еще кто со женой в совете живет, Кто с душечкой в великой любе*) и ‘охота, желание’ (олон., костром., онеж., волог., тул., кол.) (*А денег давать тебе до любви*) (СРНГ 1981, 17, 241), а также *люба*, обладающая четырьмя ЛСВ: 1. ‘любовь’ (олон.; *Уж и веселюсь девушкой до света, Нагуляюсь красной до любви*); 2. ‘любовница’ (арханг., новгор., свердл.; *У нашего молодца за озером на селе любя есть*); 3. ‘ласковое обращение к кому-либо’ (новгор., смол., енис.; *Ох-ти, любя, солнышко-то уж высоко, а мы спим*); 4. «славная» (свердл.) (СРНГ 1981, 17, 233).

В СРНГ зафиксированы и суффиксальные производные **ľubъ*: *любáва* 1. ‘любовь’ (перм.); 2. ‘возлюбленная; любовница’ (арханг., новгор., волог.; *Дома ли любавя, Дома ли, душечка моя?*); 3. ‘ласковая женщина’ (твер.); 4. ‘ласковое обращение к кому-либо’ (волог.) (СРНГ 1981, 17, 233) и *любье* ‘любовь’ (костром.; *Я, дружка, чашу наливаю, Спаса призываю; примите чашу для любья, кушайте для здоровья*) (СРНГ 1981, 17, 241).

«Смоленский областной словарь» В. Н. Добровольского подает слово *любовь* как заглавное, но без толкования и приводит в качестве иллюстративного примера только пословицу (*Любовь зла – полюбишь и козла*) и строку из жестокого романа (*Кто съ любовью незнакомый, тотъ страдает весь свой вѣкъ*), что, вероятно, обусловлено отсутствием употребления этой лексемы в живом народном языке. В словаре отмечается и лексема *лювь* в значении ‘любовь’: *А мы съ табаю, друхъ любьезный, въ любіи наживёмся* (Добровольский 1914, 390).

В «Словаре русских говоров Сибири» зафиксирована лексема *люба́* в значении ‘любовь’ (*Не по любе если идет, сразу отказывается, поп не венчает*) (СРГС 2001, 2, 242). «Словарь русских говоров Низовой Печоры» также отражает слово *люба* в составе устойчивого оборота (из фольклора) *в любе (жить)* с семантикой ‘в любви, согласии’: *Ты ой есь, Владимир стольнокиевской! Али ты с княгиной не в любе живешь?* (СРГНП, 399).

В словарной статье *любовь* «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» указаны только словосочетания *разбítь любовь* ‘расстаться’ (*Ты как с Алей гулял, так и думали, что ты с ей разобьёшь любовь*), *сводítь любовь* ‘привораживать’ (*Волхвунья, колдунья жила у нас на Горке. Любовь сводила, колдовала, призаветывала*), *сошлáсь любовь* ‘о взаимной любви’ (*Ты беседуешь-то, как маленькая. Любовь сошлáсь, раз парень берет, дак чего не идти?*), *сухáя любовь* ‘платоническая любовь’ (*Целый год мы с ним дружили сухой любовью*), ‘безответная любовь’ (*Сухáя любовь: если ты любишь, а он нет*), а также отмечено сочетание существительного с предлогом – *за любовь* со значениями ‘по любви’ (*Я не за любовь вышла*), ‘с удовольствием, с радостью’ (*Ой, а чулки-то твои я за любовь ношу*) (СРГК 2001, 3, 168).

«Словарь пермских говоров» отражает употребление лексемы *люб* в сочетании с предлогами *в, по* – *в любе, по любе* с семантикой ‘в любви, по любви’ (*Если какой уж вовсе не в любе, дак не идёт замуж; Ко мне тоже много сваталось. По любе за десятого вышла*), а также *любовь* в словосочетании *сухая любовь* ‘платоническая любовь’ (*Сухой любовью четыре года ходили*) (СПГ, 681–682). «Словарь вологодских говоров» зафиксировал слово *люб* в сочетании с предлогами *по (об)* – *по (об) однёму либе* ‘о неразделенной любви’ (*Вот я тебе и говорю, Колька, что нынче при однёму либе не жёнишьсё*) (СВГ 1989, 4, 59).

В «Словаре орловских говоров» отмечена лексема *любы* в значении ‘чувство сердечной склонности, влечение к лицу другого пола; любовь’ (*Пь любви зь ниво пашла*), а также

любо́ва с пометой *фольклорное* и иллюстративным примером *Дэвила миня любовь дэ сасновэвэ да гроба*, но без толкования (СОГ 1994, 6, 89, 87).

Отсутствие самостоятельного употребления абстремы *любовь* в русских говорах связано с широким использованием лексемы *жа́лость* в значении ‘любовь; расположение’. Ср. также другие слова с корнем *-жал-* с подобной семантикой: *жалённый/жалёный* ‘любимый, милый’, *жалётъ* ‘любить’, *жалётся* ‘любить, ласкать друг друга’, *жалі́нье* ‘любовь’, *жа́личка* ‘любимая, дорогая женщина’, *жа́лко* кого-нибудь ‘кто-нибудь любит кого-нибудь’, *жалобну́ша* ‘любимый, милый’, *жа́лочка* ‘милая, любимая женщина’ (СРНГ 1972, 9, 63–67). Что же касается ближайших континуантов праславянского **l'ubъ*, то представленный русский диалектный лексикографический материал свидетельствует об их регулярном употреблении в значении ‘любовь’.

Семантическая структура репрезентантов понятия «любовь» в русском языке (начиная со старорусского периода и заканчивая современным состоянием) включает в себя следующие семемы: ‘благосклонность, милость’; ‘дружеские отношения’; ‘интерес’; ‘любовные отношения’; ‘любовь’; ‘мир, мирный договор’; ‘о человеке, внушившем чувство любви; тот, кого любят’; ‘приверженность’; ‘привязанность’; ‘пристрастие’; ‘согласие’; ‘страсть, влечение к лицу другого пола, вожделение’; ‘трапеза’; ‘уважение’.

5.2.3. Любоў в беларусском языке

В «Тлумачальным слоўніку беларускай мовы», как и в «Словаре современного русского литературного языка», лексема *любоў* имеет три основных значения: 1. ‘чувство глубокой привязанности к кому-нибудь, чему-нибудь, преданности кому-нибудь, чему-нибудь’; 1.1. ‘чувство привязанности, симпатии к кому-нибудь’; 2. ‘чувство горячей сердечной привязанности к особе другого пола’; 3. ‘интерес, склонность, тяготение к чему-нибудь’ (ТСБМ 1979, 3, 67). В словаре И. И. Носовича данная лексема отсутствует, а Я. Станкевич дает только одно значение абстремы *любоў* – ‘любовь’ (Станкевіч 1990, 653).

ГСБМ отражает употребление старобелорусской лексики *любовь/любавь/любовь* в четырех ЛСВ: 1. ‘любовь, милость; глубокая привязанность, преданность, симпатия к кому-нибудь, чему-нибудь; доброе, великодушное отношение к кому-нибудь’; 2. ‘чувство горячей сердечной привязанности к лицу другого пола’; 3. ‘тяготение, склонность к чему-нибудь’; 4. ‘согласие, дружба, товарищество’ (ГСБМ 1998, 17, 164–165).

Семантическая структура репрезентантов старобелорусского понятия «любовь» выглядит так: ‘адданасць’; ‘добрыя, велікадушныя адносіны да каго-небудзь’ (‘уважение’. – О. Г.); ‘дружба, сяброўства’; ‘згода’; ‘каханне’; ‘любоў’; ‘прыхільнасць’; ‘сімпатыя’; ‘цяга, схільнасць да чаго-небудзь’.

Сопоставив ее с аналогичной древнерусской, обнаруживаем, что совпадают четыре семемы, а к специфично старобелорусским относятся два значения (рис. 5.2).

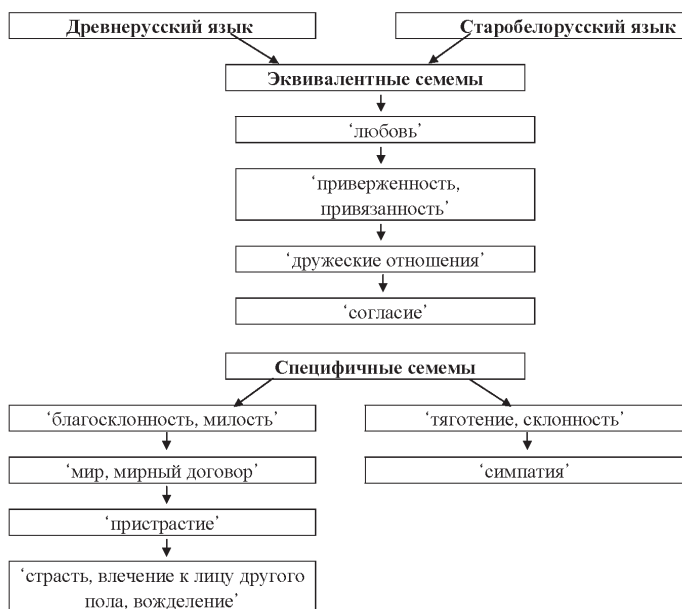

Рис. 5.2. Соотношение семем репрезентантов понятия «любовь» в древнерусском и старобелорусском языках

«Тураўскі слоўнік» и «Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны» зафіксировали использование лексемы *любóў* только в значении 'любовь' (ТС 1982, 3, 54: *І памру не ў любові*; Бялькевіч 1970, 255: *У етыі кніжкі пры любоў хлопца і дзеўкі, якая любілісь, ды ні жанілісь*).

Таким образом, в белорусских говорах для обозначения понятия «любовь» редко использовалась лексема с корневой морфемой *люб-*, что связано с более активным употреблением слова *каханне*.

5.2.4. *Любов* в украинском языке

В академическом словаре современного украинского языка лексема *любовь* зафиксирована с тремя основными ЛСВ, которые в отличие от значений, представленных в ССРЛЯ и ТСБМ, обладают большим количеством дополнительных смысловых оттенков: 1. 'чувство глубокой сердечной привязанности к лицу другого пола' (*В муках любові стою край вікна*), 1.1. 'перен. тот, кого любят' (*Вона [Маня], та колишня моя любов, зірвала заручини*), 1.2. 'отношения между мужем и женой, вызванные сердечной привязанностью' (*Творить дітей, молоді. Були ви щедрі на бойовий труд, будьте щедрі й на любов, на крики народжень*), 1.3. 'разг. интимные отношения с лицом другого пола' (*Щоб з вдовами не женихався [Еней], Над мертвими не глумлявся, Жинок любов'ю не морив*); 2. 'чувство глубокой сердечной привязанности к кому-, чему-нибудь' (*І іменем твого сина, Твоїї скорбної дитини, Любов і правду рознесли [святії] По всьому світу*), 2.1. 'глубокое уважение, уважительное отношение к человеку' (*Коли вийшли на сцену зовсім юні мічурінці-комсомольці й піонери в піонерських галстуках – і повернули йому [І. В. Мічуріну], своєму дідусяві, з любов'ю його яблука... – він тихо заплакав*), 2.2. 'глубокое благорасположение, вызванное родственными связями' (*Не сила держить Уляну на ногах, не здоров'я..., а держить її серце, матерня гаряча любов*), 2.3. 'перен. тот, кого любят' (*І син Алкід, твоя дитина, Єдина твоя родина, Любов, єдина твоя, Гниє в неволі, в кайданах*);

3. 'интерес к чему-нибудь' (*А в синка, бачу, нема любові до лісу, око в нього сліпе до дерева*), 3.1. 'внутреннее, духовное тяготение к чему-либо' (*Любов до літератури у мене розвинулась доволі рано*), 3.2. 'пристрастие к чему-либо' (*Батько знову забував, що його за любов товктися між кіньми і скаженно мчати верхи дюли беззлобно охрестили рудим дідьком*) (СУМ 1973, 4, 564).

В словаре Б. Д. Гринченко фиксируется только одно значение номинации *любов* 'любовь' (*Любови Божої не маєте в собі*) (Гринченко 1907, 1, 387). В словаре украинского языка середины XVI в. Л. Даже отражена идентичная семантика исследуемого слова *любовь* – 'любовь' (*Айно, чимъ есме довжны Богу? Вѣровати, чомъ овунъ пуднявъ надъ усякое дѣло любовъ*) (Дже 1985, 174).

В словаре староукраинского языка XIV–XV вв. абстрема *любовь* характеризуется тремя ЛСВ: 'ласка' (*Се азъ ... панъ Игнатіє, <...> отъ всѣхъ нашихъ добрыхъ волѣхъ, паче же и отъ бога помощія, и любовь яже по божѣ къ сватому мѣстоу <...> даль есмы едно село за Проутомъ <...>. 1476 г.*), 'желание' (*Я пан Волчко Хренницькій ... отдал есми по Божої воли а по моеї любви дочку мою Марину за пана Пашка Посяговецького ему за жону <...>. 1472 г.*), 'согласие' (*<...> а чей быхмо могли оучынити промежы вами любовь и миръ и докончанье, якъ и первей было. 1499 г.*) (ССМ XIV–XV стст. 1977, 1, 566).

Представляется, что староукраинская лексема *любовь* обладала более широким набором значений, нежели трема, но они не получили отражения в «Словаре староукраинского языка XIV–XV вв.».

Компонентами семантической структуры понятия «любовь» в староукраинском языке выступают: 'ласка'; 'желание'; 'согласие'.

На рис. 5.3. представлено соотношение семем репрезентантов понятия «любовь» в древнерусском и староукраинском языках: эквивалентных семем только две, а собственно староукраинских – одна.

«Словник бойківських говірок» отражает традиционное понимание лексемы *любов* 'любовь' (*А шчо с тойі л'уби*

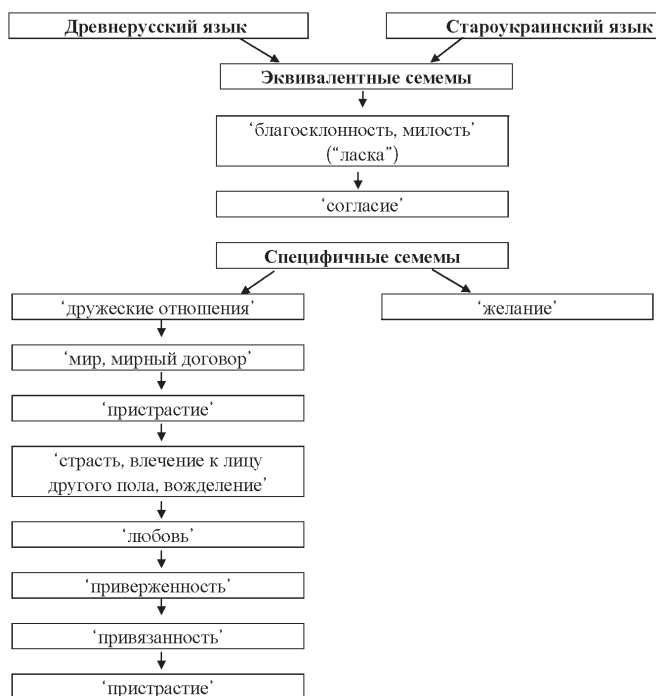

Рис. 5.3. Соотношение семм репрезентнтов понятия «любовь» в древнерусском и староукраинском языках

війдѣ, ѿа самá нѣ знáйу) (Онишкевич 1984, 421). В «Словнику буковинських говірок» сема 'любовь' выражена двумя словами: *любá* (*У них такá любá, шо водóв ни розліти*) и *любвá* (*Аді, шо любвá рóби з людьмі!*) (СБГ, 268). «Матеріали до словника гуцульских говірок» (Піпаш 2005, 96), «Скарби гуцульського говору: Березові» (Негрич 2008, 108), а также «Гуцульські говірки: короткий словник» (Гуц. гов., 116) фиксируют номинацию *любá* в значении 'любовь', однако без иллюстраций. То же в «Словаре карпатоукраїнського то-руньського говора» в отношении фиксируемого *l'ubó* (СКТГ, 116). Очевидно, что в юго-западных говорах украинского языка лексема *любá* используется значительно чаще, чем суффиксальные варианты слова *любов*.

5.2.5. Сопоставительный анализ ЛСВ репрезентантов понятия «любовь» в восточнославянских языках

Дефиниционный анализ показал, что современное восточнославянское словарное ранжирование ЛСВ лексемы *любовь* обратно по отношению к историческому порядку их появления, что подтверждает этимологический анализ (параграф 5.3). В связи с этим нельзя не согласиться с мнением Н. А. Купиной о том, что в контексте тоталитарной культуры «обозначения ментально значимых понятий освобождаются от первичных значений и употребляются как вторичные переносные наименования» (Купина 1999, 17). Очевидно также, что характерное для лексикографии советского времени требование концептуального и научного единообразия привело к практически идентичному описанию лексемы *любовь* авторами толковых словарей русского и белорусского языков, стереотипности словарных дефиниций. Выделенные семемы репрезентантов понятия «любовь» представлены в табл. 5.1.

Таблица 5.1. Соотношение семем репрезентантов понятия «любовь» в восточнославянских языках

Семема	Рус.	Бел.	Укр.
‘благосклонность, милость’	+	—	+
‘дружба, дружеские отношения’	+	+	—
‘интерес’	+	+	+
‘любовные (интимные) отношения мужчины и женщины’	+	—	+
‘мир; мирный договор’	+	—	—
‘о человеке, внушившем чувство любви; тот, кого любят’	+	—	+
‘преданность’	+	+	—
‘приверженность’	+	+	—
‘привязанность’	+	+	+
‘пристрастие’	+	+	+
‘симпатия’	—	+	—
‘склонность, влечение, тяготение’	+	+	+
‘согласие’	+	+	+
‘страсть, влечение, вожеление, желание’	+	—	+
‘трапеза’	+	—	—
‘уважение, уважительное отношение’	+	+	+

Следует отметить, что больше всего ЛСВ исследуемой лексемы отмечается в русском языке (15), не отражено лишь исключительно белорусское значение ‘симпатия’. Белорусские и украинские лексикографические источники не зафиксировали в качестве самостоятельного значения ‘мир; мирный договор’, оно присутствует только в устойчивых глагольных словосочетаниях, например, *любовь взяти* ‘заключить мирный договор’ (ТСБМ 1998, 17, 165), а также семейству ‘трапеза’. ЛСВ, обозначающие ‘страсть, влечение, вожделение, желание’, ‘любовные (интимные) отношения мужчины и женщины’, а также переносное значение ‘о человеке, внушившем такое чувство; тот, кого любят’ **не нашли своего** отражения в белорусских словарях, в отличие от русских и украинских. Эти факты связаны с существованием и активным использованием в белорусском языке лексемы *кахáнне*, имеющей отношение к чувственной разновидности любви и заключающей в себе все вышеобозначенные значения: бел. *кахáнне* ‘большое сердечное чувство к определенной особе противоположного пола’, ‘о человеке, который внушает такое чувство’, ‘любовные отношения’ (ТСБМ 1977, 2, 667).

В лексикографических источниках восточнославянских языков лексемы, репрезентирующие понятие «любовь», отражены в следующих (6) значениях: ‘интерес’; ‘привязанность’; ‘пристрастие’; ‘склонность, влечение, тяготение’; ‘согласие’; ‘уважение, уважительное отношение’.

Что касается количества идентичных значений, то наибольшее число совпадений отмечено в русском и украинском языках (10), далее располагаются русский и белорусский (9), затем – белорусский и украинский (6).

5.3. Этимология лексемы *любовь*

Прасл. **l'ubъ*, континуантом которого выступает слово *любовь*, восходит к и.-е. корню **leubh-* ‘любить, желать; милый, дорогой, любимый’ (Pokorny 1959, 683–684), болг. *любов* ‘привязанность к кому-либо или чему-либо, основанная

на общности интересов, симпатии, любовь; привязанность, симпатия, основанная на половом влечении; склонность к чему-либо; тот, кто внушает чувство привязанности, симпатии', диал. *л'убоф, ѝубоф, либоф* 'любовь', макед. *љубов* 'любовь', серб.-хорв. *лубав, лубов, љubi, љuba* 'любовь', *љubo* то же, *љubva* то же, словен. *ljubâv* 'любовь, дружеская услуга, любезность', ст.-чеш. *libu*, н.-луж. **lubja* (вместо *lubwja* > **libu* = *lubew*) 'любовь', др.-рус. *любы* = *любъвь* 'любовь, привязанность, благосклонность, милость; пристрастие, склонность; любовь, страсть, согласие; мир', рус. *любовь* 'чувство привязанности, основанное на общности интересов, идеалов; такое же чувство, основанное на половом влечении; склонность, расположение или влечение к чему-нибудь', ст.-укр. *любовь* 'любовь, желание', укр. *любов* 'любовь', диал. *любва* 'любовь', ст.-бел. *любов* 'действие по глаголу любить', бел. *любоў* 'любовь', диал. *любоў* 'любовь' (ЭССЯ 1988, 15, 185–186).

5.3.1. Первоначальная семантика слов с корневой морфемой *-люб-*

Полагаем, что лексема *любовь* относится к числу слов со «сгущенной семантикой», по точному определению В. Н. Топорова (Топоров 1981, 141), ведь в самом и.-е. корне **leubh-*, к которому возводится исследуемая лексема, и его континуантах можно отметить большое количество значений, которые не всегда удастся логически и семантически связать. Происхождение отвлеченного наименования *любовь*, неоднократно бывшего предметом этимологического анализа, по-прежнему остается спорным, что связано с семантической сложностью и синкретизмом его первоначального значения. В. В. Колесов отмечал, что синкретизм первичного значения общеславянских лексем является отражением «синкретизма мироощущения» древних славян (Колесов 1989, 145).

Можно предположить, что изначально существовали две тенденции в формировании слов с корнем *-люб-*: первая по-

рождена статическим восприятием любви как субъективного факта, переживания и отражает эмоциональную оценку любовного чувства как безусловно положительно значимого для субъекта (любовь – это восприятие объекта любви как *дорогого, милого, желанного, любимого, приятного*), причем это отношение однонаправленное; вторая тенденция отражает традицию понимания динамичности любви, ее процессуальности, выходящей за рамки феноменологического переживания (*любить, желать*), отношения между актантами можно охарактеризовать как взаимно направленные.

Психолог А. Н. Лук, причисляя любовь к положительным чувствам, предлагает различать два ее вида: любовь половая и любовь-привязанность (Лук 1982, 24). В связи с этим любовно-попытно отметить, что значение эротической любви, подразумеваемое практически всеми респондентами – носителями русского языка под «просто любовью», в некоторых лексикографических источниках не отражается вовсе (Ожегов 1982, 293; 1975, 168), видимо, по причине того, что во время создания этих словарей апелляция (даже, как видим, словарная) к сексуальности была под негласным запретом.

По словам Е. Е. Каштановой, автора диссертационного исследования «Лингвокультурологические основания русского концепта «любовь» (аспектный анализ)» (1997), «в русском языке отражен принципиальный дуализм любви, основными формами существования которой являются статика (состояние) и динамика (действие) (чувству любви присуща *фазовость: любить продолжать, стать, перестать*)» (Каштанова 1997, 63, 91). Важностью обоих аспектов обусловлено наше обращение не только к существительному *любовь*, но и к глаголу *любить*.

А. Д. Шмелев выделяет два режима употребления глагола *любить* (и одновременно существительного *любовь*): *любить* 1 указывает на чувство (или, точнее, на чувство-отношение), которое субъект испытывает по отношению к объекту любви (*любить жену, мать, семью*), *любить* 2 – на свойство субъекта, состоящее в том, что субъект обычно

испытывает удовольствие от реализации некоторой ситуации (*любить прогулки по лесу*). Можно сказать, что *любить* 1 относится к сфере «высокого», а *любить* 2 – к сфере «низкого» (Шмелев 2002, 170). В рамках *любить* 1 можно было бы различать «чувственную» любовь, в которой на первом плане желание быть вместе с объектом любви (любовь к человеку противоположного пола, связанная со стремлением к физической близости), и «альтруистическая» любовь, в которой на первом плане желание делать объекту любви добро (Шмелев 2002, 171).

Ю. Д. Апресян также различает значения *любить* 1.1 (*любить жену, полюбить циркачку*) и *любить* 1.2 (*любить Родину, любить своих детей*), приводя в доказательство морфологические, словообразовательные, синтаксические, сочетаемостные и коммуникативно-просодические языковые свойства (Апресян, Словарь синонимов 2000, 180–181). Другой точки зрения придерживается А. А. Зализняк, считая, что хотя «человек по-разному любит свою мать, дочь, жену, любовницу, друга, собаку и родину», не существует чисто языковых оснований для разграничения разных лексических значений, соответствующих разным типам любви (Шмелев 2002, 171).

Действие, обозначенное глаголом *любить*, как и существительное *любовь*, в современных восточнославянских языках ассоциируется чаще с платоническим проявлением данного чувства. Исключением, пожалуй, являются дополнительные смысловые оттенки вторых ЛСВ рус. лексемы *любовь* ‘любовные отношения’ (ССРЛЯ 1957, 6, 434–435) и укр. глагола *любити* – разговорное значение ‘быть в интимных отношениях с лицом другого пола’ (СУМ 1973, 4, 562). В связи с последним значением есть основания полагать, что первоначальная семантика слав. глагола **l'ubiti* ‘любить, находить удовольствие в ком-, чем-либо, получать удовольствие от кого-, чего-либо’, возводимого М. Фасмером и Х. Шустер-Шевцем к прилагательному **l'ubъ* ‘милый, дорогой, любимый’ (Фасмер 1967, 2, 544; Schuster-Šewz

1978, 863), продолжающему и.-е. **leubho-* ‘любить, желать; милый, дорогой, любимый’ (Pokorný 1959, 683), а авторами ЭССЯ непосредственно к и.-е. глагольной теме **leubhei-* (1988, 15, 176), связана все же с желанием (греч. имя *ἔρω*ς ‘любовь’ первоначально означало ‘желание вообще’ – Вейсман 1991, 533). Последнее отмечается практически всеми этимологическими словарями русского языка и славянских языков: др.-инд. *lúbhyati* ‘желает’, ‘испытывает жажду’, ‘алчет’, *lōbhas* ‘желание, жажда’, *lōbháyati* ‘возбуждать желание’, ‘вызывать желание’, лат. *lubet*, *libet* ‘угодно’, ‘хочется’, *lubīdō*, *libīdō* ‘(страстное) желание’, ‘влечение’, ‘прихоть’, алб. *laps* ‘желаю, жажду’, санскрит. *lúbhyati* ‘чувствует неодолимое желание’, *lobhyati* ‘возбуждает желание, влечет’, *lubhda-s* ‘жадный’, *lobhas* ‘желание, жадность’ (Преображенский 1959, 1, 492; Фасмер 1967, 2, 544; Черных 2004, 1, 498; ЭССЯ 1988, 15, 176; Derksen 2008, 281).

По мнению Н. М. Шанского, абстрактное значение ‘милый, дорогой’ развилось из более конкретного ‘возбуждающий любовь, страсть, неодолимое желание’ (Шанский 1994, 174). М. М. Маковский также отмечает, «становление представлений о любви связано с желанием, точнее, с его «бессознательной частью» – влечением, недифференцированным относительно аксиологического знака, что этимологически подтверждается и.-е. **l-ub-* ‘любовь’ и др.-исл. *ubbi* ‘ненависть» (Маковский 1997, 74). Эта первоначальная семантика сохранилась в некоторых славянских языках: в.-луж. *liubi* *βε* ‘жаждать, страстно желать’, *βε* *lúbisch* ‘нравиться, хотеть, желать’ (Schuster-Sewz 1978, 863), рус. *любовь* ‘страсть к лицу другого пола’ (СРЯ XVIII в. 2001, 12, 12–13), ‘страсть, влечение к лицу другого пола’ (СРЯ XI–XVIII в. 1981, 8, 330–331), др.-рус. *любы* ‘страсть, вожеление’ (СДрЯ XI–XIV вв. 1991, 4, 479–480), *любовь* ‘любовь, страсть’ (Срезневский 1989, 2, 87–89), ст.-укр. *любовь* ‘желание’ (ССМ XIV–XV стст. 1977, 1, 566), а также в говорах русского языка: олон. *любь* ‘охота, желание’, брян. *любóвинка* ‘аппетит’ (т. е.

собственно ‘желание поест’), сочетания с предлогами – *dó любви* (олон., костром., онеж., волог.), *pó любви* ‘до полного удовлетворения’ (онеж.), *po любви* ‘своею охотой’ (тул.), *s любви* ‘полубовно, по желанию’ (волог., костром., кол.) (СРНГ 1981, 17, 241, 237). В связи с последним значением можно привести также древнегреческую параллель, ср.: *eros* у Гомера означает не только желание женщины, но и желание пищи или питья (Шестаков 2003, 38).

Исследователь М. М. Маковский (1999, 77, 202), выдвигая идею (не бесспорную, по нашему мнению) о том, что «первозначения в индоевропейском известны (‘разрывать’, ‘гнуть’) и что все дальнейшие значения являются лишь метафорами от первоначальных», утверждает, что в «глоттогоническом» плане семантика любви, как и семантика большинства абстрактных имен, вероятно, производна от названия конкретного действия, именно **(k)lub-* ‘гнуть’.

С. Г. Воркачев в «формуле любви» предлагает выделять следующие семантические блоки, связанные отношениями производности: 1) *дезидеративный*, диахронически исходный, включающий желание получить объект в свою личную сферу и желание сохранить его в ней; 2) *каритативный*, производный от желания сохранить и уберечь объект; 3) *оценочно-аксиологический*, индуцируемый влечением к объекту любви как к благу, ценности; 4) *оценочно-гносеологический*, отправляющий к интересу, любопытству – теоретической оценке предмета любви как выражению «экстремального интереса и понимания»; 5) *аффективный*, производный от всех предшествующих, включающий все виды эмоциональных проявлений, сопровождающих любовное влечение (Воркачев 2003, 71–72).

Таким образом, в научной литературе существуют две точки зрения по поводу происхождения слова *любовь*: первая связана с первоначальной семантикой ‘любить, желать’, вторая опирается на исходное значение ‘милый, дорогой, любимый’.

5.3.2. Первоначальное значение ‘давать обет, обещать’

Обширный лексикографический материал дает основания предполагать, что в качестве первоначального могло выступать значение ‘давать обет, обещать’: словен. *ljúbiti* ‘любить, ласкать; обещать, заверять; нравиться’ (ЭССЯ 1988, 15, 174), н.-луж. *lubiś* ‘свято обещать, дать слово’ (Muka 1926, 1, 842), в.-луж. *lubić* ‘свято обещать, давать обет’ (Schuster-Šewz 1978, 863), а также континуанты и.-е. **leubh-*: др.-в.-нем. *lobōn* ‘обещать’, *gilubida* ‘обет’ (Pokorny 1959, 684) и сохраняющие первоначальную семантику приставочные производные глагола *lubiś* в н.-луж. языке: *nalubiś* ‘много наобещать’, *pólubiś* ‘пообещать’, *pśilubiś* ‘обещать’, *zalubiś* ‘заклясться, заречься, забожиться’, *zlubiś* ‘пообещать, обручить’, *zlubiś se* ‘обручиться’, *pśizlubiś* ‘посулить, обещать’, *rozzlubiś se* ‘не сдержать слово’ (Muka 1926, 1, 842); родственные славянские: польск. *ślub* ‘обет, клятвенное обещание, клятва, зарок’, ‘брак, бракосочетание’, *ślubować* ‘клясться, присягать, давать обет, зарок’, *ślubowanie* ‘присяга, клятва, обет’, чеш. *slib* ‘обещание, обет’, *slibiti* ‘обещать’, *slibovati* ‘обещать, давать обещание’, – а также нем. *Angelöbniś* ‘обет, торжественное обещание’, *angeloben* ‘обещать’, *geloben* ‘свято обещать, давать обет’, *Gelöbniś*, *Gelübde* ‘обетование, священный обет, обещание’, *Gelobung* ‘обещание, обетование, священный обет’.

Очевидно, отмеченное первоначальное значение отношений между двумя актантами – ‘давать обет, обещать’ – трансформировалось со временем в ‘мир, согласие, мирный договор’, что является вполне семантически закономерным, так как согласуется с древними представлениями о необходимости давать обет в знак согласия заключить договор о мире.

В качестве материального подтверждения обещания мира мог выступать поцелуй, о чем свидетельствуют некоторые из значений исследуемого слова: болг. *любѣж* ‘любить; быть влюбленным; целовать’ (Геров), диал. *любя* ‘целовать’, *л’уб’ъ* ‘целовать в руку’, *л’убе* ‘целовать (икону, крест); целовать

в руку', л'убѣм 'целовать', макед. љуби 'целовать', серб.-хорв. љubiti 'любить; целовать; желать, вожелеть' (ЭССЯ 1988, 15, 174), ст.-чеш. libati 'любить; целовать' (Gebauer 1970, 277), чеш. libati 'целовать' (PSJČ 1937–1938, 2, 575), slibati 'стереть поцелуем' (PSJČ 1948–1951, 5, 364), словц. l'ubat' 'целовать, обнимать', l'ubanie 'поцелуй, объятие' (HSSJ 1992, 235), др.-рус. любити 'любить', 'предпочитать, иметь склонность', 'любоваться', 'целовать' (Срезневский 1989, 2, 82–83), рус.-ц.-слав. любити 'испытывать глубокую привязанность, расположение к кому-либо', 'чувствовать склонность, интерес, влечение, тяготение к чему-либо', 'целовать, ласкать' (ЭССЯ 1988, 15, 175), укр. диал. l'ubiti s'a 'целоваться' (СКТГ, 116), а также лат. libo 'целовать'. Таким образом, значение 'целовать' сохранилось лишь в русской редакции церковнославянского языка, в старобелорусском и староукраинском указанное значение лекси́мы *любить* отсутствует.

Обращает на себя внимание тот факт, что в ст.-рус. *любовь* достаточно часто употреблялось в значении 'мир, согласие, мирный договор': *Сли же придоша ко цѣрѣви, повѣдаша вса рѣчи Игоревы и любовь, каже къ Грекомъ; Посла же къ Борису, гл҃а: брате, хочу с тобою любовь имѣти* (Срезневский 1989, 2, 89). Следует отметить также, что в старорусских, старобелорусских и староукраинских памятниках распространены были словосочетания, компонентами (фактически текстуальными синонимами) которых выступали слова *мир* и *любовь*: *Хочю имѣти миръ и свершену любовь; И бѣ миръ межю ими и любви* (Срезневский 1989, 2, 89); *богѣше брате не теряи земли литовское отчины наше и свое. поиди к нам оу мир и въ великую любов братскую* (ГСБМ 1998, 17, 165); *Про тожъ, естли ваша милость такъ чинили, ваша милость делайте яко знаете, какъ межи васъ доконъчанье было; а чей быхмо могли оучинити промежы вами любовь и миръ и доконъчанье, якъ и перьвей было* (ССМ XIV–XV стст. 1977, 1, 566).

В качестве еще одного подтверждения правильности выделения нами протосемантики исследуемой лекси́мы сле-

дует привести также глагольные словосочетания со словом *любовь* в значении ‘мир, согласие, мирный договор’: *створити любовь* ‘заключить мирный договор’; *взати любовь* ‘помириться, заключить мир’; *сѹтитиса въ любовь* ‘помириться, согласиться’; *положити межѹ собою любовь* ‘уговориться, согласиться’; *сѹвести въ любовь* ‘помирить’; *сѹмолвити въ любовь* ‘помирить’ (Срезневский 1989, 2, 89–90; СДрЯ XI–XIV вв. 1991, 4, 480; СРЯ XI–XVII вв. 1991, 8, 331).

В «Повести временных лет» приведены тексты договоров древнерусских князей-язычников с греками от 912, 945, 971 гг. (т. е. до принятия Русью христианства), и во всех этих текстах 17 раз упоминается о «мире твердом и любви свершенной» (‘заключенной’). Как отметил В. В. Колесов, под 1015 г. – годом смерти князя Владимира – в рассказе о сыне его, Глебе, впервые возникает на листах Лаврентьевской летописи неизвестное прежде значение слова *любовь*, и в сочетании слов *мир* и *любовь* компонент *мир* заменяется на *веру*, таким образом появляется сочетание *въроу и любовью*. «Новые люди» – христиане – использовали и новое значение слова, прежде скрытое в содержательном смысле славянского корня (Колесов 1987, 266–277).

Семантику согласия находим и в СРНГ: *за любовь* ‘по доброй воле, согласию’ (олон., влад., новгор.), *по любви* ‘добровольно, по взаимному согласию’ (арханг.), *любóвный* ‘сделанный по согласию, полюбовный’ (псков., твер., влад., моск., свердл., сиб.) (СРНГ 1981, 17, 238–239); у В. И. Даля отмечается прилагательное *любовный* со значением ‘к любви относящийся; дружеский, согласный, или мирный’ (Даль 1905, 2, 734); рус. *розлюбье* ‘розмирье, ссора’, *нелюбие* ‘несогласие’, *слюбиться* ‘согласиться’, *полюбовная сделка* ‘договор’ (Срезневский 1989, 2, 90).

В таком понимании изменения семантики исследуемого слова (‘давать обет, обещать’→‘мир, согласие, мирный договор’) кажется вполне объяснимым развитие на основе договорного союза, подтвержденного поцелуем, союза брачного, при заключении которого молодожены также дают

обет верности друг другу и обмениваются в знак согласия кольцами и поцелуем. Н.-луж. *eńélub* ‘обещание’, ‘обручение, помолвка’, *zlubiś* ‘пообещать, обручить’ (Мука 1926, 1, 842), а также польск. *ślub* ‘обет, клятвенное обещание, клятва, зарок’, ‘брак, бракосочетание’ и бел. *шлюб* ‘семейный союз мужчины и женщины’, ‘обряд, церемония вступления в такой союз’. С принятием в 988 г. христианства и его проповедованием *любви* агапической (милосердной, сострадательной) конкретное понимание исследуемого слова как договора о мире постепенно вытесняется, и любовь под влиянием религиозного фактора начинает осознаваться как преимущественно нравственное понятие.

5.3.3. Этимологическая связь значений ‘любимый’ и ‘сухой’

Одним из значимых фрагментов славянской народной духовной культуры, в котором, взаимно корреспондируя, своеобразно переплетаются сферы лингвистики, этнографии, фольклористики, культурологии и некоторые другие, является любовная магия, представляющая собой совокупность действий, призванных магическими средствами влиять на межличностные отношения любовно-эротического характера. Этот древнейший вид магии, отдельные элементы которого известны еще со времен языческой Руси, включает в себя действия, направленные на «привораживание» и «отвораживание» – как чисто акциональные, так и сопровождаемые произнесением словесных текстов – заговоров (СД, 154; Жилинская 2005, 9–12).

Именно заговоры, образующие, по словам Т. А. Агапкиной, «самостоятельную жанровую группу заклинательно-магического фольклора» (Полеские заговоры 2003, 10), позволяют воссоздать особенности мышления и верования людей древнейших эпох (Таямніцы 1997, 3–6). Следует отметить необычную силу воздействия слова в заговорах, что связано с древними представлениями о возможности с по-

мощью слов навязать свою волю богам, человеку, предметам и явлениям.

В народной традиции заговоры, направленные на возникновение/«пробуждение» любовного чувства и сохранение любви, называются *присушками* (Беларускі фальклор 2006, 392), или *присухами* (см. первое значение в ССРЛЯ: ‘в поверьях – колдовство, которое заставляет любить кого-либо’ (ССРЛЯ 1961, 11, 782)). Данное название, безусловно, не является случайным, ведь существование и развитие языка, по словам А. И. Смирницкого, «базируется на принципе мотивированности и рациональной оправданности связи между звучанием и значением» (Смирницкий 1995, 87).

С точки зрения народной этимологии, любовь представляется силой, которая горит огнем, *сушит* (как в прямом, так и в переносном значении), от этого и их название – «присушки» (Замовы 2000, 26). Любовная страсть насыщается посредством заговоров как некая сверхъестественная сила, несущая другому человеку зло и разрушение. Это, как правило, не любовь, а тоска, кручина, *сухота*, да и требуют в заговорах не взаимного чувства, а того, чтобы «кипело, горело, болело» сердце у рабы Божией, чтобы она тосковала и горевала (Топорков 2005, 113). Уверенность в неотвратимом действии природных сил подкрепляли бытовые наблюдения: деревенский человек знал губительное действие сильных и буйных ветров: «как сушите, крушите весной поле, среди лета теплого – ниву сжату, траву скошену, так же высушите, выкрушите моего суженого-ряженого» (Русские заговоры и заклинания 1998, 18). Таким образом, *сухота*, насылаемая при помощи магических слов, совмещает в себе черты тоски (депрессивного состояния) и огня («сохнуть» – как результат воздействия огня и жара) (Топорков 2005, 158–159).

Необходимо отметить, что заговорно-заклинательные формулы (в том числе и присушки) представляют собой тексты, возникшие на основе мышления по аналогии и воспроизведения в речи мысли через «сравнительно-сопоставительные конструкции» (Харитонов 1999 2, 400). Например,

для присушивания «вынимают след», который помещается в бане за каменку или в дом, за печью, в печи (как правило, в дымоходе). «Чара» рассчитана на аналогию: как сохнет вложенная земля или песок, на котором отпечатался след босой ступни человека, так должен «сохнуть» и сам человек (Харитоновна 1999, 1, 270; подробнее о «симпатической магии» см.: Фрэзер 1980, 20–61).

Любовное томление, переживание, печаль в русских народных говорах отражены в семантике лексем с корнем *-сух-/-суш-*: кур., дон., сарат., урал., том. *прису́ха* ‘любовь, вызванная колдовством’, пенз., урал., свердл. *прису́ха* ‘любимый человек’ (СРНГ 1998, 32, 5), костром. *сушина* ‘сильная любовь’ (*Уж така сушина у них, не могут друг без друга*); забайк. *сухарить*, *сухариться* ‘испытывать взаимное чувство любви’, *сухаранка*, *сухараночка*, *сухарёнка* ‘возлюбленный, возлюбленная’, *сухарник*, *сухарница*, *сухарочка* ‘то же’; урал. *сухота сухоту́щая* ‘сильная печаль’ (*Напала на меня сухота сухоту́щая*); сев.-двин. *засохнуть* ‘истосковаться’ (*Он засох по дому*). По другой линии идет семантическое развитие в рус. перм. *сухая любовь* ‘платоническая любовь’: *Сухой любовью четыре года ходили. Надо, девушки, дружить по сухой любви, а не так, как нонче: ишишо не женятся, а уже спят* (Толстая 2008, 57).

Существительное *присушка* образовано от глагола *присушить* ‘**привораживать**, колдовством заставлять любить кого-либо; **привязывать** к себе, заставлять любить себя’ (ССРЛЯ 1961, 11, 783). Нельзя не заметить, что значение указанного слова описывается при помощи глаголов с тем же префиксом *при-*, что указывает на семантическую значимость данного префикса при описании действия, названного глаголом *присушить*. По мнению Г. А. Волохиной, автора монографии «Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения» (1993), «**при-**ставка вносит свою сему в семему слова» (Волохина 1993, 19). На то же обращает внимание Р. С. Кожамкулова: «между приставкой и производящим глаголом наблюдается смыс-

ловое взаимопроникновение» (Кожамкулова 1988, 82). По классификации Р. С. Кожамкуловой, в глаголе *присушить* префикс обладает семантикой *скрепления*, по более ранней классификации П. К. Ковалева – семантикой *присоединения* (Ковалев 1940, 37).

Указанная тесная взаимосвязь значений приставки *при-* и глагольной основы *-суш-* подтверждает гипотезу о семантической мотивированности сочетаемости приставок с глаголами: выбор конкретной приставки и набор значений соответствующего приставочного глагола обусловлен семантикой основы, и наоборот, приставка выбирает подходящие глаголы и приспособливает их к себе (Кронгауз 1998, 109; Улукханов 1977, 178; Коновалов 1983, 79). Это справедливо и в отношении приставки *от-*, которая при употреблении с основой *-суш-* в глаголе *отсушить* ‘по суевверным представлениям – колдовством заставить разлюбить кого-либо’ (СРНГ 1989, 24, 330–331) и в слове *отсушка* ‘заговор, с помощью которого, по суевверным представлениям, можно заставить полюбить кого-либо’ (СРНГ 1989, 24, 331; первый ЛСВ в словаре) выражает одновременно семантику ‘отделение предмета’ и ‘прекращение действия’, названного глаголом *сушить* (Ковалев 1940, 38).

Выбор для обозначения любовных заговоров слова *присушка* можно объяснить также генетической связью значений ‘любимый’ и ‘сухой’. Прилагательное *любимый*, т. е. 1. ‘такой, который внушает чувство любви; дорогой, близкий сердцу’; 2. ‘пользующийся любовью преимущественно перед другими’ (ССРЛЯ 1957, 6, 426), восходит, как отмечалось выше, к праславянскому **l’ubъ(jь)*, которое продолжает и.е. **leubho-s* с близкой исходной семантикой ‘милый, дорогой, любимый; желание, вожделение’ (Pokorný 1959, 661; ЭССЯ 1988, 15, 181–182). С другой стороны, отраженное только в ц.-слав. лексемах *либѣвъ*, *либавъ*, *либнвъ* значение ‘сухой’ при значительно более распространенном ‘худой’ (ESJSt, 419; также и славянские континуанты). Это гнездо дериватов прасл. **libъ* продолжает и.е. **leibho-*, зна-

чение которого уверенно определяется как ‘слабый’ (ESJSt, 419). При этом впечатляет безусловная связь уже в и.-е. корневых морфем **leub-* и **leib-*, фонологически различающихся дифтонгами (точнее – одним вокальным элементом).

Таким образом, обозначение любовных заговоров словом *присушка* объясняется этимологической связью значений ‘любимый’ и ‘сухой’.

5.3.4. Генетическая связь значений ‘любить’ и ‘ворожить’

Лингвистические и этнографические данные позволяют сделать предположение, что первоначальная семантика слав. глагола **l'ubiti* могла быть связана с конкретными действиями, причем магического характера, в том числе воздействием словом.

Подтверждением данной гипотезы выступает семантика отдельных русских, белорусских и украинских паремий и устойчивых выражений, описывающих «симптомы» любовной болезни, насылаемой при помощи заговоров, именно таких **словесных формул, цель которых – словами и часто связанными с ними магическими действиями – преобразовать желаемое в действительное** (Таямніці 1997, 7): отказ от еды и питья (*Не пил бы, не ел, все б на милую глядел*; Даль 2008, 201), *Не піў бы, не еў, да на лобу глядзеў бы*; *Прыказкі і прымаўкі* 1976, 8); бессонница (*Не спится, не ложится, все про милого грустится*; Даль 2008, 202); *Так ті люблю, що як ті не виджу, то в день спати не можу*; *Етнографічний збірник* 1910, 363), отсутствие спокойствия (*Ад кахання няма спакойнасці ні ў целе, ні на дзеле, ні на пасцелі*; *Прыказкі і прымаўкі* 1976, 7), **отказ от общения с родителями и друзьями** (*Он с нею и себя не помнит и нас не поминает*; Даль 2008, 201), жар и лихорадка, тоска, безумие или одержимость злыми духами (Топорков 2008, 484–485) (*Палати коханням до кого* (‘гореть, сгорать от любви к кому’); Вирган 2000, 457); *Суженый, что бешеный. Суженый, ря-*

женный – привороженный; Он ей (Она ему) вскружил голову; Как увидал, так голова вокруг пошла; Как увидал, так сам не свой стал; Девка парня извела, под свой норов подвела; Даль 2008, 200–202), отрицание смысла жизни без объекта любви (Без сонейка свету не быць, без мілага нельга жыць; Приказки і прымаўкі 1976, 7).

Известно, что распространенным приемом в славянской любовной магии является «привораживание» человека через съедение им «заколдованной» пищи (СД, 249); например, русская пословица *Приглянулся черт ягодкой* (Даль 2008, 201). Как заметил еще А. А. Потебня, сравнивая значение слов в родственных (и древних) языках, в «славянской народной поэзии весьма распространено символическое изображение любви едой и питьем» (Потебня 1958, 31), что подтверждает древнее убеждение о разжигании любовного чувства при помощи различных магических средств/предметов, в том числе «колдовских зелий», и указывает на их генетическую связь, сохранившиеся в народных говорах восточных славян продолжения корня **l'ub-*: рус. *люб́ила* ‘средства, вызывающие, по народным представлениям, любовь, привораживающие средства’, *люб́ить* ‘горячить, начинать действовать (о снадобьях, хмельных напитках)’, *люб́ча* ‘вызывание колдовством любви’, *люб́чик* ‘талисман, привораживающий, вызывающий любовь’, *любостáрь* ‘средство, вызывающее, по народному поверью, любовь’ (СРНГ 1981, 17, 235–240), бел. *любéзнік* ‘наговоренное зелье, которым причаровывали парня к девушке’, *люб́жса* ‘наговоренное зелье’ (ЭСБМ 1990, 6, с. 91), диал. *люб́чыкі* ‘наговоренное зелье’ (Сцяцко 2005, 70), укр. *любóщі* ‘средство приворожить к себе чью-либо любовь’ (Гринченко 1909, 2, 387).

Травы привораживающие, «привязывающие» именуются с помощью того же сохранившего магическую семантику корня: рус. *люба́вик*, *люб́жса*, *любидруч*, *люб́им*, *люб́има*, *любист*, *люб́иста*, *люб́истик*, *люб́исток*, *люб́истра*, *любиш*, *люб́ка*, *люб́ов* цвет, *любовиц*, *любóвник*, *любóвный* корень, *любóвь*-трава, *люб́*-трава (СРНГ 1981, 17, 233–240), бел. *люб́иста*

(ТСБМ 1979, 3, 66; Насовіч 1983, 274), *любі́стра* (Сл. ПЗБ 1982, 2, 701), укр. *любéць, любéжа, любі́дра, любі́-менé, любі́-менé-не покíнь, любі́жник, любі́ста, любі́сток, любка* (Гринченко 1909, 2, 385–386); К. К. Уленбек находит возможным отнести сюда же ирл. *liub* ‘трава, куст (волшебная трава)’, др.-сев.-нем. *lyf* ‘волшебная, целебная трава’, др.-в.-нем. *lupri* ‘отрава, волшебство’ (Преображенский 1959, 1, 492). Следует отметить, что «магико-мистическая практика и заговорно-заклинательная традиция восточных славян существуют до настоящего времени и остаются действенными» (Харитоновна 1999, 1, 150).

Показательным будет также обращение к единичным диалектным фактам, которым, по словам Н. И. Толстого, «необходимо отдать полное предпочтение перед материалом литературным (современным и древним, зафиксированным памятниками)» (Толстой 1973, 277), а также неродственным языкам, и не только с типологической точки зрения.

В «Словаре русских народных говоров» зафиксирован новгор. глагол *вразі́ться*, понимаемый в одном из своих значений как ‘влюбиться’ (СРНГ 1970, 5, 185); рус. глагол *врéзаться*, который в просторечии употребляется в значении ‘влюбиться в кого-либо’ (*но я вижу, что ты чересчур врезался, а это уже не годится*), а также выражение *врéзаться по уши* ‘сильно влюбиться’ (*Я, брат, просто по уши в нее врезался*; ССРЛЯ 1951, 2, 801). По мнению В. И. Абаева, данный глагол развился из **варз-* (с закономерной для русского языка метатезой *-ар-→-ра-*) и представляет собой заимствование из скифского и аланского (Абаев 1958, 54). Присутствие в русском говоре слова иранского происхождения, как известно, не является единичным и уникальным явлением; еще Н. С. Трубецкой отмечал, что «душой» славяне тянулись к индоиранцам (Трубецкой 1992, 336), а В. Н. Топоров обосновывал эти славяно-иранские схождения в области духовной культуры «определенной религиозно-мифологической и культурной общностью иранцев и славян в прошлом, которая <...> согласуется с данными истории

культуры и археологии. При этом общее направление влияния было от иранцев к славянам» (Топоров 1989, 23).

Осет. глагол *warzun* 'любить' возводится В. И. Абаевым к иран. **warz-*, который, в свою очередь, является продолжением и.-е. **werg-/uerǵ-* 'действовать, совершать' (Pokorny 1959, 1168). Согласно В. И. Абаеву, в генезисе данное слово было связано, видимо, с древними магическими представлениями и означало в активном залоге 'чародействовать (на пользу или во вред кому-либо)', а в медиопассивном – 'быть зачарованным'. Отсюда становится очевидной связь значений 'любить' – 'ворожить' ('колдовать', 'чаровать') – 'действовать'. Магическая семантика континуантов и.-е. **werg-/uerǵ-* 'действовать, совершать' прослеживается также в ряде других языков (славянских и неславянских): пехлевийское *warz* 'чары', 'колдовство', согдийское **warz* (*wrz*) 'чудо', греч. *ἄρτια* 'мистерия', 'священнодействие', болг. *вражѧ* 'колдун', чеш. *vražiti* 'колдовать', 'желать', 'проклинать', рус. *ворожить* (Абаев 1958, 54).

Богатый языковой материал подтверждает семантическую связь понятий «дело» – «чародейство» и «чары» – «любовь», имеющих общий семантический компонент – магический: с одной стороны, осет. *kælæn* из **karyana-* от *kar-* 'делать', др.-инд. *kartra-*, *kṛtya-* 'колдовство', 'чары', *kṛyakṛt-* 'колдун', лит. *kerėti* 'наводить порчу чарами', *keřas* 'чары', рус. *чары*, *чародей*; далее ст.-слав. *po-tvorъ* 'колдовство'⁶ от *tvoriti* 'делать', позднелат. *factura*, ит. *fattura* 'колдовство' от *facio* 'делать', а с другой, – др.-инд. *pri-*, авест. *frī-* 'любить', при авест. *ā-frī-* 'наводить чары', 'благославлять' – 'проклинать') (Абаев 1958, 54).

В исследовательской традиции XIX в. широко использовалось понятие «наведение чар» как соотносимое с «осуществлением магических действий»: «Чара есть деятельное умышленное произведение первого члена ассоциации с це-

⁶ Следует отметить, что наиболее авторитетные словари старославянского языка (пражский «Slovník jazyka staroslovenského» и московский «Старославянский словарь») этой формы не приводят.

лю вызвать появление второго члена, желаемого» (Харитоновна 1999, 2, 270). По мнению ученых (в частности, Ф. Ю. Зелинского), «заговор получился от чар; он есть словесное выражение того действия, которое совершается чарой, и цели, с которой совершается чара», «раз при производстве чары получается словесное изображение ее сущности, то мог возникнуть прием, а затем и требование, по которому всякая чара должна сопровождаться и словесным ее изображением, то есть заговором» (Харитоновна 1999, 2, 270–271).

Таким образом, на основании приведенных языкового, культурологического и этимологического материалов можно говорить о том, что русские, белорусские и украинские лексемы, пословицы, поговорки и устойчивые выражения хранят в себе скрытые смыслы славянской духовной культуры, обнаружить которые позволяет обращение к стоящим за ними реалиям магического характера.

5.3.5. Христианское понимание агапической любви

Слово *любовь*, проанализированное на материале восточнославянских языков, можно идентифицировать как *слово широкой семантики*, содержащее максимальную степень обобщения (Амосова 1963, 114). В современных языках словом широкой семантики считается то, которое обозначает одно понятие, являющееся настолько широким, что оно охватывает ряд понятий, обозначаемых в других языках разными словами. Например, те многообразные значения, которые в литературном русском языке обозначаются лексемой *любовь* (в смоленских говорах, по данным СРНГ (1979, 15, 121), используется лексема *кохáнье*), в бел. – *любоў* и *каханне*, укр. – *любов* и *кохання*, причем *кахáнне* и *кохáння* считаются заимствованиями из польск. *kochanie* (ЭССЯ 1977, 4, 314–315), а рус. *кохáть*, широко представленное в говорах, по мнению О. Н. Трубачева, возможно, является исконной лексемой (ЭССЯ 1983, 10, 111), – в греческом выражаются четырьмя словами: 1) стремительный, порывистый

эрос (ἔρως) или любовь ощущения, страсть; 2) нежная, органическая *сторгэ* (στοργή) или любовь родовая, привязанность; 3) суховатая, рассудочная *агапэ* (ἀγάπη) или любовь оценки, уважение; 4) задушевная, искренняя *филия* (φιλία) или любовь внутреннего признания, личного прозрения, приязнь (Флоренский 1990, 400).

П. Флоренский писал: «Четверица слов любви – это одна из великих драгоценностей сокровищницы эллинского языка, и едва ли можно одним взглядом охватить весь круг преимуществ, доставляемых жизнепониманию этим свершенным орудием. Другие языки не могут похвалиться даже подобным чем-нибудь в области идеи любви» (Флоренский 1990, 406). Однако, исследованную Р. А. Будаговым смысловую неоднородность этимологически тождественных, но получивших неодинаковое осмысление в романских языках продолжений лат. глаголов *amare* ‘любить’ и *quarere* ‘искать, требовать, домогаться’: в исп., португ. (частично и в сардинском) глагол *quarere* получает иное осмысление – ‘желать, любить’ (Будагов 1963, 64–67).

Греч. лексема ἀγάπη, понимаемая в значении ‘любовь к людям как собратьям’, позднее стала термином, обозначающим в Священном Писании и патристической литературе христианскую *любовь-милосердие* (Степанов 1997, 287; Этника 2001, 14; ББС, 755; Флоренский 1990, 397–398), одну из трех высших добродетелей (наряду с *верой* и *надеждой*). Христианская любовь, по словам В. Шестакова, «это, прежде всего, «агапэ», бескорыстная любовь, лишенная страсти и не имеющая отношения к сексуальной заинтересованности» (Шестаков 2003, 39).

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» в качестве третьего ЛСВ лексемы *любовь* находим, как уже было отмечено выше, значение ‘вечери любви, общие трапезы у древних христиан’ (*Ни причетници ни мирстии члци позвани бывшее на любовсь*) *сирѣч к нѣким другом на трапезу, чисти отселе в дома своя да не возьмут.* XVI в.) (СРЯ XI–XVII вв. 1981, 8, 330–331). Церковные словари, в частности «Пол-

ный православный богословский энциклопедический словарь», используют в подобном значении слово *агапы* (или *агана*), выступающее синонимом *любви* (ППБЭС 1992, 46).

В связи с этим следует отметить, что в первые времена христианства таинство евхаристии совершалось – в подражание тайной вечери Иисуса Христа с учениками – вечером и соединялось с общеою вечерею (ужином). Таким образом, подобные собрания христиан представляли двоякое общение: с Господом и братское друг с другом, и назывались вечера Господня и вечера любви. Каждый из участников приносил пищу с собой. «Преломление хлеба» означает как агапы, так и евхаристию: евхаристия соединялась с агапы и придавала им богослужебный характер. Постепенно агапы отделились от евхаристии и получили характер благотворительный (Христианство 1993, 33; ППБЭС 1992, 46).

В отношении происхождения рассматриваемого понятия Э. Буазак в своем этимологическом словаре греческого языка (1916) заявляет, что этимология *ἀγαπάω* «obscure», т. е. «темна» (Voisacg 1916, 6). Однако в этимологическом словаре Х. Фриска находим: *ἀγαπάω* ‘душевно принимать, быть расположенным к кому-, чему-либо, любить’; отсюда как обратное образование *ἀγάπη* ‘(христианская) любовь’ (Frisk 1960, 7). Ср. также связанное с трапезой значение лат. *libo* ‘отведывать, вкушать, есть, пить’ (Тананушко 2005, 629).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В книге в соответствии с результатами комплексного лингвистического анализа, включающего лингвокультурологический и религиоведческий аспекты, определено, что абстрактные лексемы *вера*, *надежда*, *любовь*, являясь именами высших нравственных добродетелей, занимают важное место в языковой, культурной, аксиологической и религиозной картинах мира русского, белорусского и украинского этносов. Триада «вера, надежда, любовь» часто выступает названием поэтических, прозаических и музыкальных произведений. Значимость данных ценностей для языкового сознания восточных славян подтверждается также существованием большого количества извлеченных из интернет-источников сведений о культурных (материальных и нематериальных) объектах и религиозных сооружениях, наименованием которых является триада «вера, надежда, любовь».

Сочетание слов *вера*, *надежда*, *любовь* обладает структурным и семантическим единством в синхронии и диахронии. Что касается структурной слитности на уровне синхронии, то она находит выражение в устойчивой линейной последовательности номинаций. Семантическая взаимосвязь компонентов триады проявляется в тесных ассоциативных отношениях понятий «вера», «надежда», «любовь» и использовании в говорах русского языка лексемы *вера* и ее производных при толковании лексемы *надежда*, и наоборот. Сущность единства на уровне диахронии проявляется в том,

что на протяжении длительного исторического периода (с I в. н. э. по настоящее время) триада не претерпела изменений ни в формальном, ни в смысловом отношениях. Еще более показательным в данном отношении представляется материал германских языков, в которых лексемы, репрезентирующие понятия «вера», «надежда», «любовь», восходят к одному индоевропейскому корню **leubh-* (Герасимович, Отражение 2010, Гладчанка, Абстрэма 2008).

Важным результатом исследования является обоснование правомерности рассмотрения триады «вера, надежда, любовь» как формулы, в том числе и как церковно-библейской. Компоненты формулы связаны этимологически и семантически, а также характеризуются синтаксическими и символическими отношениями. Словосочетание *вера, надежда, любовь* основано на сочинительной связи и образует синтагматическое единство. В символическом аспекте слитность данной словесной группы выражается в том, что компоненты формулы «вера, надежда, любовь» наделены символическими признаками (для «веры» – это крест, для «любви» – сердце, для «надежды» – якорь), однако каждое из понятий может быть обозначено якорем. Триада «вера, надежда, любовь» характеризуется иконической мотивированностью, которая заключается в существовании отношений соответствия между количественной представленностью, последовательностью и расположением частей языковой и концептуальной структур (Герасимович, Символизм 2010, Гладченко 2010).

Внутриязыковой сравнительно-сопоставительный анализ лексем *вера, надежда, любовь* на основе лексикографических данных русского и других восточнославянских языков, а также сравнение смыслового объема данных слов выявили общее и различное в семемном составе указанных номинаций в восточнославянских языках. Общим для русских, белорусских и украинских словарных статей лексемы *вера* является тот факт, что религиозное понимание в ее толковании уступает место нерелигиозному, а также то,

что во всех восточнославянских лексикографических источниках номинация *вера* отражена в следующих значениях: 'вера, вероисповедание, религия'; '**верность**'; '**доверие**'; '**присяга**, клятва'; 'религиозное учение'; 'уверенность' (всего 6).

Различия в сравниваемых восточнославянских языках заключаются в существовании «эксклюзивных» ЛСВ: значения '**благочестие**, религиозное рвение', '**вероятность**, возможность', 'догматы христианского вероучения', 'желание, охота, намерение', '**обещание**, заверение', '**обычай**, традиция', '**поверье**, примета', '**понятие**, умение', '**проверка**, установление правильности', 'религиозные представления, верования', '**религиозный обряд**, богослужение', 'текст символа веры', 'христианская вера', 'честность' – в русском языке (14); значение '**лира**' – в белорусском языке (1); значения 'достоверность', 'народность, народ', 'подтверждение правдивости', 'свидетельство', 'приговор, решение', 'твердыня, опора' – в украинском языке (6).

Совпадающими для репрезентантов понятия «надежда» являются значения 'надежда' и 'тот или то, на что можно надеяться, опереться, положиться; оплот' (2). «Эксклюзивными» выступают семемы 'обращение к близкому, любимому человеку', 'пальто' – в русском языке (2) и 'о человеке или Боге, на которых надеются, возлагают свои надежды' – в белорусском языке (1).

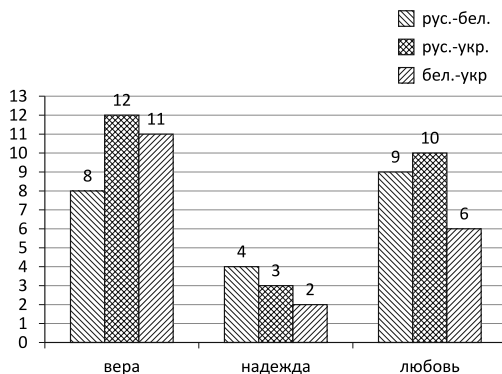
Общими для репрезентантов понятия «любовь» являются значения 'интерес'; 'привязанность'; 'пристрастие'; 'склонность, влечение, тяготение'; 'согласие'; 'уважение, уважительное отношение' (6). «Эксклюзивными» можно назвать семемы 'мир; мирный договор', 'трапеза' в русском языке (2), 'симпатия' в белорусском языке (1).

В русских и белорусских лексикографических источниках отмечается 8 совпадений ЛСВ лексемы *вера*, 4 совпадения ЛСВ репрезентантов понятия «надежда» и 9 сходных семем репрезентантов понятия «любовь». Русские и украинские словари обнаруживают 12 совпадений ЛСВ *веры*, 3 – «надежды» и 10 – «любви». В белорусских и украинских

словарных источниках лексема *вера* имеет 11 идентичных ЛСВ, репрезентанты «надежды» обладают 2 сходными семемами, а лексические единицы, выражающие понятие «любовь», – 6. Наиболее сходным семантическим объемом характеризуются русский и украинский языки («*вера*» характеризуется 12 совпадающими ЛСВ, «любовь» – 10), наименьшее число близких ЛСВ отмечается в белорусском и украинском языках (для «надежды» – 2, для «любви» – 6). Эти особенности не в последнюю очередь связаны с более богатой лексикографической традицией, существующей в русском и украинском языках.

В монографии рассмотрена проблема полноты отражения диалектными словарями русского, белорусского и украинского языков абстрактных лексем *вера*, *надежда*, *любовь*, а также проанализированы их семантические особенности. Показано, что репрезентанты понятия «надежда» зафиксированы во всех отобранных диалектных лексикографических источниках русского и белорусского языков, а в словарях украинского языка наиболее часто представлены номинации, отражающие понятие «любовь». В говорах русского, белорусского и украинского языков номинации *вера*, *надежда*, *любовь* редко используются в религиозном смысле и характеризуются большим количеством разнообразных значений (Герасимович 2010, Герасимович 2011, Герасимович, Лексикографическая интерпретация 2009, Герасимович, О некоторых значениях 2010, Герасимович, Триада 2010, Герасимович 2010, Гладчанка, Вера 2008).

В исследовании систематизированы этимологии номинаций *вера*, *надежда*, *надея*, *любовь*. Обосновано, что эволюция их значений соответствует магистральному типу семантического развития от конкретного к абстрактному. Исходным мотивирующим признаком абстремы *вера* является 'клятва, присяга', что обосновывается данными неславянских языков, а также существованием в русском, белорусском и украинском языках лексем и словосочетаний с указанной первоначальной семантикой.

Соотношение совпадающих значений репрезентантов понятий «вера», «надежда», «любовь» в восточнославянских языках

Значение лексических единиц *надежа/надежда* развилось из ‘одежда; то, что надевается’, что подтверждается их употреблением в русском и белорусском языках в указанном конкретном смысле. Значение слова *надея* восходит к ‘то, что насаживается как наживка’, о чем также свидетельствуют данные русского и белорусского языков.

Исходной семантикой слова *любовь* выступает ‘давать обет, обещать’, что обосновывается данными славянских языков и продолжениями и.-е. корня **leubh-*. Этимологическую связь значений ‘любимый’ и ‘сухой’, а также обозначение любовных заговоров лексемой *присушка* можно обосновать обращением к ц.-слав. *либѣвъ*, который является дериватом праслав. **libъ* и продолжает и.-е. **leibho-* ‘слабый’. Первоначальная семантика глагола **l'ubiti* связана с желанием, что обосновывается материалом неславянских языков и имеет отношение к магическим действиям. Помимо этого, достаточно показательными выступают лексемы (континуанты корня **l'ub-*), которые служат для обозначения магических средств и «колдовских зелий» любовной направленности, а также названия привораживающих трав (Герасимович 2009, Гладчанка 2008, Гладченко 2009, Гладченко, Любовные «присушки» 2009, Гладченко 2008).

**Представленность триады «вера, надежда, любовь»
в наименованиях русских, белорусских и украин-
ских культурно значимых объектов (по данным
интернет-источников)**

Россия (52)

«**Вера, Надежда, Любовь**» – *песня* группы «Воскресение».

«**Вера**», «**Надежда**», «**Любовь**» – три *песни* из альбома Дельфина «Глубина резкости».

«**Верка, Надька и Любка**» – *песня* Александра Башлачева.

«Три сестры (**Вера, Надежда, Любовь**)» – *песня* Булата Окуджавы.

«Три сестры» – *песня* Андрея Макаревича из альбома «Песни под гитару» (1985).

«*Храм* святых мучениц **Веры, Надежды, Любви** и матери их Софии на Миусском кладбище, *воскресная школа*» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aboutpartner.ru/subcategory553/city44/89535.html>. – Дата доступа: 25.02.2009.

Авторская *серия* любовно-исторических *романов* Ирины Мельниковой «**Вера, Надежда, Любовь**» издательства Эксмо-Пресс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eksmo.ru/soon/200409141459-5676.htm>. – Дата доступа: 08.10.2009.

Амулет «**Вера, Надежда, Любовь**» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.market-all.ru/index.php?productID=685>. – Дата доступа: 25.02.2009.

Амулет металлический № 19 «**Вера, Надежда, Любовь**» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://omstore.ru/amulet-metallicheskij-vera-nadezhda-ljubov-p-4669.html>. – Дата доступа: 12.10.2008.

Благотворительная акция «Вера. Надежда. Любовь» в г. Сургуте накануне Дня инвалида (проводится с 1993 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.admsurgut.ru/archive.php?top=203666&id=300031>. – Дата доступа: 08.05.2009.

Благотворительная акция «Вера. Надежда. Любовь», проводимая Волгоградским театром кукол для детей-инвалидов, ребят из социально-незащищенных семей, воспитанников детских домов и школ-интернатов из сельских районов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.radiovedo.ru/news/the_new/?id=14769&d=3&m=6&y=2008. – Дата доступа: 25.02.2009.

Благотворительный фонд «Вера, надежда, любовь» (г. Москва) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.informacionnyj-spravochnik.ru/15000/15014/1314_67206.html. – Дата доступа: 12.10.2008.

Благотворительный фонд «Вера, надежда, любовь» (г. Тверь) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.veranl.ru>. – Дата доступа: 08.05.2009.

Благотворительный фонд «Вера, надежда, любовь». Помощь детям, больным лейкоимией (г. Нижний Новгород) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://veragem.nnov.ru/>. – Дата доступа: 12.10.2008.

Детская общественная организация детей-инвалидов «Вера, надежда, любовь» (г. Санкт-Петербург) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gaoordi.ru/org/id/000251.shtml>. – Дата доступа: 25.02.2009.

Древнерусские лодии «Вера», «Надежда», «Любовь». Натурные модели древнерусских боевых парусно-гребных лодей IX–XII веков были построены фирмой «Карелия-ТАМП» на Петрозаводской судовой верфи в 1990 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://po.karelia.ru/rus/shipbuilding/lodii.html>. – Дата доступа: 25.02.2009.

Ежегодная научно-практическая конференция «Вера, надежда, любовь в российской семье» (г. Калининград)

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.religare.ru/50_4722.html. – Дата доступа: 25.02.2009.

Журнал для чтения «Вера, Надежда, Любовь» издательства «БЕЛМАКС», издается с 2003 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hrono.ru/proekty/vera/0vera.html>. – Дата доступа: 12.10.2008.

Издательство «Вера, Надежда, Любовь», выпускающее православные книги и книги о Православии (г. Москва) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravkniga.ru/izd_prav.html?id=997. – Дата доступа: 12.10.2008.

Икона Андрея Рублева «Троица» (изображены Любовь, Вера, Надежда) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nesusvet.narod.ru/ico/ref/chechevitsyna/chechevitsyna2.htm#h12>. – Дата доступа: 12.10.2008.

Киноакция «Вера, надежда, любовь в российских семьях» (г. Челябинск) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.infoblago.ru/events/kalendar/article.wbp?article-id=B6287150-2376-48F1-A79F-40A6B69439AD>. – Дата доступа: 08.05.2009.

Клуб знакомства и общения инвалидов «Вера, Надежда, Любовь» на INVA-портале – сайте, рассказывающем о безграничных возможностях людей с ограниченными физическими возможностями [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wnl-invachat.smchat.ru>. – Дата доступа: 25.02.2009.

Кольцо «Вера, Надежда, Любовь», серьги «Вера, Надежда, Любовь», кулон «Вера, Надежда, Любовь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.olin.ru/show/catalog.php?id=k1000>. – Дата доступа: 12.10.2008.

Конкурс журналистских работ «Вера, надежда, любовь» (Республика Карелия, РФ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.owl.ru/content/news/vestnik/p55222.shtml>. – Дата доступа: 12.10.2008.

Концерт юбилейного фестиваля Большого симфонического оркестра «Вера, Надежда, Любовь...» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dobryeludi.ru/index.php?id=105>. – Дата доступа: 12.10.2008.

Международная *благотворительная общественная организация* «Общество милосердия в тюрьмах **«Вера, Надежда, Любовь»**» во имя Святителя Николая Чудотворца» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.4prison.ru/Main_pages/6_Centres/6_Centry_Vera_N_L-1.htm. – Дата доступа: 12.10.2008.

Международный *фестиваль журналистики* **«Вера. Надежда. Любовь»** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inter.ua/ru/about/awards/2004/08/01/798>. – Дата доступа: 25.02.2009.

Общественная организация **«Вера. Надежда. Любовь»** по проблемам инвалидов (г. Старая Русса, Новгородская область) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bb.lfond.spb.ru/nkoexp.php?section=5>. – Дата доступа: 08.05.2009.

Общественная организация многодетных семей **«Вера. Надежда. Любовь»** (г. Калуга) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.detskiedomiki.ru/?act=org_more&id=-924&part_id=66. – Дата доступа: 12.10.2008.

Общественное объединение жертв политических репрессий **«С верой, надеждой, любовью»** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aboutpartner.ru/subcategory584/city44/97095.html>. – Дата доступа: 25.02.2009.

Открытый российский ежегодный *конкурс сценариев игровых полнометражных фильмов* **«Вера, надежда, любовь»** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unikino.ru/days/index.php?ELEMENT_ID=204. – Дата доступа: 12.10.2008.

Подвеска из золота **«Вера, Надежда, Любовь»** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gold4u.ru/product_info/item490/37885.html. – Дата доступа: 08.05.2009.

Политическая партия **«Вера, Надежда, Любовь России»** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2008/04/26/programma.html>. – Дата доступа: 12.10.2008.

Приключенческий военный *фильм* Владимира Грамматикова **«Вера, Надежда, Любовь»** (СССР, 1984 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.petershop>.

com/catalogue/videodvd/vladimir-grammatikov/vera-nadezhda-lyubov.html. – Дата доступа: 25.02.2009.

Продюсерский центр «Вера, Надежда, Любовь» (г. Москва) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.novinsky.ru/about/>. – Дата доступа: 08.05.2009.

Развлекательный портал и чат для общения и знакомства для людей с ограниченными возможностями «Вера Надежда Любовь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wnl-invachat.smchat.ru>. – Дата доступа: 12.10.2008.

Региональное женское общественно-политическое учреждение «Вера, Надежда, Любовь», зарегистрированное 19.06.1996 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://home.novoch.ru/~vnl>. – Дата доступа: 12.10.2008.

Спектакль-концерт «Вера, Надежда, Любовь» ко дню 66-летия со дня освобождения Краснодара от немецко-фашистских захватчиков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kubmarket.ru/news/view/15403>. – Дата доступа: 17.07.2008.

Ставропольская Региональная общественная благотворительная организация «Вера, Надежда, Любовь» по оказанию благотворительной помощи социально-незащищенным слоям населения: вынужденным переселенцам, беженцам, малоимущим семьям [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vnl-migrant.ru/>. – Дата доступа: 17.07.2008.

Талисман «Вера, Надежда, Любовь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://black-library.narod.ru/simple1-2.html>. – Дата доступа: 17.07.2008.

Трилогия «Вера, Надежда, Любовь...» (пьеса в трех пьесах) Евгения Козловского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/KOZLOVSKY/theater.txt#1>. – Дата доступа: 08.05.2009.

Фестиваль прикладного творчества для людей с ограниченными возможностями «Вера, Надежда, Любовь» (18 октября 2008 года, парк «Усадьба Трубецких в Хамовниках») (г. Москва) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cao.mos.ru/document/2008/10/18/d10858>. – Дата доступа: 08.05.2009.

Фестиваль-конкурс творческих проектов студенческих семей «Вера-Надежда-Любовь» (Барнаул, 5 декабря 2008 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.amic.ru/news/96367/&dd=5&mm=12&yy=2008>. – Дата доступа: 05.08.2009.

Фильм «Вера, надежда, любовь» (СССР, 1972 г.) состоит из трех частей: «Вера», «Надежда», «Любовь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/8708/annot/>. – Дата доступа: 12.10.2008.

Фольклорный ансамбль «Вера, Надежда, Любовь» (г. Москва) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ricolor.org/rus/vr/help/onk>. – Дата доступа: 17.07.2008.

Фонд реабилитации инвалидов и пенсионеров «Вера, Надежда, Любовь» (г. Москва) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sbornet.ru/catalog/items/172.htm>. – Дата доступа: 17.07.2008.

Фонд социальной защиты и реабилитации инвалидов детства и труда «Вера, надежда, любовь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aboutpartner.ru/subcategory581/city29/95747.html>. – Дата доступа: 12.10.2008.

Форум ЮНЕСКО «Вера, Надежда, Любовь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vladimir-fond.ru/programms/>. – Дата доступа: 17.07.2008.

Христианский символ «Вера, Надежда, Любовь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sarkel.ru/istoriya/sovremennost/simvoly_schastya_talismany_amulety. – Дата доступа: 08.05.2009.

Христианский символ «Вера, Надежда, Любовь». Амулет помогает христианам удерживать три важнейшие добродетели, обрести счастье в земной и небесной жизни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.amuletum.ru/description.php?id=42>. – Дата доступа: 25.02.2009.

Христианский символ «Вера, Надежда, Любовь» для мобильных телефонов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://entarea.ru/mobilemusic.php?project=3340&hid=1&category=763&page=3&content=5583>. – Дата доступа: 12.10.2008.

Центр реабилитации алкоголиков и наркоманов «Вера, Надежда, Любовь» (г. Орел) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stopnarcotics.net/center848731.html>. – Дата доступа: 17.07.2008.

Беларусь (15)

Адаптационно-консультационная служба «Вера, Надежда, Любовь», реализованная в рамках Программы «Альянс Партнерства Каунтерпарт» при финансовой поддержке Агентства США по Международному Развитию (USAID) 1999–2000 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oopdimi.iatp.by/Currentprog.html>. – Дата доступа: 12.10.2008.

Белорусский благотворительный женский фонд «Вера, Надежда, Любовь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://un.by/publications/thema/belwomen/19-02-04-4.html>. – Дата доступа: 17.07.2008.

Братство Веры, Надежды, Любви и матери их Софии (Новинки) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.besedka.info/viewtopic.php?t=826&start=0&sid=c3025b599d074683fe3bee075bbf8fd2>. – Дата доступа: 17.07.2008.

Выставка Василия Мартинчука «Вера, Надежда, Любовь» (г. Гродно) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://grodno.belta.by/ru/news/culture?&page=9>. – Дата доступа: 25.02.2009.

Выставка икон и картин (выполненных в технике объемной вышивки и шитья бисером) минской художницы Тамары Богдановой *«Вера, надежда и любовь»*, проходившая 01.02.2007 г. в Охотничьем домике города Гомеля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gomel-region.by/ru/photos/?foto_id=1213. – Дата доступа: 08.05.2009.

Занятия по духовно-нравственному воспитанию «Вера. Надежда. Любовь» для выпускников интернатных учреждений из числа детей-сирот (г. Ошмяны) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.osmiany.grodno.by/social>. – Дата доступа: 12.10.2008.

Клуб пожилых людей «Вера, надежда, любовь» (г. Пуховичи) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pukhovichi.minsk-region.by/ru/social_sphere/partii. – Дата доступа: 17.07.2008.

ОО Христианский благотворительный комитет Вера-Надежда-Любовь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sobor.by/idnews.php?id=2007-Nov-1-16:12:47>. – Дата доступа: 17.07.2008.

Основанный в 1994 году *Женский институт ЭНВИЛА*, название которого составлено из начальных букв слов «надежда», «вера», «любовь» (г. Минск) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.envila.by/about/ist_trad/. – Дата доступа: 25.02.2009.

Портал «Вера, Надежда, Любовь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.help.np.by/guestion-11661>. – Дата доступа: 17.07.2008.

Религиозный центр по реабилитации наркоманов «Вера, надежда, любовь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.christeducenter.by/old/christeducenter.by/pdf/religijs.pdf>. – Дата доступа: 17.07.2008.

Сборник стихов «Вера, надежда, любовь» Сергея Сапоненко (г. Кобрин) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.saponenko.com/zakaz_vnl.htm. – Дата доступа: 08.05.2009.

Свадебный салон «Вера, Надежда, Любовь» (г. Минск) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lubov.by/index.php?page=visit&lang=ru>. – Дата доступа: 25.02.2009.

Центр поддержки семьи «Вера, Надежда, Любовь» (г. Осиповичи) (организация БелФПД и МИ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.db-is.net/index.php?id=-3nbbs0m00003f>. – Дата доступа: 12.10.2008.

Юбилейная выставка работ (декоративных панно-картин) Любви Кирилловой и Веры Блинцовой «Вера, Надежда, Любовь» (г. Минск) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax.by/event/26465>. – Дата доступа: 25.02.2009.

Украина (11)

Ателье «Вера, надежда, любовь» (г. Королев) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.geokorolev.ru/sprav2/sfera_uslug_atele.html. – Дата доступа: 08.05.2009.

Благотворительный концерт «Наша вера, надежда, любовь», приуроченный ко Дню защиты детей (г. Киев) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bulvar.com.ua/arch/2008/23/484ec023340c3/>. – Дата доступа: 12.10.2008.

Благотворительный фонд «Вера, Надежда, Любовь», образованный в 2007 г. (г. Черкассы) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vnlfond.com.ua/index.html>. – Дата доступа: 25.02.2009.

Благотворительный фонд «Вера-Надежда-Любовь» (г. Запорожье) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.businessua.com/predpr.php?id=689&mod=2&s=40&PHPSESSID=d970f04ae9b00255189f7a19e55371b9>. – Дата доступа: 08.05.2009.

Благотворительный фонд помощи Запорожской общеобразовательной школе 1–3 ступеней № 86 «Вера-Надежда-Любовь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ua-region.info/35421985>. – Дата доступа: 17.07.2008.

Всеукраинский благотворительный фонд «Вера. Надежда. Любовь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fhl.org.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=58. – Дата доступа: 17.07.2008.

Всеукраинский фестиваль «Вера, Надежда, Любовь» (г. Запорожье) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravoslavie.org.ua/index.php?r_type=&action=fullinfo&id=391. – Дата доступа: 17.07.2008.

Областной Благотворительный фонд «Вера, Надежда, Любовь» (г. Донецк) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.don.ua/firma.php?id=36785>. – Дата доступа: 17.07.2008.

Общественное движение «Вера, Надежда, Любовь» (г. Одесса) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://>

rc.aids.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=38&Itemid=31. – Дата доступа: 08.05.2009.

*Фрески XI в. с изображениями **св. Веры, св. Надежды, св. Любви** в Соборе св. Софии (г. Киев) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.icon-art.info/book_ontents.php?lng=&book_id=5&chap=1. – Дата доступа: 12.10.2008.*

*Центр семейной медицины «**Вера, Надежда, Любовь**», основанный в августе 2005 года (г. Киев) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patronage.com.ua/index-1.html>. – Дата доступа: 08.05.2009.*

Восточнославянские религиозные объекты, в названии которых закреплена триада «вера, надежда, любовь» (по данным интернет-источников⁷)

Россия (18)

г. Москва. Северо-Восточный административный округ Лианозово	Веры, Надежды, Любви и матери их Софии в Алтуфьеве, <i>крестильный храм</i>
Марьино Роща	Веры, Надежды, Любви и матери их Софии на Миусском кладбище, <i>церковь</i>
г. Санкт-Петербург Кировский район	Веры, Надежды, Любви и Матери Их Софии, <i>церковь</i>
Калининградская область. Багратионовский район Багратионовск	Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, <i>церковь</i>
Калужская область. Обнинский район и г. Обнинск Обнинск	Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, <i>церковь</i>
Кировская область Вятка (Киров)	Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, <i>церковь</i>
Красноярский край Красноярск	Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, <i>церковь</i>
Курганская область. Шумихинский район Шумиха	Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, <i>церковь</i>

⁷ Основным источником является Народный каталог православной культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sobory.ru/search/?all=1&fNameObj=%EB%FE%E1%EE%E2%E8&findBut=%CD%E0%E9%F2%E8+%3E&typeSch=obj>. – Дата доступа: 08.05.2009.

Ленинградская область. Всеволожский район

Вартемяги Веры, Надежды, Любви и матери
их Софии, *церковь*

**Ленинградская область. Кингисеппский район, г. Иван-
город**

Усть-Луга (Крако- Веры, Надежды, Любви и матери
лье) их Софии, *церковь*

Ленинградская область. Тихвинский район

Бор Веры, Надежды, Любви и матери
их Софии, *часовня*

**Московская область. Мытищинский район, г. Долго-
прудный**

Пчелка Веры, Надежды, Любви и матери
их Софии, *часовня*

Московская область. Наро-Фоминский район

Кокошкино Веры, Надежды, Любви и матери
их Софии, *церковь*

Республика Карелия. Кондопожский район

Янишполе Веры, Надежды, Любви и матери
их Софии, *церковь*

Республика Татарстан. Зеленодольский район

Раифа Раифский Богородицкий монастырь.
Веры, Надежды, Любви и матери
их Софии, *церковь*

Тамбовская область. Пичаевский район

Егоровка Веры, Надежды, Любви и матери
их Софии, *церковь*

Тверская область. Оленинский район

Новоселки, урочище Веры, Надежды, Любви и матери
их Софии, *церковь*

Тверская область. Спировский район

Спирово Веры, Надежды, Любви и матери
их Софии, *церковь*

Беларусь (3)

Брестская область. Лунинецкий район

Богдановка

Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, *церковь* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.luninec.by.ru/page8.htm>. – Дата доступа: 08.05.2009.

Минская область. Стародорожский район

Пасека

Святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, *церковь* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.radzima.org/be/pub/140_r/comm. – Дата доступа: 08.05.2009.

Могилевская область

Бобруйск

Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, *церковь*

Украина (5)

Луганская область

Алчевск

Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, *церковь*

Полтавская область. Полтавский район

Полтава

Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, *церковь*

Хмельницкая область. Каменец-Подольский район

Каменец-Подольский

Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, *церковь*

Харьковская область. Волчанский район

Старый Салтов

Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, *церковь*

Харьковская область. Красноградский район

Сосновка

Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, *церковь*

Представленность лексем *вера*, *надежда*, *любовь* словарями восточнославянских языков

Таблица 1. Представленность лексемы *вѣра* в словарях древнерусского языка

Словарь	Лексема	Значение	Пример
СРЯ XI–XVII вв. 1975, 2, 79–80	<i>вѣра</i>	1. ‘истина, правда; то, чему можно верить’	<i>Вѣра пытамааго, вѣра нѣсть (1073 г.)</i>
		2. ‘верование (поклонение истинам, догматам; идолам, божествам)’	<i>Гѣ ... показали вамъ яко не тѣкъмо вѣроу нѣ и блгыими дѣлы достоитъ служити бѣ, вѣра бо безъ дѣлъ мѣртва естъ (XII–XIII вв.)</i>
		3. ‘вера, вероисповедание, религия’	<i>Придоша болгары в(ѣ)ры Божѣмичѣ, глѣще яко ты князь еси мудръ и смыслень не вѣси закона, но вѣруи в законъ нашъ и поклонися Божѣмиту. И рече» Володимерь: како естъ вѣра ваша? (1377 г.)</i>
		4. ‘доверие к кому-либо, чему-либо’	<i>Отъкрываая таишу погубить естъ вѣру и не обряит(ѣ)тъ друга противу дѣши своеи (1368 г.)</i>
СДРЯ XI – XIV вв. 1989, 2, 299–300	<i>вѣра</i>	1. ‘вера, доверие’	<i>Жено послушаи мене и съ великою вѣрою поидиѣвѣ къ сѣумоу (XII в.)</i>
		1.1. в роли наречия ‘с верой; искренне, без сомнения’	<i>Тѣмъ же отъ вѣры начьнется слово к тебѣ брате. понеже бо вѣрою вѣстрѣбова а не лоукаво (XI в.)</i>
		2. ‘верность, честность, добросовестность’	<i>Наша присага. и наша вѣра и ѿтъ (XIV в.)</i>

	2.1. 'истина, правда'	Бѣ бо (Ізяслав) лоукавыи лѣтъѣрь ... лъжею питашиеса языкъ его. но мѹдрѹстїю возложасѣ вѣроу на лѣшоу (так!) красашеса лѣстїю паче вѣнца (XV в.)
	3. 'обещание, заверение'	Аще и то въ манастири боудеть. Гѣъ же ієзо да вѣдасть вѣроу іако ничто же зла не створити їємоу (XIII в.)
	4. 'вера в Бога, религиозное чувство'	Вѣра без дѣлъ мѣртва тѣсть. іако же и дѣла без вѣры (XI в.)
	5. 'вероучение; вероисповедание'	Да не лѣтъ боудеть никомоу же ихъ иноа вѣры жєны поимати (XII в.)
	5.1. 'обычай'	А ѿ процѣ да на роту ходити. по своеи вѣрѣ. ко не имѣа ничтоже. ти тако пущєнь будеть (XIV в.)
	6. 'христианская вера'	іако же члѣвкы отъ поганьска житїиа новопришѣдша къ вѣрѣ (XII в.)
	6.1. 'основные догматы христианского вероучения'	На первомъ бо сбор. еже на Арьѣа в Никѣи ... посла еп(ы) ѿ(т) себе. тако исправлаху вѣру (XIV в.)
	6.2. 'текст символа веры'	Поставляемыи еп(с)п(ы). писаниємъ да вѣдасть прѣже свою вѣру (XIII в.)
вѣра	1. fides, πίστις	По вѣрѣ вашиєи боуди вамъ (XII в.)
	2. 'правда'	Лѣжа, а не вѣра прѣмѹже на землї (XI в.)
	3. 'сознание божественного закона, религия'	Да ратѣ ходити своєю вѣрою. іако никако же иному помѹчи ємѹ (911 г.)
Срезневский 1989, 1, 490–491		

Таблица 2. Представленность лексемы *вера* в словарях русского языка

Словарь	Лексема	Значение	Пример
СРЛЯ 1951, 2, 105– 106	вера	1. 'уверенность, убежденность в чем-либо, в наступлении чего-либо (основанная на знании, на опыте)'	<i>В среде трудящихся теперь велика вера в то, что от проведения в жизнь решений партии, решений советской власти зависит осуществление их стремлений к счастливой жизни</i>
		1.2. 'уверенность в исполнении надежд, ожиданий, возлагаемых на кого-, что-либо'	<i>В толпе людской и средь пустынь безлюдных В нем тихий пламень чувства не угас: Он сохранил и блеск лазурных глаз, И звонкий детский смех, и речь живую, И веру гордую в людей и жизнь иную</i>
		2. 'твердая убежденность в чьей-либо честности, добрых намерениях; доверие'	<i>Я такую в вас веру, Пелагея Егоровна, взял, что все равно, как мамушке своей родной откроюсь</i>
		2.1. 'устар., прост. убеждение, мнение'	<i>Я всегда был той веры, что с одним начальником злодеем, каков бы он ни был, гораздо легче поладить, чем с десятью подвластными злодеями</i>
		3. 'убеждение в истинности чего-либо, усвоенное традиционно на основании доверия к мнениям других людей, принимаемое без доказательств и научной критики; убеждение в реальном существовании чего-либо сверхъестественного, фантастического и т. п.'	<i>Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.</i>
		3.1. 'религия, вероисповедание'	<i>Мать его (Штольца) была русская: веру он исповедывал православную</i>

СРЯ XVIII в. 1987, 3, 34–36	вбра	1. 'убежденность в существовании Бога и иных сверхъестественных сил и явлений'	1. (София:) Я не могу молиться; в сердце моем нѣтъ ни вѣры, ни надежды
		1.1. 'благочестие, религиозное рвение'	Наша убо, о Христиане! духовная нужда ... требуется крѣпкия вѣры, не суевѣрнаго благочестия
		2. 'также мн. религиозное учение; вероисповедание'	Умноу до вѣры другаго ничто касается и ему равно лютор ли, кальвин ли, или язычник с ним в одном городѣ живет
		2.1. 'религиозный обряд, богослужение'	А вѣры никакой нѣтъ, только однѣ шаманы
		2.2. 'религиозные представления, верования'	Царевна, по народной вѣрѣ, Пошла с прошением к Церерѣ
СРЯ XI–XVII вв. 1975, 2, 79–80	вбра	2.3. 'перен., прост. образ мыслей, мнение'	Я с женою до сих пор той вѣры, что в Петербургѣ жить несравненно лучше
		3. 'уверенность в истинности чего-либо, в честности, правдивости кого-либо; доверие'	Сколь подобныя предписанія ни противны разуму, однако обрѣли вѣру у многих, особливо во Францїи
		4. 'то, чему можно верить; вероятность, возможность'	Вѣру превосходящая, удивительная, неизреченная дѣла дѣлаети
		5. 'присяга, клятва'	Игда ответчик приведен будет, то такожде на словах его пороспроситъ, чем он ему виновен, и спроситъ его за верою, чтобы он сказал всю правду
		1. 'проверка, установление правильности чего-либо'	А четверть муки пищенною отвезено к Москвѣ прежде сего с мѣрою для вѣры торговой московскои болотной мѣры (1681 г.)

Словарь	Лексема	Значение	Пример
СРЯ XI–XV вв. 1975, 2, 79–80	вѣра	2. ‘верование (поклонение истинам, догматам; идолам, божествам)’	Господь же видѣвъ вѣру раба своего, наполни хранину хлѣбъ (XV в.)
		3. ‘вера, вероисповедание, религия’	А вѣра ихъ: моляща болваномъ и вѣрують въ корову (1669 г.)
		3.1. ‘в знач. собир. о людях одного вероисповедания, одной религии’	Въ Индо ѿ ... вѣра с вѣрою (ни) пиеть, ни ясть, ни жесится..., а воловины не ядятъ никакаа вѣра (1472 г.)
		4. ‘доверие к кому-либо, чему-либо’	Займывать я Петрушка у того Игнатя на пере-хватку два рубля денегъ съ полтиною, а заложилъ ему для вѣры одорятку женскую синюю (1632 г.)
		5. ‘присяга, клятва’	Ставитися ему Ларивону за нашу порукою в Нижнемъ Новѣгородѣ у вѣры, у крестногого целованья, по вся дни и из Нижнево ему не съѣхати (1623 г.)
Срезневский 1989, 1, 490–491	вѣра	1. fides, πίστις	Велика ясть вѣра твоа (XV в.)
		2. ‘клятва, присяга’	А чего сыскъ не иметь, и имъ въ томъ присуживати вѣру крестное цѣлованье (1606 г.)
		3. ‘примета’	У нас вѣра такая, что каким вѣтромъ пошеть ты изъ становища, таким и на мѣсто придеши (1859 г.)

СРНГ 1969, 4, 119–120	<i>вѣра</i>	1. 'желание, охота, намерение'	Ему не вера пойти, не вера вставать с постели. У него есть вера к ученью.
		2. 'понятие, умение'	На это вера-то есть!
		3. 'обычный, традиционный порядок'	У них вера такая, чтоб непременно потчевать
СРГК 1994, 1, 172	<i>вѣра</i>	3.1. 'поверье, примета, передаваемые из поколения в поколение'	У нас вера такая, что каким ветром пошел ты из становища, таким и на место придешь
		1. 'обычай, традиция'	Во всяком городе своя вѣра, говорят разное, обычаи разные
		2. 'желание, намерение'	Ей вѣра, чтобы сделать тонкую веревку
СРГС 1999, 1, 124–125	<i>вѣра</i> ¹	3. в безл.-предикат. знач. 'пора, время чему-нибудь'	Время задумалось – дождику вѣра пойти
		'привычка, обычай, традиция'	У них такая вера, чтоб непременно потчевать
		'семейский религиозный толк, известный в литературе под названием «самочинцы», которым управляла Авдотья Тюрюканова'	По имени Авдотьи и толк прозвали «Дунькина вера». Другими словами, хочешь не хочешь, а молись
	<i>вѣра</i> ²	устар. дунькина вѣра	Нет примера
		1. 'небольшая раскольническая секта, появившаяся среди забайкальских староверов во второй половине XIX века, члены которой отвергали брак'	

Словарь	Лексема	Значение		Пример
			2. 'бранное выражение, которое употреблялось при осуждении развода и ухода из семьи'	
СРГС 1999, 1, 124–125	<i>véra</i> ²			<i>Ты что, из окулькиной веры? То к одной ходишь, то к другой!</i>
СРГНП, 58	<i>véra</i> (по своей вере)		'по своим возможностям, умению'	<i>Дефка у меня фсё робóтала, настирала по своей-то véры</i>
СРНРС, 17	<i>вера</i>		для того, чтобы было надежно, в залог'	<i>А товарищев его, толмача Ганьку да охочего человека Ваську Власова, оставил для веры у себя</i>
			1. 'соответствующий верованиям, ритуальным обрядам кого, чьей'	<i>В Ермолаеве волости зрань вверх по Нице-реке над ключом, и их татарские молябница и съезды по их вере тут были</i>
		2. 'присяга, клятва'		<i>В Пясида, на Хатанге, на Есее-озере за зерновые судные пошлыны собрано на вере 23 собол... цена 10 рублей</i>
			3. в знач. безличн. сказ. 'хочется кому-либо что-либо сделать, кто-либо надеется что-либо сделать'	<i>Ему вера поборотиса есть У царя в каменной Москве, Хочет царя потешити Со царицею благоверною Марьею Темрюковною</i>

СРГБ, 65	<i>вѣра</i> (в вѣру даться)	‘попасть под сильное влияние рели- гии’		‘попасть под сильное влияние рели- гии’	ф такују веру далас’
СНГ, 117	<i>вѣра</i>	красная вера		‘старообрядческая вера’	Она богомолка, в красной вере, дак нет чтоб в церковь ходить, в доме соберутся и тут мо- литвы орут
		Вера иванна		ишгл. ‘название дешевого красного вина типа вер- мут’	В магазин зашел, деньги-те маленько были, да Веру иванну взял, бутылочку
Деулинский словарь 1969, 77, 101	<i>вѣра</i> (из вѣры выйдѣть)	‘выйти из доверия’			Ана хвѣстает’, хвастушка, ана из вѣры вышла
ПОС, 77–78	<i>вѣра</i>	1. ‘доверие’			У тебя нет вѣры да меня
		2. ‘надежда на осуществление чего- нибудь’			Даже вѣры нет
		3. ‘религиозное чувство’			С вѣры збѣились народ
		3.1. ‘вероисповедание, вид религии’			Вѣра наша стараверская, правильная, старинная
		4. ‘присяга, клятва’			И сверхъ вѣры, истецъ Любятова монастыря, стряпчий, слался словесно на писцовыя книги, письма и мѣры Ивана Вельяминова съ товарищи

Таблица 3. Представленность лексемы *вера* в словарях белорусского языка

Словарь	Лексема	Значение	Пример
ТСБМ 1977, 1, 477	<i>вера</i>	1. ‘упэўненасць у чым-небудзь, у здзяйсненні, ажыццяўленні чаго-небудзь’	<i>Вера ў свае сілы</i>
		2. ‘перакананне ў дадатных якасцях каго-небудзь’	<i>Цудоўны вери, наскрозь прасякнуты верай у чалавека і болей за яго</i>
		3. ‘перакананне ў рэальным існаванні звышнатуральных сіл’	<i>Вера ў бога</i>
		3.1. ‘рэлігійнае вучэнне; веравызнанне’	<i>Каталіцкая вера</i>
Насовіч 1983, 105	<i>вѣра</i>	1. ‘довѣріе’	<i>Ни вѣ чомъ нашему брату вѣры нема</i>
		2. ‘вѣроісповѣданіе’	<i>Вѣру зломавъ. На каталіцкую вѣру перавернувся</i>
		3. ‘долгъ, одолженіе’	<i>Возьми на вѣру; коли грошей нема. Ты ещѣ вѣры не отдавъ</i>
Станкевіч 1990, 1199	<i>вера</i>	1. ‘вера’	Нет примера
		2. ‘вероисповедание’	<i>Калі б ацец, матка ад веры мусульманскай асводзілі, то бы іх слухаць ня трэба</i>
		3. ‘доверие’	<i>Ні ў чымъ нашаму брату веры няма</i>
		4. ‘кредит’	<i>Вазьмі на веру, калі грошай няма</i>
ГСБМ 1983, 3, 112–113	<i>вѣра</i>	1. ‘вера, рэлігія, веравызнанне’	<i>Которое вѣры еси ты; хрістіанское вѣры (1562 г.)</i>

		2. ‘перакананне, упэўненасць’	<i>Како бо хто вѣру крепкую о дѣле своемъ мѣти можетъ, ижъ оное дѣло его есть богу любо (1562 г.)</i>
		3. ‘давер’е’	<i>Маєть довести сведецствомъ вѣры годными и непозреными людьми добрыми (1588 г.)</i>
		4. ‘вернасць’	<i>Жоны маюць обетницу, которіе в’ малженствѣ живутъ, вѣру мужомъ заховують (1562 г.)</i>
		5. ‘присяга, клятва’	<i>Прѣки’ мистръ ... з покорою великою примиря и покою просячи самого себе и зо всею рещю инфлантскою под вѣру и сборонѹ королевскую поддаль (пач. XVII ст.)</i>
ТС 1982, 1, 112	вера	1. ‘веравызнанне, вера’	<i>У бога веры цяпер няма</i>
		2. ‘піра’	<i>У веру грае старэц і Лазара пое</i>
Бялькевіч 1970, 106	вера	‘вера, давер’е’	<i>Я яму нізашто ні няў веры</i>

Таблиця 4. Представленість лексеми *віра* в словарях українського мовознавства

Словарь	Лексема	Значення	Приклад
СУМ 1970, 1, 679	<i>віра</i>	1. 'упевненість у чомусь, у здійсненні чого-небудь'	<i>Вірю я в правду свого ідеалу, і коли б я тую віру зламала, віра б зламалась у власне життя</i>
		1.1. 'впевненість у позитивних якостях кого-небудь, у правильності, розумності чиєїсь поведінки'	<i>Я завжди був великим оптимістом і дотепер не втрачав віри у людей, у перемозі всього світового над темрявою і злом</i>
		2. 'те саме, що довір'я'	<i>Без віри нема віри</i>
		3. <i>рел.</i> 'визнання існування Бога, переконання в реальному існуванні чогось надприродного'	<i>Тут довелося зачепити питання і про бога і про чорта, про віру в першого і про всякі мудрощі другого</i>
		3.1. 'те або інше релігійне вчення, віровизнання'	<i>Котилися І наші козаки Дурні голови, за правду, За віру христову</i>
Гринченко 1907, 1, 239	<i>віра</i>	1. 'вѣра; довѣріє'	<i>А в козака стільки віри, як на синім морі піни</i>
		2. 'вѣра, релігія'	<i>Хто за віру умреш, той собі царство заробляє</i>
		3. 'народ'	<i>Приїде віра християнська во небесний рай</i>
Тимченко 1930, 486–487	<i>вѣра</i>	1. 'вірення, приймання за правду'	<i>С вѣрою бо целуюче его (XV ст.)</i>
		2. 'признання існування Бога і його поваги'	<i>Євномій мовить, же єдна вѣра безъ оучинковъ можетъ збывити (XVIII ст.)</i>

СУМ XVI–XVII ст. 1999, 6, 145– 149	вѣра, вера, вира	3. ‘визнання, релігія’	<i>Дванадцат артикулов вѣри християнское (XVI ст.)</i>
		4. ‘вірогідність, кредит, важність, вага, повага’	<i>А мы слюбуємо єму при нашей вѣри ... тѣхъ 4 тысячи рублий воротити исполна (1388 р.)</i>
		5. ‘вірність, сталість, певність, ретельність, словність’	<i>А у Черновицы возы не стрясти, але купецъ дастъ свою вѣру, аже не имаетъ заповѣданный товаръ на свой возъ (XV ст.); вѣру тежъ мал-женскую зломилъ (XVIII ст.)</i>
		6. ‘присяга’	<i>Не заховали жолнѣрове гетманоу вѣру (XVI ст.)</i>
		7. ‘народність’	<i>И се обрѣтается тамо нѣкій человекъ капитанъ, сербской вѣри, именемъ Вуколя (XVIII ст.)</i>
		1. ‘упевненість в істинності чогось, у можливості здійснення чого-небудь’	<i>Але такъ ти са записью листомъ своимъ на свою вѣру, лемъ вызнаи(и) справе(д)ливи што есь далъ выше торъ-8 предъ пано(и) ... ѿ то бѣдетъ ти навѣкъ ѿ(т)пущено (сер. XVI ст.)</i>
		2. ‘релігійні переконання в існуванні Бога, інших надприродних сил’	<i>А онъ рекъ еи. дочко боудь доброй надъ бы вѣра твоя тебѣ здороваю оучинила // иди собѣ с миромъ (1556–1561 р.)</i>
		2.1. перен. ‘твердия’	<i>А(и)бо если бы вѣры не мѣлъ тебѣ дви(д) црѣ и Пр(о)ркъ, такѡвѡю жь вѣру добрюю мѣлъ, ѿ въскресенію наішемъ ѡбщємъ (1646 р.)</i>
		3. ‘те або інше релігійне вчення; віросповідання’	<i>вста(в)уєтъ те(ж) и(ж) на всакую ре(ч)у 8 ко(ж)у-дого суду, све(т)ли маю(т) быти всеры хре(с)-тия(н)ское (1566 р.)</i>

Словарь	Лексема	Значение	Пример
СУМ XVI–XVII ст. 1999, 6, 145– 149	вѣра, вера, вира	4. ‘відданість, вірність’	<i>Вбачивши глѣбокость вѣры и непорѣхомѣю сталост и мѣжства терпливост и нелюто- ванье горѣа напроѣихъ неприѣтелей нашихъ ... кназа ... оустроэского ... пожеловали есмо ... имѣнемъ въ Киевскомъ повѣмѣ (1507 р.)</i>
		5. ‘свідчення правдивості; клятва, при- сяга’	<i>Гдеже Желехъ тамъ шлюбивши намъ рѣко- данемъ под честью, под верою своею, з дворѣ нашого эсждѣчати и на тотъ са рокъ, ... перед нами кѣ правѣ становити, на тотъ то рокъ ... перед нами не стал и ничего ѿ собе всдати не дал (1565 р.)</i>
		6. ‘довір’я’	<i>Вырокомъ нашимъ такъ есмо нашли, же он честъ и верѣ стратил, а сказалисмъ его быти безецинымъ и немяючы(м) вже николи местца и помешкана во всіхъ зѣмляхъ мѣжы всіми подданными нашими (1565 р.)</i>
		7. ‘достовірність’	<i>А для лепшого веры и твердости сего листа моего просилемъ вельможного князя Семе- на ... о приложене печати (1555 р.)</i>
		8. ‘підтвердження правдивості; свідчення’	<i>А на то ест вѣра нашего господства ... мы Стефана вовводи... и вѣра нашихъ бояр (1501 р.)</i>

	9. 'присуд'	<i>Госифъ ... плащеніиѣ коупіл. и мѣстами ба(л)сѣновыми тѣло помѣзаль ... и камень з на(д)писы привалѣть. и пила́тову ... вѣрѣ оумакъчѣлѣ (I пол. XVII ст.)</i>
Дже 1985, 56	1. 'вера'	<i>Вѣра ико Ісусу Христу, аж за него имаме выдупуценіе грѣховъ</i>
	2. 'религия'	<i>Христость ... бывъ голова церкви и прѣявъ жида и поганыхъ языку у одну вѣру, у одно право</i>
	1. '(віросповідання) віра'	<i>Службуемо ... сдержати и полнити ты-то листы и записы нашѣ, якося есмо предѣть тымъ оу нашихъ листехъ записали ... Владиславу Крол Полско-му ... подпугъ хрестыанскоѣ веры (1403 р.)</i>
	2. '(відданість) вірність'	<i>А тиже коли бы которые неприамлѣ своєю силою облого то то исныи гро(д) галичъ тогда то то исныи воевода и бра(т) его ... имають ис правую вѣрою ... того исного го-рода боронити (1388 р.)</i>
ССМХІV–ХV стст. 1977, 1, 229	3. 'достовірність'	<i>А я самъ князь Михайло Иванович Роговиц-кий для лепное веры и твердости къ печатямъ ихъ милости и свою печат есми к сему моему листу привесил (1475 р.)</i>
	4. 'довір'я'	<i>А сведци циии панове па(н) глѣбъ романов-скыи па(н) останако давидовскыи ... иныхъ вєлѣ при томъ добрыхъ было им же честь и вѣра лежить (1412 р.)</i>

Словарь	Лексема	Значение	Пример
ССМ XIV–XV стст. 1977, 1, 229	<i>вѣра, вера, вира, вѣра</i>	5. ‘свідчення правдивості’	<i>А на то вѣра моя и моихъ сыно (!) вѣра вѣра (!) жупана юги жю(р)жєвича вѣра жюпана стєцькова и сѣ братилми єго вѣра братуло- ва нажєдулова вѣра станиславова вѣра пана драгоєва (1392 р.)</i>
Онишкевич 1984, 130	<i>віра</i>	1. ‘віра’, 2. ‘кредит’	<i>Шчоз’ го с’а в’іра ни брала</i>
СКТГ, 200	<i>víra</i>	3. ‘борг’ ‘вера’	<i>Дати на віру</i> <i>Усá бiда чiриз віру</i>
Піпаш 2005, 26	<i>віра</i>	‘народ, нація, етнос’	Нет примера
Негрич 2008, 40	<i>віра</i> (пся віра)	Нет значения	Нет примера <i>Ты чигó на моїм пастуїиши! Ти, пся віро!</i>

Таблица 5. Представленность репрезентантов понятия «надежда» в древнерусском языке

Словарь	Лексема	Значение	Пример
СРЯ XI – XVII вв. 1983, 10, 65	надежа	1. ‘надежда, упование’	(Старец) ꙗга ему (Феофану): сѣди въ врьтѣлѣ мо- емъ и надежю имамъ къ бѣ, яко отъкрыеть тебѣ блѣтъ его истинну (XI–XII вв.)
		2. ‘тот, на кого надеются’	Надежа и заступница вѣрнымиъ сущи бѣси насъ от страсти отъ всѣхъ ихъ напасти (1096 г.)
	Надежда(я)	1. ‘надежда, упование’	Яко иже бѣгами кѣрма ся надеждами и о буди- тихъ пѣвая (1076 г.)
		2. ‘тот, на кого надеются’	И тѣ будетъ надежда странамъ (XII в.)
СДрЯ XI–XIV вв. 2002, 5, 135	наде(ѣ)жа	‘надежда’	Всю надежю на га положишь естъ сѣи борись (XII в.)
	наде(ѣ)жда	‘надежда’	Иже бѣсами кѣрмаса надеждами (1076 г.)
Срезневский 1989, 2, 276	наде(ѣ)жа	1. ‘spes, ἔλπίς, надежда, упование’	Надежа его отъ Вышняго (XII в.)
		2. ‘надежда, ожидание чего- нибудь’	Надежа сѣсною (XIII в.)
		3. ‘тот, на кого надеются’	Надѣжа мышью мою (ок. 1200 г.)
277	наде(ѣ)жда	1. ‘ἔλπίς, spes, упование’	Надеждѣ имѣти (1073 г.)
		2. ‘тот, на кого надеются’	И тѣ будетъ надежда странамъ (XII в.)
284	надѣя	‘надежда’	Имѣти имаша надѣю на Христа (XI в.)
	надѣяние	‘надежда’	Надѣяние вѣры (1096 г.)

Таблица 6. Представленность репрезентантов понятия «надежда» в словарях русского языка

Словарь	Лексема	Значение	Пример
СРЯ 1958, 7, 142	наде́жа	1. 'то же, что надежда'	<i>Кормилец, надежда семьи! Очей бы с тебя не стучкали, ловили бы речи твои</i>
		2. 'ласковое обращение к близкому, любимому человеку'	<i>Улыбаясь, обняла меня и молвила: Не покинь меня, надежда, все я вынесу, При тебе и злое горе будет радостью</i>
	надежда	1. 'ожидание чего-нибудь благоприятного, в сочетании с уверенностью в его осуществлении'	<i>До сих пор я все еще не терял надежды сыскать дорогу домой</i>
		2. 'то, на что можно надеяться, опираться, положиться; оплот'	<i>...То был кровавых бытов искатель, Рогдай, надежда киевлян</i>
СРЯ XVIII в. 2003, 13, 172	наде́яние/ наде́я	1. 'то же, что надежда'	<i>Из Дрездена пишут: что польские грамотки дѣйственное, и явное надѣяние к скорому наступающему миру с королем шведским дают</i>
		2. 'о том, на кого кто-либо надеется'	<i>Нарциссе дражайший, наш чистейшии лилея, ах, Петре, государю, в тебе быть надея</i>
СРЯ XI–XVII вв. 1983, 10, 65	надежа	1. 'надежда, упование'	<i>А мы надежу на бога держимъ, что межъ государей доброе дѣло сстанетца (1554 г.)</i>
		2. 'тот, на кого надеются'	<i>Государынѣ моей маткѣ и надежѣ невѣстущкѣ княгинѣ Парасковѣ Андреевнѣ золовченка твоя Аксютка</i> <i>Хованская челомъ бьетъ (1682 г.)</i>

	надежда(я)	1. 'надежда, упование' 2. 'тот, на кого надеются'	Вы же кую имате надежду, поведайте ми (XVI в.) Царь Балдуиносъ былъ второй Иуда Маккаеосъ, надежда и упование отечеству, крѣпость церковная и красота церкви (1623 г.) Зрѣль явѣ такова(с) оутѣшениа. ѣже явѣ нощю освѣти. надежда ра(о)бного свѣта (1406 г.) Нет примера позднее XIV в. Въспоманай же, господине, надежду будущаго вѣка, и царство небесное, радость святыхъ, веселіе съ ангелы (ок. 1400 г.) Имѣти имаша надѣю на Христа (XI в.) На тебѣ вся моя надея
СДрЯ XI–XIV вв. 2002, 5, 136	надежа	'надежда'	1. 'spes, Ёлтіс, надежда, упование' 2. 'надежда, ожидание чего-нибудь'
Срезневский 1989, 2, 276	надежа, надѣжа		
284	надѣя	'надежда' 1. 'надежда'	
СРНГ 1983, 19, 233	надея	2. 'обращение к близкому, родному человеку (в причитании)'	Нет примера
Добровольский 1914, 436	надѣжа	1. 'одежда' 2. 'уменьш. от Надѣжка; зват. На- дѣжъ!'	Возьми съ сабою надѣжу чистую, да и ступай у баню Нет примера
СГСПО, 329	надѣя	'надежда'	Кака надея на робят: не будут водиться, убежат и всё
	надѣжа	'надежда'	А я спрашиваю: «Надѣжа есть?». Он гово- рит: «По признакам нѣту»

Словарь	Лексема	Значение	Пример
СДПСИ, 169	надѣжа	‘ожидание чего-либо желанного; надежда’	Надѣжи нѣту, как весенний лёд дрыхлый: тает скоро
Манаенкова 1989, 125	надѣжа	‘надежда’	Я был в надѣжы, што должън пайти доц
Дилакторский 2006, 272	надѣжа	‘надежда, уверение’	Худая надежа на него
СРГМ 2, 65	надія	‘надежда’	На ево надія худая
	надѣжа	‘надежда’	Пахош, памрѣт, надѣжы никакой нѣт, дѣхтара уш фсе с ним замучились
СРГС 1986, 2, 327	надѣжда	ирон. ‘о человеке, не внушающем доверия’	Надѣжда, как на вѣшний лёд
СРГНП, 442	надѣжа	1. ‘надежда’ 2. ‘ласковое обращение к любимому человеку’	Фся надѣжа-то на неё, вон какá рабѣтница Здравствуй, душечка моя, надежа, милень- кий сердечный друг
443	надѣя	‘то же, что и надѣжа’	Надѣя на Авдѣя, как на вѣиной лёт
	надѣжа	‘надежда’	На дочерей надѣжа плохая
СРГСУ, 163–164	надѣя	‘надежда’	Нет примера
	надія	‘надежда’	Нет примера
СРНРС, 79	надежа	‘надежда’	Вышел из юрт и по них из луков стреляли, а надежи де у них на ково не было
СРГК, 312	надѣга	‘надежда’	Только надѣга на сына да на дочку
	надѣжа ¹ (держать надежу)	‘иметь доверие’	У тебя глаз омансливый, над ним надѣжи не держи

	надѣжа ²	‘одежда’		Вот надѣжу какую раньше носили
	надѣя	‘надежда’		На сына надѣи нету
313	надія	‘надежда’		Никакой возможности удержать лес нет, только на запань надія
	надѣжа	‘надежда’		Скора помоць сразу подскочила, я и спрашиваю у вряча – есть надежда, нет
СПГ, 750	надѣя	‘надежда’		Кака надея на робят – не будут они водиться, убежат
	надѣжа (быть не в надѣже)	‘быть неуверенным в чем-либо’		Ни в надежы и брасать чувал
БТСДК, 300, 65	надѣжа	‘надежда’		Ана, уъвар’ат’, б’из надѣжы (о больной)
Деулинский словарь 1969, 314	наді(ѣ)я	1. ‘надежда’ 2. ‘о человеке, от которого надеются что-либо получить, ждут милости’		На отца надія нунъ плохая!
Куликовский, 1898, 60	наді	‘человек, на которого можно надеяться, надежда’		Надія ты наша!
Опыт 1852, 121	надій	‘надежда’		Ой ты, надій мой!
СРГКуз, 124	надѣжа	‘надежда’		На них надѣжа была
СВГ 1990, вып. М–О, 33	надѣжа	‘надежда’		Топѣрича одна надѣжа на студѣнтов да на школьников. Никого в деревнях не стало
34	надѣя/ надія	‘то же, что надѣжа’		Вся надія у меня на сестру, бать, принесѣт крѣиночку молока

Продолжение табл. 6

Словарь	Лексема	Значение		Пример
34	надэ́я/ нади́я	надэ́я пло́хыя (худэ́я)	‘о том кто (что) мо- жет подвести, не оправдать надежды’	Оди́н вертолёт в рабо́те, на него́ надэ́я пло́хыя
	надзё́жа	‘надежда’		Надэ́жа как на ве́шний лёд
Ткаченко 1998, 142	нади́я	‘надежда’		Вы на мэ́нэ, Кармэ́люгу, вэ́с нади́ю майтэ́
	надэ́я	‘то же, что надэ́жа’		Надэ́я у вэ́сех была́, што́ ври́мина лу́тшиэ насту́пують
СОГ 1995, 7, 21	надэ́(я)́жа	‘ожидание, уверенность в осуществле- нии чего-либо желаемого; надежда’		Надэ́жы не́тути. Нэ́ рибя́т нао́яжы ма́ль

Таблица 7. Представленность репрезентантов понятия «надежда» в словарях белорусского языка

Словарь	Лексема	Значение		Пример
ТСБМ 1979, 3, 236	надзе́я	1. ‘чаканне чаго-небудзь добрага, якое спалучаецца з упэўненасцю ў тым, што яно збудзецца’		Сто́лькі бо́лю і сто́лькі надзе́і ў яе (дзяўчы́нкі) не па ў́зроссту ста́лых ва́чах
		2. ‘той або тое, на каго, на што можна спадзявацца, апірацца’		Ба́цька і ма́ці выхо́ўвалі сы́на. Сы́н быў уце́хай, надзе́й адзі́най
Насовіч 1983, 304	надзе́жа	‘надежда’		Уся́ надзе́жа на Бо́га
	надзё́жа	‘одежда’		Надзё́жу мае́ць хлопе́ць, хо́ць куды

Станкевіч 1990, 723	надзея	‘надежда’	Маю надзею на Бога
ГСБМ 1999, 18, 370	надежа/ надежда	1. ‘чаканне чаго-небудзь добрага, якое спалучаецца з упэўненасцю ў тым, што яно збудзецца’	Над’жа твоя не загінеш і т тебе (1516–1519 гг.); еше бо имаш спсню надеждю (1489 г.)
		2. ‘той або тое, на каго можна спадзявацца, апірацца’	Всю над’жю на б’га поклади, и его б’годарили и славили (1562 г.); С’щи и чстныи крст’ нам’ ест’ хрстыяном надежда ко спсню (1489 г.)
372	надея	1. ‘спадзяванне, чаканне нечага, што павінна адбыцца, здзейсніцца’ 2. ‘пра чалавека або Бога, на якіх спадзяюцца, ускладаюць свае надзеі’	З’іноула надея моя (кан. XV ст.)
ТС 1984, 3, 123	надзея	‘надзея, спадзяванне’	Такъ у Бозе надею масм (1484 г.)
Сл. ПЗБ 1982, 3, 138	надзея	‘спадзяванне’	У мене е надзея, шо вон поправіцца
137	надзѣжа	‘спадзяванне’	Няма надзѣі, што ён направицца
Юрчанка 1966, 138	надежежа	‘надзея’	Надзѣжы няма на памідоры
Мат. Маг. 2005, 37	надзѣжа	‘надзея’	Я мала надзежу, што ён прыдзе
Нар. Гом. 1983, 90	надзѣжа	‘адзенне’	Ох Сярѣжа, ты Сярѣжа, ны цябѣ уся надѣжа
Бялькевіч 1970, 274	надзѣжа	1. ‘уласнае імя Надзея’ 2. ‘надзея, спадзяванне’	Надзѣжа мая нізавісная Ты едь, мая надѣжа, не загуляйся Надзѣжа, схадзі зы вадой Німа надзѣжы, каб ён астаўся жывэй

Таблиця 8. Представленість репрезентантов поняття «надежда» в словарях українського мови

Словарь	Лексема	Значення	Приклад
СУМ 1974, 5, 70	надія	1. 'впевненість у можливості здійснення чогось бажаного, потрібного, приємного, сподівання' 2. 'те (той), на що (на кого) можна надіятися, поклатися, що (хто) є відрадою для кого-небудь'	Як же його у неволі Жити без надії? А он розпинають Вдову за подушину, а сина кують, Єдиного сина, єдину дитину. Єдину надію! в військo отдають!
Гринченко 1908, 2, 483	надія	'надежда'	Козак у дорозі, а надія в Бозі Не єсть то ди(в) али новина иже писа(и) таких р'вчи ... ка(к) нашъ неприятель ... жа- дая а хотѣ ... мысли ваши противую намъ завжди чистѣ а н'ѣрны о которыхъ(х) жо непорочионы въ вѣре оуставичнѣ а въполнѣ мы дооува.мы а надію мамы нѣкотороє о на(с) оувести оу воти'бнѣ (1447–1492 р.)
ССМ XIV–XV стст. 1978, 2, 14	надѣя	Нет значения	Тай лише на одного Бога имай надежу
Дже 1985, 193	надежа	'надежда'	Нет примера
Онишкевич 1984, 465	надега	'надія'	У нас іє над'ожа дббре закончит
Лисенко 1974, 132	надьожа	'надежда'	молот'бу? – Йе!
СБГ, 310	надія при надії бути	'сподівання' 'бути вагітною'	Нет примера
Українська діалектна лексика 1987, 167	на́джа	рідко 'надія'	Василе́ва Дарка са́ми при наді́ї була тоді́ Вжа ніхто́ ни мав ніяку́ надже́, що вуна́ бу́де жсе́те
Шило 2008, 182	надія (при над'її)	'вагітна'	Наша Ганка при над'її

Таблица 9. Представленность репрезентантов понятия «любовь» в словарях древнерусского языка

Словарь	Лексема	Значение	Пример
СРЯ XI–XVII вв. 1981, 8, 330–331	любовь	1. 'любовь, привязанность, благосклонность к кому-либо'	Да любви, ею же мя еси възлюбилъ, въ нихъ будеть (1057 г.)
		2. 'склонность, пристрастие, приверженность к чему-либо'	Усущаице руку свою скупостию и любовью злата (XI в.)
		4. 'страсть, влечение к лицу другого пола'	Да будеть женитва свѣтла, и не примѣсна любви сквернавѣ (XI в.)
		5. 'мир, согласие; мирный договор'	И бѣ жива съ князи околними миромъ ... и бѣ миръ межю ими и любви (1145 г.)
		1. 'любовь, привязанность'	Въ одежю одѣвъсѧ въздрасти любовь къ боу (1076 г.)
СДрЯ XI–XIV вв. 1991, 4, 479–480	любы	1.1. 'дружеские отношения'	Аще въ любви си таину оуслышиши дрѣха своего, а послѣди на вражѣство обратишисѧ, то не прови таины. ѿбидиши бо не врага, но дрѣха (XIV в.)
		2. 'пристрастие, приверженность к чему-либо'	Ни възлюбисте плоти, ни възлюбисте тѣла, ни сумнѣстеса любовь сего житыя (XIV в.)
		3. 'страсть, возжеление'	Къ бо прибѣгае(т) и заступника твори(т) на ненавистную любовь своего жениха (XIV в.)
		4. 'мир, согласие'	Съ же великыи князь чадолюбивыи, и наказава въ любви прѣбывати дѣти своя (1271 г.)
Срезневский 1989, 2, 87–89	любы/ любовь	1. 'любовь, привязанность, благосклонность, милость'	Любы ѿбсныхъ красотъ земныхъ похоти омрачила кеси (XI в.)
		2. 'пристрастие, склонность'	Величца ѿбла или любви старѣишнѣства (XI в.)
		3. 'любовь, страсть'	Да бѣдеть женитва свѣтла и не примѣсна любви сквернавѣ (XI в.)
		4. 'мир, согласие, мирный договор'	На удѣржаніе ... межю хрѣтианы и Русью бывшую любовь (911 г.)

Таблица 10. Представленность репрезентантов понятия «любовь» в словарях русского языка

Словарь	Лексема	Значение	Пример
СРЯ 1957, 6, 434–435	любовь	1. 'чувство глубокой привязанности, преданности кому-либо, чему-либо, основанное на признании высокого значения, достоинства, на общих целях, интересах и т. п.'	<i>Люблю отчизну я, но странною любовью! Не победит её рассудок мой</i>
		1.1. 'чувство склонности, привязанности к кому-либо, вытекающее из отношений близкого родства, дружбы, товарищества'	<i>Ту же безграничную любовь, которую мне внушила мне сестрёнка, чувствовал ко мне брат Вася</i>
		2. 'чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола'	<i>(Соня) вся дышала счастьем и любовью с тех пор, как приехал Николай, и верная, непоколебимая любовь этой девушки радостно действовала на него</i>
		2.1. перен. 'о человеке, внушившем такое чувство'	<i>Быть любовью героя Удёл прекрасный ... но любить героя Ещё прекраснее</i>
		2.2. 'любовные отношения'	<i>Её решительно не научили ничему, как только любить, или, лучше сказать, вести любовь с мужичиной</i>
		3. 'внутреннее влечение, внутренняя склонность, тяготение к чему-либо'	<i>Наша связь основана не на одинаковом образе мыслей, но на любви к одинаковым занятиям</i>
		3.1. 'пристрастие к чему-либо; предположение чего-либо'	<i>Особенно часто посмеивался Быков над его любовью к сладкому. Однажды Угленков всю потluckу сразу истратил на шоколад и пирожные</i>

		3.2. с отвлеч. сущ. 'сильное стремление к чему-либо'	Луг, полын, пашня и его страстный порыв любви к жизни вспомнились ему
		1. 'чувство глубокой привязанности кому-либо, чему-либо, преданности кому-либо, чему-либо'	Матерняя любовь все превышает, все преодолевает
		1.1. 'приятнь, дружелюбие, доброжелательность'	Лучше надежная и приятная любовь и объяснения дружбы с Францией, нежели с потенциями морскими
		1.2. 'уважение, почтение'	Истинное и ни с чем несравненное блаженство состоит в любви к добродетели
		2. 'сердечная склонность, страсть к лицу другого пола'	Любовь есть чувство, Природою в нас впечатленное, которое один поимлет к другому
		3. 'склонность, влечение, интерес к чему-либо'	Здесь, говорил он нам, любовь к наукам в великом почтении
		1. 'любовь, привязанность, благосклонность к кому-либо'	Имеи ... истинную правду и любовь нелицемерную ко всем, не осуждай никого ни в чем, свои грехи рассуждай, како избывши их, чего сам не любишь того и другу не твори (XVII в.)
		2. 'склонность, пристрастие, приверженность к чему-либо'	Любве ради святых мстят сих, испасах все, еже видех очима своими (1496 г. -1131 г.)
		3. 'вечери любви, общие трапезы у древних христиан'	Ни причетници ни мирстии члци позвани бывшее на любовь сирѣк нѣким другом на трапезу, части отселе в домы своя да не възмлют (XVI в.)
		4. 'страсть, влечение к лицу другого пола'	Которы члѣк... сухаго и горячаго естества, той есть дерзъ и храбръ и имать любовь на всякия жены и непостоянен в любви (XVI в.)
СРЯ XVIII в. 2001, 12, 12-13	любовь		
СРЯ XI-XVII вв. 1981, 8, 330-331	любовь/ любы		

Словарь	Лексема	Значение	Пример
СРЯ XI–XVII вв. 1981, 8, 330–331	любовь/ любы	5. ‘мир, согласие; мирный договор’	<i>А будеть намъ, брате, взять любовь съ Витов- томъ ... и намъ, брате, безъ тебе любви не взять (1398 г.)</i>
СДрЯ XI–XIV вв. 1991, 4, 479– 480	любы	1. ‘любовь, привязанность’ 2. ‘пристрастие, приверженность к чему-либо’ 3. ‘мир, согласие’	<i>И см(т)олъ възрасте велика любовь межи има (1406 г.)</i> <i>Созда цѣвъ тоу родовъ четьри. и ни единъ же вослѣдова любви его к мѣстоу томоу (ок. 1425 г.)</i> <i>И сътвориста любовь межи собою велику (ок. 1425 г.)</i>
Срезневский 1989, 2, 87–89	любы/ любовь	1. ‘любовь, привязанность, благо- склонность, милость’ 2. ‘согласие’	<i>Да любви, же ѣжъ ма ѣси възлюбиль, въ нихъ бждеть (XVIII в.)</i> <i>Нициѣ на свою работу без любви не няди (XV в.)</i>
		3. ‘мир, согласие; мирный договор’	<i>Се язъ, князь великии Борысь Александровичъ Тферскіи, възьль есми любовь такоу зъ своимъ господиномъ зъ дѣдомъ ... быти ми съ нимъ за одинъ при его сторонѣ и пособляти ми ему на всякого не вышима (1427 г.)</i>
СРНГ 1981, 17, 233	люба	1. ‘любовь’ 2. ‘любовница’ 3. ‘ласковое обращение к кому-либо’ 4. «славная»	<i>Уж и веселюсь девушкой до света, Нагуляюсь красной до любви</i> <i>У нашего молодца за озером на селе любя есть Ох-ти, любя, солнышко-то ужъ высоко, а мы спим</i> Нет примера

	лю́ба	1. 'любо́вь' 2. 'возлюбе́нная; любовни́ца' 3. 'ласковая женщи́на' 4. 'ласковое обращение к кому-либо'	Нет примера Дома ли любав, Дома ли, душечка моя? Нет примера Нет примера
241	лю́бь	1. 'любо́вь' 2. 'охота, желание'	Еще кто со женой в совете живет , Кто с ду- шечкой в великой любе А денег давать тебе до любви
	лю́бье	'любо́вь' в любóвь (кому-либо) 'нравиться кому-либо' в любóвь брать и др. 'поллюбить, сделать воз- любленным' любóвь-трава 'растение забудка'	Я, дружка, чашу наливаю, Спаса призываю; примите чашу для любя, кушайте для здоровья Во любовь ли мальчик я? Как в любовь, так ты скажи Я вечер млада младенька в компании была, Хорошего молодика в любовь себе брала Нет примера
Добровольский 1914, 390	любовь	Нет значения	Кто съ любовью незнакомый, тотъ страдаетъ весь свой вѣкъ
	лю́бь	'любо́вь'	А мы съ табаю, друхъ любезный, въ любй наживёмся
СРГС 2001, 2, 242	люба́	'любо́вь'	Не по любви если идет, сразу отказывается, по не венчает
СРГНП, 399	люба (в любви (жить))	'в любви, согласи'	Ты ой есь, Владимир стольнокиевской! Али ты с княгиней не в любви живешь?

Словарь	Лексема	Значение		Пример
		за любовь	‘по любви’, ‘с удовольствием, с радостью’	
СРГК 1996, 3, 168	любовь	разбить любовь ‘расстаться’		Я не за любовь вышла
		сводить любовь ‘привораживать’		Ой, а чулки-то твои я за любовь ношу
		сошлась любовь ‘о взаимной любви’		Ты как а Алей гулял, так и думали, что ты с ей разобьёшь любовь
		сухая любовь		Волхуныя, колдунья жила у нас на Горке. Любовь сводила, колдовала, призавывала Ты беседеуешь-то, как маленькая. Любовь сошлась, раз парень берет, дак чего не иди?
		‘платоническая любовь’ ‘безответная любовь’		Целый год мы с ним дружили сухой любовью
СОГ 1994, 6, 89	любя	‘чувство сердечной склонности, влечение к лицу другого пола; любовь’ Нет значения (примета фолькл.)		Сухая любовь: если ты любишь, а он нет
87	любя	‘любовь, по любви’		Пь любви зь ниво паила
СПГ, 681	люб	в любви, по любви		Дьвила миня любовь дь сасновъвъ да гроба Если какой уж вовсе не в любви, дак не иди замуж; Ко мне тоже много сваталось. По любви за десятого вышла
682	любовь (сухая любовь)	‘платоническая любовь’		Сухой любовью четыре года ходили
СВГ 1989, вып. К-М, 59	люб (по об) одном люб	‘о неразделённой любви’		Вот я тебе и говорю, Коля, что нынче при одном любви не женишься

Таблица 11. Представленность репрезентантов понятия «любовь» в словарях белорусского языка

Словарь	Лексема	Значение	Пример
ТСБМ 1979, 3, 67	любоў	1. 'пачуццё глыбокай прыхільнасці да каго-небудзь, чаго-небудзь, адданасці каму-небудзь, чаму-небудзь'	Любоў да радзімы
		1.1. 'пачуццё прыхільнасці, сімпатыі да каго-небудзь'	Творы Максіма Танка карыстаюцца заслужанай любоўю чытача, бо напісаны яны ад сэрца
		2. 'пачуццё гарачай сардэчнай прыхільнасці да асобы другога полу; каханне'	Вось так прыходзіць першая любоў. Нібы паводка, бурна, нечакана
		3. 'цікавасць, схільнасць, цяга да чаго-небудзь'	Любоў да педагагічнай справы
Станкевіч 1990, 653	любоў	'любовь'	Нет примера
ГСБМ 1998, 17, 164–165	любовь, лубовь, любовь	1. 'любоў, любасць; глыбокая прыхільнасць, адданасць, сімпатыя да каго-, чаго-небудзь; добрыя, велікадушныя адносіны да каго-небудзь'	Под'їлиль есьми въ Полоцкомъ повѣтъ Ивана, а князя Дмитрея, а князя Богдана у въ Овдеевичахъ на три части (1508 г.)
		2. 'пачуццё гарачай сардэчнай прыхільнасці да асобы другога полу; каханне'	Силна естъ яко смерть любовь (1516–1519 гг.)
		3. 'цяга, схільнасць да чаго-небудзь'	З нїм на єднѣ ногѣ, то естъ, на любовь свѣта того храмлетъ (1615 г.)
ТС 1984, 3, 54 Бялькевіч 1970, 255	любоў любоў	4. 'згода, дружба, сяброўства'	Смоленскъ, тамъ ѣхати и назваъ отъѣхати, коли мы великіѣ князѣ Казимиръ будемъ съ княземъ великімъ Московъскимъ въ любви (1440 г.) І памру не ў любові
		'любоў, каханне'	У гэтай кніжцы пры любоў хлюпца і дзеўкі, якая любілісь, ды ні жанілісь
		'каханне'	

Таблиця 12. Представленість репрезентантів поняття «любов» в словарях українського мовознавства

Словарь	Лексема	Значення	Пример
СУМ 1973, 4, 564	любов	1. 'почуття глибокої сердечної прихильності до особи іншої статі; кохання'	<i>В муках любові стою край вікна</i>
		1.1. 'перен. той, кого люблять'	<i>Вона (Маня), та колишня моя любов, зірвала заручини</i>
		1.2. 'стосунки між чоловіком і жінкою, викликані сердечною прихильністю'	<i>Творить дітей, молоді. Були ви щедрі на бойовий труд, будьте щедрі й на любов, на крики народжень</i>
		1.3. 'розм. інтимні стосунки з особою іншої статі'	<i>Щоб з вдовами не женихався (Еней), Над мертвими не глумлявся, Жинок любов'ю не морив</i>
		2. 'почуття глибокої сердечної прив'язаності до кого-, чого-небудь'	<i>І іменем твого сина, Твої скорбної дитини, Любов і правду рознесли (святі) По всьому світу</i>
		2.1. 'глибока повага, шанобливе ставлення до людини'	<i>Коли вийшли на сцену зовсім юні мічуринці-комсомольці й піонери в піонерських галстуках – і повернули йому (І. В. Мічуріну), своєму дідусяві, з любов'ю його яблука... – він тихо заплакав</i>
		2.2. 'глибока приязнь, викликана родинними зв'язками'	<i>Не сила держить Ульяну на ногах, не здоров'я... а держить її серце, материня гаряча любов</i>
		2.3. 'перен. той, кого люблять'	<i>І син Алкід, твоя дитина, Єдина твоя родина, Любов, єдина твоя, Гніє в неволі, в кайданах</i>
		3. 'інтерес до чого-небудь'	<i>А в сінка, бачу, нема любові до лісу, око в нього сліпе до дерева</i>
		3.1. 'внутрішній, духовний потяг до чого-небудь'	<i>Любов до літератури у мене розвинулась доволі рано</i>

Гринченко 1907, 1, 387 Дже 1985, 174	любов	3. 2. 'пристрасть до чого-не-будь'	Батько знову забував, що його за любов товктися між кінцями і скаженно мчати верхи дюли беззлобно охрестили рудим дідьком Любови Божої не маєте в собі
	любовь	'любовь'	Айно, чимъ есме доужны Богу? Вървати, чомъ оуеунъ туднявъ надъ усякою дѣло любовъ
			Се азъ ... панъ Ієнатіє, рекомый Юга ... от вьсѣхъ нашихъ доброхъ волежъ, паче же и от бога помощія, и любовъ яже по бозѣа къ святомуу мѣстоу святаго и славнаго оупенія ... богородици ... даль есмы едно село за Проутомъ на имя Ширьоуци (1476 г.)
ССМ XIV–XV стст. 1977, 1, 566	любовь	2. 'бажання'	Я пан Волчко Хренницькій ... отдал есми по Божой воли а по моеї любовѣи дочку мою Марину за пана Пашка Посяговецкого ему за жону и поступил есми ему у вѣне ... именеїцо мое Лопавши (1472 г.)
			Про тожъ, естли ваша милость такъ чынили, ваша милость делайте яко знаєте, какъ мѣжи васъ докончанье было; а чей быхмо могли оучынити промежъ вами любовъ и миръ и доконжанье, якъ и перьвей было (1499 г.)
		3. 'згода'	А ичо с тойі л'юби вийде, їа самі не знайу
Онишкевич 1984, 421 СБГ, 268 Гуц. гов. 1977, 116 СКТГ, 116 Піпаш 2005, 96 Негрич 2008, 108	любов	'кохання'	У них така любá, що водóв ни розлі́ти
	люба́	'кохання'	А́йі, що любáа ра́би з людьмі!
	люба́	'кохання'; любов'	Нет примера
	l'ubáw	'любовь'	Нет примера
	люба́	'любов, кохання'	Нет примера
	люба́	'кохання'	Нет примера

ЛИТЕРАТУРА

Абаев 1956 – Абаев, В. И. О принципах этимологического исследования / В. И. Абаев // Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания; сост. В. И. Абаев [и др.]. – М., 1956. – С. 286–307.

Абаев 1958 – Абаев, В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4 т. / В. И. Абаев. – Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1958–1989. – Т. 1: А–К. – 1958. – 655 с.

Авганова 1976 – Авганова, Н. А. Некоторые средства выражения отношения говорящего к содержанию высказывания / Н. А. Авганова // Проблемы языкознания и теории английского языка: сб. тр. / Моск. гос. пед. ин-т; редкол.: М. Я. Блох (отв. ред.) [и др.]. – М., 1976. – Вып. 1. – С. 141–152.

Августин 1996 – Августин. Энхиридион или О вере, надежде и любви: пер. с лат. / Бл. Августин. – Киев: УЦИММ-Пресс, ИСА, 1996. – 413 с.

Авдеенко 1962 – Авдеенко, А. О. Вера, Надежда, Любовь: повести, рассказы и очерки о войне / А. О. Авдеенко. – М.: Воениздат, 1962. – 510 с.

Аверкий 2000 – Аверкий, архиеп. Апостол: рук. к изучению свящ. писания Нового Завета / архиеп. Аверкий. – М.: Изд-во Православ. Свято-Тихонов. Богослов. Ин-та, 2000. – 412 с.

Алексеев 1977 – Алексеев, А. А. К вопросу о лексикографии «культурных слов» / А. А. Алексеев // Проблемы исторической лексикографии: сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; отв. ред. Ю. С. Сорокин. – Л., 1977. – С. 130–137.

Алефиренко 1994 – Алефиренко, Н. Ф. Язык – сознание – культура: проблемы взаимодействия / Н. Ф. Алефиренко // Язык и культура: материалы Третьей междунар. конф.: в 3 т. / Укр. ин-т междунар. отношений Киев. ун-та, Фонд гуманитар. развития «Collegium»; сост. С. Б. Бурого. – Киев, 1994. – Т. 1. – С. 3–10.

Алефиренко 2002 – Алефиренко, Н. Ф. Ценностно-смысловая природа этноязыкового сознания / Н. Ф. Алефиренко // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания: сб. науч. тр. / Волгогр. соц.-пед. колледж; под ред. Н. А. Красавского. – Волгоград, 2002. – С. 159–162.

Амосова 1963 – Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. – 208 с.

Аникин 1988 – Аникин, А. Е. Опыт семантического анализа праславянской омонимии на индоевропейском фоне / А. Е. Аникин; отв. ред. А. И. Федоров. – Новосибирск: Наука, 1988. – 126 с.

Апресян 1995 – Апресян, Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. / Ю. Д. Апресян. – М.: Яз. рус. культуры, Вост. лит., 1995.

Апресян 2000 – Апресян, Ю. Д. Многозначность и синонимия слова *любить* / Ю. Д. Апресян // *Etnolingwistyka* / red. J. Bartmiński. – Lublin: Wyd. UMCS, 2000. – Т. 12. – S. 77–95.

Апресян, Словарь синонимов 2000 – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ю. Д. Апресян [и др.]; под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. – М.: Яз. рус. культуры, 1997–2003. – Вып. 2. – 2000. – 488 с.

Арутюнова 1984 – Арутюнова, Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка / Н. Д. Арутюнова // *Проблемы структурной лингвистики*, 1982: сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; отв. ред. В. П. Григорьев. – М., 1984. – С. 5–23.

Арутюнова 1988 – Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова; отв. ред. Г. В. Степанов; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1988. – 338 с.

Арутюнова 1999 – Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М.: Яз. рус. культуры, Кошелев, 1999. – 895 с.

Ахманова 2007 – Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 4-е изд., стер. – М.: URSS, КомКнига, 2007. – 571 с.

Бабенко 1989 – Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 182 с.

Бабушкин 1997 – Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / А. П. Бабушкин. – Воронеж, 1997. – 330 с.

Байбурин 1993 – Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.

Бартминьски 2001 – Бартминьски, Е. Некоторые спорные проблемы этнолингвистики / Е. Бартминьски // *Язык и культура. Проблемы современной этнолингвистики: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 2–4 нояб. 2000 г.* / Мин. гос. лингвист. ун-т; науч. ред. И. И. Токарева. – Минск, 2001. – С. 16–22.

Бартминьский 2005 – Бартминьский, Е. Проект и общие принципы аксиологического словаря / Е. Бартминьский // *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике* / Е. Бартминьский. – М.: Индрик, 2005. – С. 115–130.

Бартміньскі 2010 – Бартміньскі, Е. Як даследаваць моўна-культурную карціну свету славян і іх суседзяў? / Е. Бартміньскі, В. Хлебда // *Беларуская лінгвістыка*. – 2010. – Вып. 64. – С. 3–16.

Бастриков 1989 – Бастриков, А. В. Изменение значений слов с морально-этической семантикой в русском литературном языке XVIII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. В. Бастриков / Ленинград. гос. ун-т. – Л., 1989. – 17 с.

Бастриков 1992 – Бастриков, А. В. Роль лексической синонимии в формировании отвлеченной лексики (на материале текстов XVIII века) / А. В. Бастриков // История русского языка. Стилистика. Текст: сб. ст. / Казан. гос. ун-т; науч. ред. и сост. Г. А. Николаев. – Казань, 1992. – С. 81–89.

ББС – Большой библейский словарь / пер. с англ.; под ред. У. Элуэлла, Ф. Камфорты. – 2-е изд. – СПб.: Библия для всех, 2007. – 1503 с.

Безелянский 1998 – Безелянский, Ю. Н. Вера, Надежда, Любовь...: женские портреты / Ю. Н. Безелянский. – М.: Радуга, 1998. – 477 с.

Беларускі фальклор 2006 – Беларускі фальклор: энцыкл.: у 2 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск: Беларус. энцыкл., 2005–2006. – Т. 2. – 2006. – 828 с.

Бельчиков 2008 – Бельчиков, Ю. А. К понятию «концепт» в контексте лингвокультурологии / Ю. А. Бельчиков // Язык. Культура. Общественность: сб. науч. тр. / Моск. гос. ун-т; отв. ред. Г. Г. Молчанова. – М., 2008. – С. 116–121.

Бенвенист 1995 – Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: I. Хозяйство, семья, общество. II. Власть, право, религия / Э. Бенвенист; общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова; пер. с фр. Н. Н. Казанского [и др.]. – М.: Прогресс, Универс, 1995. – 453 с.

Бердяев 1997 – Бердяев, Н. А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России / Н. А. Бердяев. – М.: Сварог и К, 1997. – 540 с.

Бессонова 2004 – Бессонова, О. Л. Оцінний тезаурус англійської мови: модель опису / О. Л. Бессонова // Studia germanica et romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання. – 2004. – Т. 1, № 2. – С. 5–20.

Бобунова – Бобунова, М. А. Конкорданс русской народной песни: в 4 т. / М. А. Бобунова, А. Т. Хроленко. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007–2010.

Брудный 1998 – Брудный, А. А. Психологическая герменевтика: учеб. пособие / А. А. Брудный. – М.: Лабиринт, 1998. – 335 с.

Брутян 1968 – Брутян, Г. А. Гипотеза Сепира–Уорфа: лекция, прочит. в Лондон. ун-те в 1967 г. / Г. А. Брутян. – Ереван: Луис, 1968. – 66 с.

БСЭ – Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Сов. энцикл., 1969–1978.

БТСДК – Большой толковый словарь донского казачества / редкол.: В. И. Дегтярев [и др.]. – М.: Рус. слов., Астрель, АСТ, 2003. – 604 с.

Бубер 1995 – Бубер, М. Два образа веры / М. Бубер; сост.: П. С. Гуревич, С. Я. Левит; пер. с нем. М. И. Левиной [и др.]. – М.: Республика, 1995. – 463 с.

Будагов 1953 – Будагов, Р. А. Очерки по языкознанию / Р. А. Будагов. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. – 280 с.

Будагов 1963 – Будагов, Р. А. Сравнительно-семасиологические исследования (романские языки) / Р. А. Будагов. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1963. – 302 с.

Будагов, История 1971 – Будагов, Р. А. История слов в истории общества / Р. А. Будагов. – М.: Просвещение, 1971. – 270 с.

Будагов 1971 – Будагов, Р. А. Язык, история и современность / Р. А. Будагов. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1971. – 300 с.

Будагов 1976 – Будагов, Р. А. Близкородственные языки и некоторые особенности их изучения / Р. А. Будагов // Типология сходств и различий близкородственных языков: сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания, Акад. наук МССР, Ин-т яз. и лит.; редкол.: Г. В. Степанов (отв. ред.) [и др.]. – Кишинев, 1976. – С. 3–8.

Будагов 1980 – Будагов, Р. А. Филология и культура / Р. А. Будагов. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1980. – 304 с.

Будзько 2003 – Будзько, І. У. Рэлігійны слоўнік старабеларускай мовы / І. У. Будзько. – Баранавічы: Баранав. узбуйн. друк., 2003. – 259 с.

БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий / авт.-сост.: И. С. Брилева [и др.]; отв. ред. В. Н. Телия. – 2-е изд., стереотип. – М.: АСТ-Пресс книга, 2006. – 781 с.

Бялькевіч 1970 – Бялькевіч, І. К. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны / І. К. Бялькевіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1970. – 512 с.

В Минске 2008 – В Минске открылась выставка «Православная икона России, Украины и Беларуси» // Белорусские новости [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/culture/2008/09/30/ic_media_117_2339. – Дата доступа: 25.02.2009.

Варбот 2001 – Варбот, Ж. Ж. Русские диалектизмы в славянской этимологии / Ж. Ж. Варбот // Исследование славянских языков в русле традиций сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания: инф. материалы и тез. докл. Междунар. конф., Москва, 30–31 окт. 2001 г. / Моск. гос. ун-т; отв. ред.: В. П. Гудков, С. С. Скорвид. – М., 2001. – С. 19–20.

Варбот 2003 – Варбот, Ж. Ж. Диахронический аспект проблемы языковой картины мира / Ж. Ж. Варбот // Русистика на пороге XXI в.: проблемы и перспективы: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 8–10 июня 2002 г. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз; под ред. А. М. Молдована [и др.]. – М., 2003. – С. 343–347.

Васильев 1974 – Васильев, С. А. Философский анализ гипотезы лингвистической относительности / С. А. Васильев. – Киев: Наук. думка, 1974. – 135 с.

Вежбицкая 1996 – Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание: сб. / А. Вежбицкая; пер. с англ.; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз; вступ. ст. Е. В. Падучевой. – М.: Рус. слов., 1996. – 411 с.

Вежбицкая 1999 – Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая; пер. с англ. А. Д. Шмелева; под ред. Т. В. Булыгиной. – М.: Яз. рус. культуры, Кошелев, 1999. – 776 с.

Вейсман 1991 – Вейсман, А. Д. Греческо-русский словарь / А. Д. Вейсман. – Репр. 5-го изд. – М.: Изд-во Греко-лат. каб. Ю. А. Шичалина, 1991. – 1370 стлб.

Вендина 1998 – Вендина, Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т. И. Вендина; Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения, Отд. славян. языкознания. – М.: Индрик, 1998. – 236 с.

Вендина 2002 – Вендина, Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т. И. Вендина. – М.: Индрик, 2002. – 336 с.

Вендина 2003 – Вендина, Т. И. Лексика и семантика на картах Общеславянского лингвистического атласа / Т. И. Вендина // Славянское языкознание: XIII Междунар. съезд славистов, Любляна, 2003 г.: докл. рос. делегации / Рос. акад. наук, Отд-ние ист.-филол. наук, Нац. ком. славистов Рос. Федерации; отв. ред. А. М. Молдован. – М., 2003. – С. 63–83.

Вендина 2007 – Вендина, Т. И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры / Т. И. Вендина. – М.: Изд-во Ин-та славяноведения, 2007. – 334 с.

Вербинина 2008 – Вербинина, В. Путешественник из ниоткуда: роман / В. Вербинина. – М.: Эксмо, 2008. – 346 с.

Верхратский 1902 – Верхратский, І. Про говор галицких лемків / І. Верхратский. – Львів: Печатня наук. тов-ва ім. Шевченка, 1902. – 493 с.

Вильмс 1997 – Вильмс, Л. Е. Лингвокультурологическая специфика понятия «Любовь» (на материале русского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Л. Е. Вильмс. – Волгоград, 1997. – 214 с.

Вильмс 2007 – Вильмс, Л. Е. Любовь / Л. Е. Вильмс // Антология концептов / науч. ред.: В. И. Карасик, И. А. Стернин. – М.: Гнозис, 2007. – С. 102–111.

Виноградов 1977 – Виноградов, В. В. Основные типы лексических значений слова / В. В. Виноградов // Лексикология и лексикография: избр. тр. / В. В. Виноградов; Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз.; отв. ред. и авт. предисл. В. Г. Костомаров. – М., 1977. – С. 162–189.

Виноградова 2002 – Виноградова, Н. Л. Этническое взаимодействие в рамках славянской цивилизации / Н. Л. Виноградова // Восточное славянство как культурно-этническая общность: сб. науч. ст. / Волгогр. гос. техн. ун-т; редкол.: В. В. Макаров (отв. ред.) [и др.]. – Волгоград, 2002. – С. 19–22.

Вирган 2000 – Вирган, І. О. Російсько-український словник сталих виразів / І. О. Вирган, М. М. Пилинська; ред. М. Ф. Наконечний. – Харків: Прапор, 2000. – 864 с.

Волохина 1993 – Волохина, Г. А. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения / Г. А. Волохина, З. Д. Попова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1993. – 194 с.

Вольф 1985 – Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф; отв. ред. Г. В. Степанов. – М.: Наука, 1985. – 228 с.

Воркачев 1992 – Воркачев, С. Г. Моральные чувства в научном, быденном и языковом сознании: любовь, любовь ... / С. Г. Воркачев // Язык и культура: материалы Первой междунар. конф. / Укр. ин-т междунар. отношений при Киев. ун-те, Гуманитар. экумен. исслед. фонд «Рах». – Киев, 1992. – С. 46–47.

Воркачев 1995 – Воркачев, С. Г. Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремиологии / С. Г. Воркачев // Филол. науки. – 1995. – № 3. – С. 56–66.

Воркачев 2001 – Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филол. науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.

Воркачев 2003 – Воркачев, С. Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели) / С. Г. Воркачев. – Волгоград: Перемена, 2003. – 163 с.

Воркачев 2007 – Воркачев, С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – М.: Гнозис, 2007. – 284 с.

Воропаева 1994 – Воропаева, Г. С. Знаково-символічні системи культури та етнічна свідомість / Г. С. Воропаева // Язык и культура: материалы Третьей междунар. конф.: в 3 ч. / Киев. ун-т, Укр. ин-т междунар. отношений; сост. С. Б. Бураго. – Киев, 1994. – Ч. 1. – С. 87–94.

Встреча 2007 – Встреча жителей приграничья Беларуси, Украины и России пройдет под знаком веры, надежды и любви // Официальный портал Гомельского облисполкома [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: http://gomel-region.gov.by/ru/bottom_menu/news/archive?date=23_06_2007&page=1&ns_id=8144. Дата доступа: 25.02.2009.

Вуковић 1940 – Вуковић, Ј. Акценат говора Пиве и Дробњака / Ј. Вуковић // Српски дијалектолошки зборник. X. / Српска Акад. наука и уметности, Ин-т за српски језик – Београд: Изд. Акад. наука и уметности, 1940. – 458 р.

Выготский 1999 – Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – 5-е изд., испр. – М.: Лабиринт, 1999. – 350 с.

Вышеславцев 1990 – Вышеславцев, Б. П. Сердце в христианской и индийской мистике / Б. П. Вышеславцев // Вопр. философии. – 1990. – № 4. – С. 62–87.

Гамкрелидзе 1976 – Гамкрелидзе, Т. В. «Принцип дополнительности» и проблема произвольности языкового знака / Т. В. Гамкрелидзе. – Тбилиси: Мецниереба, 1976. – 16 с.

Гамкрелидзе 1984 – Гамкрелидзе, Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы = Indo-European and the Indo-Europeans: реконструкция и ист.-типол. анализ праязыка и протокультуры: в 2 ч. / Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. – Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984. – Ч. 2. – 888 с.

Герасимович 2009 – Герасимович, О. В. Диахронический рисунок лексем *вера/віра* в белорусском и украинском языках / О. В. Герасимович // Беларуская мова ў культурнай і моўнай прасторы Славiі: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 24–25 лістап. 2009 г. / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ.; рэдкал.: М. П. Антропаў (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2009. – С. 159–164.

Герасимович, Лексикографическая интерпретация 2009 – Герасимович, О. В. Лексикографическая интерпретация лексемы *вера* в русском языке / О. В. Герасимович // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. тр. / Гродн. гос. ун-т; отв. ред.: Л. В. Рычкова, И. А. Усаченко. – Гродно, 2009. – С. 104–107.

Герасимович 2010 – Герасимович, О. В. Духовные наименования в русских диалектных словарях / О. В. Герасимович // Содружество наук. Барановичи–2010: тез. докл. VI Междунар. науч.-практ. конф. молодых исследователей, Барановичи, 19–20 мая 2010 г.: в 2 ч. / редкол.: А. В. Никишова (гл. ред.) [и др.], Ю. В. Башкирова (отв. ред.). – Барановичи, 2010. – Ч. 2. – С. 158–159.

Герасимович, О некоторых значениях 2010 – Герасимович, О. В. О некоторых значениях восточнославянского *вера* / О. В. Герасимович // Грані роднага слова: зб. мовазнаўч. навук. арт. (да 80-год. праф. П. У. Сцяцко) / Гродз. дзярж. ун-т; рэдкал.: М. А. Даніловіч (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродна, 2010. – С. 110–116.

Герасимович, Отражение 2010 – Герасимович, О. В. Отражение абстрактных лексем *вера, надежда, любовь* в диалектных словарях белорусского и украинского языков / О. В. Герасимович // Надзённыя праблемы лексікалогіі і анамастыкі славянскіх моў: матэрыялы II Міжнар. навук. канф., Мазыр, 22–23 крас. 2010 г. / Мазыр. дзярж. пед. ун-т; рэдкал.: В. В. Шур (адк. рэд.) [і інш.]. – Мазыр, 2010. – С. 52–55.

Герасимович, Символизм 2010 – Герасимович, О. В. Символизм компонентов формулы «вера, надежда, любовь» / О. В. Герасимович // Мир языков: ракурс и перспектива: материалы I Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22 апр. 2010 г. / Белорус. гос. ун-т; под ред. Н. Н. Нижневой. – Минск, 2010. – С. 129–133.

Герасимович, Триада 2010 – Герасимович, О. В. Триада «вера, надежда, любовь» в русских говорах / О. В. Герасимович // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та імя І. П. Шамякіна. – 2010. – № 1. – С. 78–82.

Герасімовіч 2010 – Герасімовіч, В. В. Аксіялагічнае паняцце «надзея» ва ўсходнеславянскіх мовах / В. В. Герасімовіч // Роднае слова. – 2010. – № 2. – С. 46–49.

Герасимович 2011 – Герасимович, О. В. Общее и особенное в понятии «надежды» в белорусском и русском языках / О. В. Герасимович // Тыпалогія ўзаемасувязей беларускай і рускай моў і праблемы нацыянальнай самаідэнтыфікацыі: матэрыялы II Міжнар. навук. канф., Мінск,

19–20 крас. 2011 г. / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ.; рэдкал.: В. М. Нікалаева (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2011. – С. 80–85.

Геров – Геров, Н. Речник на българския език: в 5 ч. / Н. Геров. – Пловдив: Съгласие, 1895–1904.

Гибсон 2007 – Гибсон, К. Символы, знаки, эмблемы, мифы в материальной и духовной культуре / К. Гибсон. – М.: Эксмо, 2007. – 159 с.

Гладчанка 2008 – Гладчанка, В. В. Аб вытоках абстрактнай семантыкі праславянскага **nadedja* / В. В. Гладчанка // Дыялекталогія і гісторыя беларускай мовы: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 15–16 крас. 2008 г. / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ.; навук. рэд.: Л. П. Кунцэвіч, Н. В. Паляшчук. – Мінск, 2008. – С. 249–252.

Гладчанка, Абстрэма 2008 – Гладчанка, В. В. Абстрэма *вера* ў дыяхранічным аспекце (на матэрыяле беларускай і рускай моў) / В. В. Гладчанка // Беларуская лінгвістыка / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ.; рэдкал.: А. А. Лукашанец (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2008. – Вып. 61. – С. 101–109.

Гладчанка, Вера 2008 – Гладчанка, В. В. Вера ‘ліра’ (да праблемы тыпалогіі семантычных зрухаў) / В. В. Гладчанка // Беларуская лінгвістыка. – 2008. – Вып. 62. – С. 158–160.

Гладченко 2008 – Гладченко, О. В. О скрытой семантике некоторых «любовных» фразеологизмов / О. В. Гладченко // Скарына і наш час: матэрыялы IV Міжнар. навук. канф., Гомель, 13–14 лістап. 2008 г.: у 2 ч. / Гомел. дзярж. ун-т; рэдкал.: А. А. Станкевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Гомель, 2008. – Ч. 1. – С. 331–335.

Гладченко 2009 – Гладченко, О. В. «Договорная основа любви» / О. В. Гладченко // Язык и социум: материалы VIII Междунар. науч. конф., Минск, 5–6 дек. 2008 г.: в 2 ч. / Респ. ин-т высш. шк.; под общ. ред. Л. Н. Чумак. – Минск, 2009. – Ч. 2. – С. 8–11.

Гладченко, Любовные «присушки» 2009 – Гладченко, О. В. Любовные «присушки» в свете народной и научной этимологий / О. В. Гладченко // Каб жыло наша слова: матэрыялы Міжнар. навук. канф., прысвеч. 90-годдзю з дня нараджэння праф. Ф. М. Янкоўскага, Брэст, 23–24 кастр. 2008 г. / Брэст. дзярж. ун-т; пад рэд. М. І. Новік. – Брэст, 2009. – С. 251–253.

Гладченко 2010 – Гладченко, О. В. Формула «вера–надежда–любовь» сквозь призму иконичности / О. В. Гладченко // Молодежь в науке – 2009: прил. к журн. «Вес. Нац. акад. навук Беларусі», Минск, 21–24 апр. 2010 г.: в 5 ч. Сер. гуманит. наук / редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2010. – Ч. 2. – С. 281–286.

Гончарова 2002 – Гончарова, Т. В. О некоторых аспектах изучения русской национальной личности в рамках лингвокультурологии / Т. В. Гончарова // Антропоцентризм современной лингвистической ситуации: сб. ст. / Липец. гос. пед. ун-т; редкол.: Е. А. Попова (отв. ред.) [и др.]. – Липецк, 2002. – С. 28–45.

Гордон 1988 – Гордон, Я. И. Вера. Надежда. Любовь: лирика / Я. И. Гордон. – Душанбе: Дониш, 1988. – 131 с.

Горский 1961 – Горский, Д. П. Вопросы абстракции и образование понятий / Д. П. Горский; Акад. наук СССР, Ин-т философии. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 351 с.

Градов 1994 – Градов, П. М. Вера. Надежда. Любовь: стихи / П. М. Градов. – М.: Книга, 1994. – 128 с.

Гринберг 1970 – Гринберг, Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов / Дж. Гринберг // Новое в лингвистике: сб. ст. / общ. ред. Б. А. Успенского. – М., 1970. – Вып. 5: Языковые универсалии. – С. 114–162.

Гринченко – Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина»: в 4 т. / ред. с добавлением собств. материалов Б. Д. Гринченко. – Киев: Друк. акційн. т-ва Н. Т. Корчак-Новицького, 1907–1909.

Грузберг 1974 – Грузберг, А. А. Частотный словарь русского языка второй половины XVI – начала XVII века / А. А. Грузберг. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ин-та, 1974. – 462 с.

Груцо 1976 – Груцо, А. П. Лексическое гнездо с существительным *вера* в качестве основного слова в древнерусском и старобелорусском языках / А. П. Груцо // Русско-белорусские языковые связи: сб. науч. тр. / Мин. пед. ин-т; ред. совет М. Г. Булахов [и др.]. – Минск, 1976. – С. 22–48.

ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы: у 28 вып. / Акад. наук БССР, Ін-т мовазнаўства; пад рэд. А. М. Булыкі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982–2008.

Гудавичюс 1998 – Гудавичюс, А. Аксиологический аспект лексической семантики / А. Гудавичюс // Проблемы семантического описания единиц языка и речи: материалы докл. Междунар. конф., посвящ. 50-летию МГЛУ, Минск, 10–12 нояб. 1998 г.: в 2 ч. / Мин. гос. лингвист. ун-т; редкол.: Н. П. Баранова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 1998. – Ч. 1. – С. 12–13.

Гумбольдт 1984 – Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт; пер. с нем., под ред. Г. В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.

Гумбольдт 1985 – Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры / В. Фон Гумбольдт; пер. с нем.; сост., общ. ред. А. В. Гулыги, Г. В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.

Гуревич 1984 – Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.

Гуц. гов. 1977 – Гуцульські говірки: короткий словник / НАН України, Ін-т українознавства; відповід. ред. Я. Закревська. – Львів: Вид-во НАН України, 1977. – 232 с.

Даль – Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль; под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф, 1903–1909.

Даль 2008 – Даль, В. И. Пословицы, поговорки и присловья русского народа / В. И. Даль. – М.: Эксмо, 2008. – 895 с.

Данькова 2000 – Данькова, Т. И. Концепт «любовь» и его словесное воплощение в индивидуальном стиле А. Ахматовой: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т. И. Данькова. – Воронеж, 2000. – 214 с.

Дашиева 1999 – Дашиева, Б. В. Концепт образ мира в языковом сознании русских, бурят и англичан (национально-культурный аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Б. В. Дашиева / Моск. гос. лингв. ун-т. – М., 1999. – 24 с.

Дворецкий 2003 – Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – М.: Рус. яз., Медиа, 2003. – 845 с.

День 2008 – День покровителя интернета – 4 апреля // Путешествия по стране. Беларусь, история, фотографии природы Беларуси [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://www.mytravel.by/den-pokrovityela-interneta-4-aprelya>. – Дата доступа: 25.02.2009.

Деулинский словарь 1969 – Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязан. р-на Рязан. обл.) / сост.: Г. А. Баринаова [и др.]; под ред. И. А. Оссовецкого. – М.: Наука, 1969. – 612 с.

Дилакторский 2006 – Словарь областного вологодского наречия: по рукоп. П. А. Дилакторского 1902 г. / А. И. Левичкин, С. А. Мызников; Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. – Репр. изд. – СПб.: Наука, 2006. – 677 с.

Добровольский 1914 – Добровольский, В. Н. Смоленский областной словарь / В. Н. Добровольский. – Смоленск: Тип. П. А. Силина, 1914. – 1022 с.

Добродомов 2006 – Добродомов, И. Г. Словари и историко-этимологические изыскания / И. Г. Добродомов // Ad fontes verborum: исслед. по этимологии и ист. семантике: к 70-летию Ж. Ж. Варбот / редкол.: А. Ф. Журавлев (отв. ред.) [и др.]; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М., 2006. – С. 132–139.

Дронова 2005 – Дронова, Л. П. История становления общеоценочной лексики русского языка: семантика положительной оценки / Л. П. Дронова // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте / Том. гос. у-т; Л. П. Дронова [и др.]; отв. ред. З. И. Резанова. – Томск, 2005. – С. 13–110.

Дьяченко – Дьяченко, Г., протоиерей. Вера, надежда, любовь: катехизические поучения: в 3 т. / Г. Дьяченко, протоиерей. – М.: Дон. монастырь, АРП Инт. Ко, 1993.

Дьяченко 1993 – Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древне-русских слов и выражений): пособие / сост. Г. Дьяченко. – М.: Изд. отд. Моск. Патриархата, 1993. – 1120 с.

Дэже 1985 – Дэже, Л. Украинская лексика. Сер. XVI века: Няговские поучения (словарь и анализ) / Л. Дэже. – Дебрецен: Kossuth Lajos Tudományegyetem, 1985. – 525 с.

Евгеньева 2001 – Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Астрель, АСТ, 2001. – Т. 1: А–Н. – 680 с.

Ершов 1970 – Ершов, Н. М. Вера, Надежда, Любовь: роман / Н. М. Ершов. – 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 1970. – 254 с.

ЕСУМ – Етимологічний словник української мови: в 7 т. / склад.: Р. В. Болдирев [та ін.]; редкол.: О. С. Мельничук (голов. ред.) [та ін.]. – Київ: Наук. думка, 1982–2006.

Етнографічний збірник 1910 – Етнографічний збірник / Етногр. коміс. Наук. т-ва ім. Шевченка. – Львів: Вид-во Наук. т-ва ім. Шевченка, 1895–1916. – Т. 27: Галицько-руські народні приповідки / збір., упоряд. і поясн. І. Франко, т. 2. – 1910. – 612 с.

Жилинская 2005 – Жилинская, И. А. Восточнославянские заговоры: пространство, время, цвет / И. А. Жилинская; под науч. ред. П. П. Шубы. – Минск: Изд-во Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. – 171 с.

Жук 2007 – Жук, М. И. Концепты «вера», «надежда», «любовь» в идиостиле Булата Окуджавы: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М. И. Жук. – Владивосток, 2007. – 278 с.

Журавлев 1999 – Журавлев, А. Ф. Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики / А. Ф. Журавлев // Славянское и балканское языкознание: проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры: сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения; редкол.: Н. И. Толстой [и др.]. – М., 1999. – С. 7–32.

Журавлев 2003 – Журавлев, А. Ф. Диалектный словарь и культурные реконструкции / А. Ф. Журавлев // Славянское языкознание: XIII Междунар. съезд славистов, Любляна, 2003 г.: докл. рос. делегации / Рос. акад. наук, Отд-ние ист.-филол. наук, Нац. ком. славистов Рос. Федерации; редкол.: А. М. Молдован (отв. ред.) [и др.]. – М., 2003. – С. 177–189.

Замовы 2000 – Замовы / уклад., систэм. тэкстаў, уступ. арт. і камент. Г. А. Барташэвіч; рэдкал.: А. С. Фядосік (гал. рэд.) [і інш.]. – 2-е выд. – Мінск: Беларус. навука, 2000. – 595 с.

Звегинцев 1957 – Звегинцев, В. А. Семасиология / В. А. Звегинцев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. – 322 с.

Звегинцев 1960 – Звегинцев, В. А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира–Уорфа / В. А. Звегинцев // Новое в лингвистике: сб. ст. / сост., ред. В. А. Звегинцев. – М., 1960. – Вып. 1. – С. 111–134.

Ильин 1993 – Ильин, И. А. Путь к очевидности / И. А. Ильин; сост.: П. В. Алексеев, В. И. Кураев. – М.: Республика, 1993. – 431 с.

Иоанн Лествичник 2005 – Иоанн Лествичник. Лествица, возводящая на небо преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы / Иоанн Лествичник. – М.: Даръ, 2005. – 541 с.

Кабанова 2005 – Кabanова, Н. Функционирование устойчивого словесного комплекса «вера, надежда, любовь и софия» в славянских языках» / Н. Кабанова // Rossica Olomucensia / Katedra Slavistiky na Filoz. Fak. Univ. Palackeho. – Olomouc, 2005. – Roč. XLIV, č. 2. – S. 751–755.

Казакевич 2007 – Казакевич, А. Н. Символы Русской православной церкви / А. Н. Казакевич. – М.: Олма Медиа Групп, 2007. – 447 с.

Казнина 2004 – Казнина, Е. Б. Концепт «вера» в диалогическом христианском дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е. Б. Казнина. – М., 2004. – 249 с.

Какабадзе 1986 – Какабадзе, Л. В. Лексико-семантическое поле понятия «любовь» в современном французском и грузинском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Л. В. Какабадзе / Тбилис. гос. ун-т. – М., 1986. – 21 с.

Карасик 1996 – Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. / Волгогр. гос. пед. ун-т, Помор. междунар. пед. ун-т; науч. ред. В. И. Карасик. – Волгоград; Архангельск, 1996. – С. 3–16.

Караулов 1987 – Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов; отв. ред. Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1987. – 261 с.

Караулов 2006 – Караулов, Ю. Н. «Славянская идея» / Ю. Н. Караулов, Н. В. Уфимцева // Слово в словаре и дискурсе: сб. науч. ст. к 50-летию Х. Вальтера / Поморск. гос. ун-т; науч. ред. А. Бирих, Т. В. Володина. – М., 2006. – С. 102–113.

Касарес 1958 – Касарес, Х. Введение в современную лексикографию / Х. Касарес; пер. с исп. Н. Д. Арутюновой; ред., предисл. и примеч. Г. В. Степанова. – М.: Изд-во Иностран. лит., 1958. – 354 с.

Каштанова 1997 – Каштанова, Е. Е. Лингвокультурологические основания русского концепта «любовь» (аспектный анализ): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е. Е. Каштанова. – Екатеринбург, 1997. – 231 с.

Керлот 1994 – Керлот, Х. Э. Словарь символов / Х. Э. Керлот; пер.: Н. А. Богун [и др.]. – М.: REFL-book, 1994. – 603 с.

Кибрик 2001 – Кибрик, А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания: универсальное, типовое и специфическое в языке / А. Е. Кибрик. – 2-е изд. – М.: УРСС, 2001. – 332 с.

Кирильченко 1979 – Кирильченко, Н. Т. Вера, надежда, любовь: для солиста и смешанного хора в сопровождении фортепиано / Н. Т. Кирильченко; слова В. Семернина // Хоры советских композиторов в сопровождении фортепиано / сост.: Б. Тевлин. – М., 1969. – Вып. 11. – 1979. – С. 21–24.

Киселева 2004 – Киселева, Е. В. Лексемы *любовь* и *love*: модели лексикографической интерпретации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Е. В. Киселева; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург, 2004. – 22 с.

Клопова 1986 – Клопова, Е. С. Способы синтаксической дифференциации членов сочинительного ряда: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е. С. Клопова; Моск. гос. пед. ин-т. – М., 1986. – 16 с.

Ключевский 1990 – Ключевский, В. О. Сочинения: в 9 т. / В. О. Ключевский; под ред. В. Л. Янина. – М.: Мысль, 1987–1990. – Т. 6: Специальные курсы. – 1990. – 476 с.

Кобозева 2000 – Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 350 с.

Кобякова 2004 – Кобякова, Т. И. Концепты духовности в русской языковой картине мира: лингвокультурол. словарь / Т. И. Кобякова; под ред. Л. Г. Саяховой. – Уфа: Изд-во Башк. гос. ун-та, 2004. – 158 с.

Ковалев 1940 – Ковалев, П. К. Функции глагольных префиксов в русском литературном языке / П. К. Ковалев // Рус. яз. в шк. – 1940. – № 4. – С. 36–38.

Кожамкулова 1988 – Кожамкулова, Р. С. Семантика глагола с приставкой *при-* (Приставочные значения в соответствии со словообразовательными значениями глагола с приставкой *при-*) / Р. С. Кожамкулова // Взаимодействие грамматики и стилистики текста: сб. науч. тр. / Каз. гос. ун-т; редкол.: В. А. Исенгалиева (науч. ред.) [и др.]. – Алма-Ата, 1988. – С. 82–87.

Кожина 1999 – Кожина, А. А. Интровертированный образ мира в текстах Кирилла Туровского / А. А. Кожина. – Минск: Белорус. гос. ун-т, 1999. – 201 с.

Колесов 1987 – Колесов, В. В. Любы и любовь / В. В. Колесов // Исследования по древней и новой литературе: сб. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. лит.; редкол.: Л. А. Дмитриев (отв. ред.) [и др.]. – Л., 1987. – С. 266–272.

Колесов 1989 – Колесов, В. В. Древнерусский литературный язык / В. В. Колесов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 294 с.

Колесов 2001 – Колесов, В. В. Древняя Русь: наследие в слове: в 5 кн. / В. В. Колесов. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2001–2004. – Кн. 2: Добро и зло. – 2001. – 304 с.

Колесов 2004 – Колесов, В. В. Слово и дело: из истории русских слов / В. В. Колесов. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. – 702 с.

Колшанский 1976 – Колшанский, Г. В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте / Г. В. Колшанский // Принципы и методы семантических исследований: сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания; редкол.: В. Н. Ярцева (отв. ред.) [и др.]. – М., 1976. – С. 5–31.

Колшанский 1990 – Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. А. М. Шахнарович. – М.: Наука, 1990. – 103 с.

Коляда 2003 – Коляда, Е. И. Музыкальные инструменты в Библии = Musical instruments in the Bible: энцикл. / Е. И. Коляда; Рос. акад. наук, Отд-ние лит. и яз., Ин-т пер. Библии. – М.: Композитор, 2003. – 399 с.

Комлев 1969 – Комлев, Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова / Н. Г. Комлев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 192 с.

Конан 2009 – Конан, У. М. Выбранае / У. М. Конан; уклад., прадм.: М. А. Козенка. – Мінск: Смэлтак, 2009. – 535 с.

Кондаков 1971 – Кондаков, Н. И. Логический словарь / Н. И. Кондаков; Акад. наук СССР; отв. ред. Д. П. Горский. – М.: Наука, 1971. – 638 с.

Коновалов 1983 – Коновалов, Ю. Г. Образование префиксальных глаголов с финитивным значением в современном русском языке / Ю. Г. Коновалов // Филол. науки. – 1983. – № 3. – С. 78–81.

Копорская 1988 – Копорская, Е. С. Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени / Е. С. Копорская; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1988. – 231 с.

Косериу 2001 – Косериу, Э. Синхрония, диахрония и история: проблема языкового изменения / Э. Косериу; пер. с исп. И. А. Мельчука. – 2-е изд., стер. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 204 с.

Косиков 1993 – Косиков, Г. К. Два пути французского постромантизма: символисты и Лотреамон / Г. К. Косиков // Поэзия французского символизма. Песни Мальдорора: сб. / сост., общ. ред. Г. К. Косикова. – М., 1993. – С. 5–62.

Кронгауз 1998 – Кронгауз, М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика / М. А. Кронгауз. – М.: Яз. рус. культуры, Кошелев, 1998. – 286 с.

Кругликова 2004 – Кругликова, Е. А. Диахронные и синхронные описания концепта «надежда» в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е. А. Кругликова. – Красноярск, 2004. – 186 с.

Круглов 1996 – Круглов, В. М. К проблеме семантического развития «культурных слов» / В. М. Круглов // Лингвистические исследования, 1995: лексикология, лексикография, грамматика: сб. науч. тр. / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; редкол.: А. П. Сытов (отв. ред.) [и др.]. – СПб., 1996. – С. 54–61.

Кубрякова 1988 – Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б. А. Серебренников [и др.]; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. Б. А. Серебренников. – М., 1988. – С. 141–172.

Кубрякова 1993 – Кубрякова, Е. С. Возвращаясь к определению знака / Е. С. Кубрякова // Вopr. языкознания. – 1993. – № 4. – С. 18–28.

Кубрякова 2004 – Кубрякова, Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М.: Яз. славян. культуры, Кошелев, 2004. – 555 с.

Кулагина 1999 – Кулагина, Н. В. Символ как средство мировосприятия и миропонимания: учеб. пособие / Н. В. Кулагина; Акад. пед. и социал. наук, Моск. психол.-социал. ин-т. – М.; Воронеж, 1999. – 75 с.

Куликова 1998 – Куликова, И. С. Ментальные глаголы *веровать*, *разуметь*, *знать* в миссионерском варианте Евангелия / И. С. Куликова, Д. В. Салмина // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века: сб. ст. в честь проф. С. Г. Ильенко / Рос. гос. пед. ун-т, С.-Петерб. гос. ун-т; редкол.: В. Д. Черняк (отв. ред.) [и др.]. – СПб., 1998. – С. 213–225.

Куликовский 1898 – Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении / сост. Г. Куликовский. – СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1898. – 151 с.

Купина 1999 – Купина, Н. А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры / Н. А. Купина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 175 с.

Лайонз 1978 – Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз, пер. с англ.; под ред. В. А. Звегинцева. – М.: Прогресс, 1978. – 543 с.

Лаптенюк 1999 – Лаптенюк, А. С. Нравственная культура общества: преемственность и новации / А. С. Лаптенюк. – Минск: НИО, 1999. – 202 с.

Ларин 1977 – Ларин, Б. А. История русского языка и общее языкознание: избр. работы: учеб. пособие / Б. А. Ларин. – М.: Просвещение, 1977. – 224 с.

Лассан 2004 – Лассан, Э. Р. Надежда – этический концепт? / Э. Р. Лассан // Этика и социология текста: сб. ст. / подгот. и ред. Р. М. Байрамуков [и др.] – СПб.; Ставрополь, 2004. – С. 242–249.

Лебедев 2008 – Лебедев, М. В. Стабильность языкового значения / М. В. Лебедев. – 2-е изд. – М.: URSS, ЛКИ, 2008. – 167 с.

Леонтьев 1996 – Леонтьев, Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции / Д. А. Леонтьев // Вопр. философии. – 1996. – № 4. – С. 15–26.

Лепешаў 1981 – Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск: Нар. асвета, 1981. – 160 с.

Лисенко 1974 – Лисенко, П. С. Словник поліських говорів / П. С. Лисенко; Акад. наук УРСР, Ін-т мовознавства; відп. ред. Т. К. Черторизька. – Київ: Наук. думка, 1974. – 260 с.

Лихачев 1995 – Лихачев, Б. Т. Философия воспитания: спец. курс: учеб. пособие / Б. Т. Лихачев. – М.: Прометей, 1995. – 282 с.

Логвинов 2002 – Логвинов, М. И. «Эволюционно-семиотический ряд» концепта «Вера» и его имажинативный статус в художественном дискурсе Ф. М. Достоевского / М. И. Логвинов // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания: сб. науч. тр. / Волгогр. соц.-пед. колледж; под ред. Н. А. Красавского. – Волгоград, 2002. – С. 69–76.

Лук 1982 – Лук, А. Н. Эмоции и личность / А. Н. Лук. – М.: Знание, 1982. – 176 с.

Лукьянова 1986 – Лукьянова, Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики / Н. А. Лукьянова; Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии; отв. ред. А. И. Федоров. – Новосибирск: Наука, 1986. – 230 с.

Лукьянова 2004 – Лукьянова, Н. А. Введение в русистику: учеб. пособие / Н. А. Лукьянова; Новосиб. гос. ун-т. – 3-е изд., испр. и доп. – Новосибирск, 2004. – 218 с.

Львов 1966 – Львов, А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности / А. С. Львов. – М.: Наука, 1966. – 320 с.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева (гл. ред.). – М.: Сов. энцикл., 1990. – 685 с.

Мажэйка 2006 – Мажэйка, Н. С. Частотны слоўнік беларускай мовы / Н. С. Мажэйка, А. Я. Супрун. – Мінск: Зоркі гор, 2006. – 658 с.

Маковский 1997 – Маковский, М. М. Язык, миф, культура: символы жизни / М. М. Маковский // *Вопр. языкознания*. – 1997. – № 1. – С. 73–95.

Маковский 1999 – Маковский, М. М. Историко-этимологический словарь современного английского языка. Слово в зеркале человеческой культуры / М. М. Маковский. – М.: Диалог, 1999. – 416 с.

Малевиц 1906 – Малевиц, С. Белорусский нищенский «Лазарь» / С. Малевиц // *Живая старина*. – 1906. – Вып. 2. – С. 109–114.

Манаенкова 1989 – Манаенкова, А. Ф. Словарь русских говоров Белоруссии: Ветковский и Добрушский районы Гомельской области / А. Ф. Манаенкова. – Минск: Университетское, 1989. – 231 с.

Маркелова 1995 – Маркелова, Т. В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке / Т. В. Маркелова // *Филол. науки*. – 1995. – № 3. – С. 67–79.

Маркова 2007 – Маркова, Е. М. Типология семантических трансформаций праславянской лексики и ее отражение в русском языке / Е. М. Маркова. – М.: Изд-во Моск. гос. обл. ун-та, 2007. – 254 с.

Марр 1936 – Марр, Н. Я. Избранные работы: в 5 т. / Н. Я. Марр; Акад. наук СССР, Гос. акад. истории материальной культуры; предисл.: В. Аптекаръ. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1933–1937. – Т. 2: Основные вопросы языкознания. – 1936. – 524 с.

Мартінек 2007 – Мартінек, С. В. Український асоціативний словник: в 2 т. – Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2007. – Т. 1: Від стимулу до реакції. – 344 с.

Маслова 2001 – Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие / В. А. Маслова. – М.: Academia, 2001. – 202 с.

Мат. Маг. 2005 – Матэрыялы да абласнога слоўніка Магілёўшчыны / М. В. Абабурка [і інш.]. – Магілёў: Выд-ва Магіл. дзярж. ун-та, 2005. – Вып. 2. – 86 с.

Мельникова 2007 – Мельникова, И. Формула одиночества: роман / И. Мельникова. – М.: Эксмо, 2007. – 378 с.

Мечковская 1998 – Мечковская, Н. Б. Язык и религия: лекции по филологии и истории религий: учеб. пособие / Н. Б. Мечковская. – М.: Гранд, Фаир, 1998. – 349 с.

Минина 1995 – Минина, М. А. Психолингвистический анализ семантики оценки (на материале глаголов движения): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М. А. Минина; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М., 1995. – 22 с.

Мирошников 2007 – Мирошников, Ю. И. Аксиология: концепция эмотивизма / Ю. И. Мирошников; Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Ин-т философии и права. – Екатеринбург: ИФП УрО РАН, 2007. – 160 с.

Мифы 2006 – Мифы народов мира: энцикл. слов. / авт.-сост. М. В. Адамчик. – М.: АСТ; Минск: Харвест, 2006. – 767 с.

Мифы 2008 – Мифы народов мира: энцикл.: в 2 т. / под ред. С. А. Токарева. – Репр. изд. 1987 г. – М.: Большая рос. энцикл.: Дрофа, 2008. – Т. 2: К–Я. – 719 с.

Михальченко 2009 – Михальченко, М. Структурні особливості категорії оцінки / М. Михальченко // Семантика мови тексту: матеріали Х Міжнар. наук.-практ. конф., Івано-Франківськ, 21–23 верес. 2009 р.: у 2 ч. / Прикарп. нац. ун-т, Ін-т філології. – Івано-Франківськ, 2009. – Ч. 2. – С. 217–219.

Мищенко 1971 – Мищенко, Д. О. Віра, надія, любов: повість, оповідання / Д. О. Мищенко. – Київ: Молодь, 1971. – 200 с.

Мокиенко 1999 – Мокиенко, В. М. В глубь поговорки: рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений / В. М. Мокиенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: МиМ, Паритет, 1999. – 221 с.

Мошина 2005 – Мошина, Е. А. Сопоставительный анализ способов объективации концептов «надежда» и «горе» в русской и английской языковых картинах мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Е. А. Мошина. – Кемерово, 2005. – 179 с.

Музыкальная энциклопедия 1976 – Музыкальная энциклопедия: в 6 т. / Ю. В. Келдыш (гл. ред.). – М.: Сов. энцикл.: Сов. композитор, 1973–1982. – Т. 3. – 1976. – 1104 стб.

Мурьянов 2007 – Мурьянов, М. Ф. История книжной культуры России: очерки: в 2 ч. / М. Ф. Мурьянов; Рос. гос. б-ка. – СПб.: Мирь, 2007. – Ч. 1. – 620 с.

Мячикова 2001 – Мячикова, И. И. Проблема реконструкции значения символа / И. И. Мячикова, О. Г. Жевняк // Символы в контексте культуры: сб. науч. ст. / Беларус. гос. ун-т; редкол.: Э. К. Дорошевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2001. – С. 35–42.

Назина 1982 – Назина, И. Д. Белорусские народные музыкальные инструменты: струнные / И. Д. Назина. – Минск: Наука и техника, 1982. – 120 с.

Нар. Гом. 1983 – Народная лексика Гомельщины ў фальклоры і мастацкай літаратуры: слоўн. / У. В. Анічэнка [і інш.]; пад рэд. У. В. Анічэнкі. – Мінск: Выд-ва Беларус. дзярж. ун-та, 1983. – 174 с.

Насовіч 1983 – Насовіч, І. І. Слоўнік беларускай мовы / І. І. Насовіч. – Мінск: Беларус. сав. энцыкл., 1983. – 778 с.

Небжеговска 2001 – Небжеговска, С. Этнолингвистика в Люблине / С. Небжеговска // Язык и культура. Проблемы современной этнолингвистики: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 2–4 нояб. 2000 г. / Мин. гос. лингвист. ун-т; науч. ред. И. И. Токарева. – Минск, 2001. – С. 22–28.

Негрич 2008 – Негрич, М. Скарби гуцульського говору: Березові: словник / М. Негрич; НАН України, Ін-т українознавства. – Львів: Вид-во Ін-та українознавства, 2008. – 224 с.

Нещименко 2007 – Нещименко, Г. П. О некоторых аспектах сопоставительного изучения близкородственных языков / Г. П. Нещименко //

Язык и действительность: сб. науч. тр. памяти В. Г. Гака / Моск. гос. ун-т; редкол.: С. Г. Тер-Минасова (пред.) [и др.]. – М., 2007. – С. 250–258.

Никитевич 1960 – Никитевич, В. М. К вопросу о категории оценки в русском языке / В. М. Никитевич // Научные доклады высшей школы. Филол. науки. – 1960. – Вып. 3. – С. 81–91.

Норман 1970 – Норман, Б. Ю. Гипотеза Сэпира–Уорфа и белорусско-русский дифференциально-семантический словарь / Б. Ю. Норман // Актуальные проблемы лексикологии: тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф., Минск, 17–20 июня 1970 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: А. Е. Супрун (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 1970. – С. 158–159.

НФС – Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А. А. Грицанов. – Минск: Интерпрессервис, Кн. дом, 2001. – 1279 с.

Общая психология 1981 – Общая психология: учеб. пособие / В. В. Богословский [и др.]; под ред. В. В. Богословского, А. Г. Ковалева, А. А. Степанова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1981. – 383 с.

Ожегов 1975 – Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Сов. энцикл., 1975. – 846 с.

Ожегов 1982 – Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 14-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1982. – 816 с.

Ольшанский 1998 – Ольшанский, И. Г. **Этно(психо)семантика и национально-культурное своеобразие языков** / И. Г. Ольшанский // Проблемы этносемантики: сб. науч.-аналит. обзоров / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам; отв. ред. и сост. А. М. Кузнецов. – М., 1998. – С. 21–65.

Онишкевич 1984 – Онишкевич, М. Й. Словник бойківських говірок: в 2 ч. / М. Й. Онишкевич. – Київ: Наук. думка, 1984. – Ч. 1: А–Н. – 496 с.

Опыт 1852 – Опыт областного великорусского словаря, изданный вторым отделением Императорской Академии наук / ред. А. Х. Востоков. – СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1852. – 275 с.

Осташова 2004 – Осташова, Н. В. Символ креста в истории культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Н. В. Осташова; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2004. – 24 с.

Островой 1971 – Островой, С. Г. Вера, Надежда, Любовь / С. Г. Островой. – М.: Сов. писатель, 1971. – 191 с.

Отин 2006 – Отин, Е. С. Словарь коннотативных собственных имен / Е. С. Отин. – М.; Донецк: А Темп, 2006. – 435 с.

Перебейнос 1962 – Перебейнос, В. И. Об использовании структурных методов для разграничения многозначного глагола / В. И. Перебейнос // Вопр. языкознания. – 1962. – № 3. – С. 56–61.

Перфильева 2001 – Перфильева, С. Ю. Теоретико-экспериментальное исследование слов-названий эмоций и их функционирование: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / С. Ю. Перфильева. – М., 2001. – 170 с.

Пирс 2000 – Пирс, Ч. С. Логические основания теории знаков / Ч. С. Пирс; пер. с англ. В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина. – СПб.: Алетейя, 2000. – 349 с.

Піпаш 2005 – Піпаш, Ю. О. Матеріали до словника гуцульських говірок (Косівська Поляна і Росішка Рахівського району Закарпатської області) / Ю. О. Піпаш, Б. К. Галас. – Ужгород: Графіка, 2005. – 266 с.

Плотникова 2000 – Плотникова, А. А. Словари и народная культура: очерки славян. лексикографии / А. А. Плотникова; Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. – М.: Изд-во Ин-та славяноведения, 2000. – 208 с.

Покровский 1895 – Покровский, М. М. Семасиологические исследования в области древних языков / М. М. Покровский. – М.: Унив. тип., 1895. – 124 с.

Полесские заговоры 2003 – Полесские заговоры: в записях 1970–1990-х гг.: сб. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения; сост., подгот. текстов и коммент. Т. А. Агапкиной [и др.]. – М.: Индрик, 2003. – 751 с.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными / редкол.: Б. А. Ларин [и др.]. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1967. – Вып. 3: Взяться / сост. И. Т. Гомонов, К. А. Гомонова; ред. С. М. Глускина, Л. А. Ивашко. – 1976. – 180 с.

Посох 1975 – Посох, А. В. Компонентный анализ семантики / А. В. Посох // *Методы изучения лексики* / А. Е. Супрун [и др.]; под ред. А. Е. Супруна. – Минск, 1975. – С. 38–47.

Постовалова 1988 – Постовалова, В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б. А. Серебренников [и др.]; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. Б. А. Серебренников. – М., 1988. – С. 8–69.

Постовалова 1999 – Постовалова, В. И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы / В. И. Постовалова // *Фразеология в контексте культуры*: сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания, Проблем. группа «Общ. фразеология»; отв. ред. В. Н. Телия. – М., 1999. – С. 25–33.

Постовалова 2004 – Постовалова, В. И. Сокровенные смыслы в православной духовной традиции: мистический и символический мир Дионисия Ареопагита / В. И. Постовалова // *Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура*: сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой / отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М., 2004. – С. 588–600.

Потебня 1958 – Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике: в 4 т. / А. А. Потебня. – М.: Учпедгиз, 1958–1985. – Т.1/2. – 1958. – 536 с.

ППБЭС 1992 – Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. – М.: Концерн «Возрождение», 1992. – Т. 1: А–И. – 1120 стлб.

Православная энциклопедия 2004 – Православная энциклопедия: в 20 т. / под ред. Патриарха Моск. и всея Руси Алексия II. – М.: Православ. энцикл., 2000–2009. – Т. 7. – 2004. – 751 с.

Прагматическая информация 2004 – Прагматическая информация в лексике и грамматике / Л. А. Брусенская [и др.]; М-во образования и науки Рос. Федерации, Рост. гос. экон. ун-т «РИНХ». – Ростов н/Д., 2004. – 238 с.

Преображенский 1959 – Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. / А. Г. Преображенский. – М.: Изд-во ГИС, 1959.

Привалова 2005 – Привалова, И. В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность (теоретико-экспериментальное исследование): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / И. В. Привалова. – М., 2005. – 486 л.

Приходы 2001 – Приходы и монастыри Белорусской православной церкви: справ. / сост.: Т. В. Кивалова-Станкевич, Т. А. Матрунчик. – Минск: Свято-Петро-Павл. собор, 2001. – 238 с.

Проект САС 2003 – Проект «Славянского аксиологического словаря». О создании исследовательской группы по разработке проекта аксиологического словаря / Е. Березович [и др.] // *Język w kręgu wartości: studia semantyczne / In-t filologii pol.; pod red. J. Bartmińskiego*. – Lublin, 2003. – S. 456–458.

Проскурин 2005 – Проскурин, С. Г. Семиотика индоевропейской культуры: учеб. / С. Г. Проскурин; Сиб. ин-т междунар. отношений и регионоведения. – 2-е изд. перераб. и доп. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 233 с.

Прывалаў 1928 – Прывалаў, Н. Народныя музычныя інструменты Беларусі / Н. Прывалаў / Ін-т беларус. культуры, Даслед. ін-т для вывучэння мастацтва. – Мінск: Друк. Інбелкульту, 1928. – 39 с.

Прыказкі і прымаўкі 1976 – Прыказкі і прымаўкі: у 2 кн. / рэдкал.: В. К. Бандарчык [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 2 / рэд. А. С. Фядосік. – 616 с.

Птичкин 1991 – Птичкин, Е. Н. Вера, Надежда, Любовь: ноты для голоса в сопровожд. фортепиано (баяна, гитары) / Е. Н. Птичкин; слова К. Скворцова // *Песня 91: песни для голоса (хора) в сопровождении фортепиано (баяна, гитары)*. – М., 1991. – Вып. 4. – С. 8–13.

Пушкарев 1994 – Пушкарев, Л. Н. Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII–XVIII вв. / Л. Н. Пушкарев; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории; отв. ред. А. Н. Сахаров. – М.: Наука, 1994. – 192 с.

Пшенкина 2005 – Пшенкина, Т. Г. Вербальная посредническая деятельность переводчика в межкультурной коммуникации: психолингвистический аспект: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Т. Г. Пшенкина. – Барнаул, 2005. – 330 л.

Рамишвили 1978 – Рамишвили, Г. В. Вопросы энергетической теории языка / Г. В. Рамишвили. – Тбилиси: Ганатлеба, 1978. – 230 с.

Рамишвили 1985 – Рамишвили, Г. В. От сравнительной антропологии к сравнительной лингвистике / Г. В. Рамишвили // *Язык и философия культуры* / В. фон Гумбольдт; пер. с нем.; сост., общ. ред. А. В. Гумлыги, Г. В. Рамишвили. – М., 1985. – С. 309–317.

РАС – Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю. Н. Караулов [и др.]. – М.: АСТ, Астрель, 2002. – Т. 1: От стимула к реакции. – 783 с.

Религия 2007 – Религия: энцикл. / сост. и общ. ред.: А. А. Грицанов (пред.), Г. В. Синоло. – Минск: Кн. дом, 2007. – 958 с.

Ретунская 1996 – Ретунская, М. С. Английская аксиологическая лексика / М. С. Ретунская. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 1996. – 272 с.

Рогалевич 2004 – Словарь символов и знаков. Широчайший спектр символики в искусстве и мифологии: сюжеты и явления в символах / авт.-сост. Н. Н. Рогалевич. – Минск: Харвест, 2004. – 510 с.

Розов 1965 – Розов, М. А. Научная абстракция и ее виды / М. А. Розов; Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние. – Новосибирск: Наука, 1965. – 137 с.

РСКЈ 1936 – Речник српскохрватског књижевног језика / изр. Л. Бакотич. – Београд: Шт. граф. завода «Планета», 1936. – 1399 с.

Рудэнка 1996 – Рудэнка, А. Вера і разуменне ў беларускай мове / А. Рудэнка // Праваслаўе ў славянскіх культурных традыцыях: зб. арт. навук.-практ. семінара «Спадчына святых братоў Кірыла і Мяфодзія і славянскія мовы» / Беларус. Праваслаўн. брацтва трох вілен. мучанікаў; рэдкал.: Г. Латушка [і інш.]. – Мінск, 1996. – С. 60–64.

Русакова 2008 – Русакова, Н. Г. Присяга как общеправовой феномен: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Н. Г. Русакова; Нижегород. акад. МВД России. – Н. Новгород, 2008. – 32 с.

Русская грамматика 1980 – Русская грамматика: в 2 т. / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1980. – Т. 2: Синтаксис / Е. А. Брызгунова [и др.]. – 709 с.

Русские заговоры и заклинания 1998 – Русские заговоры и заклинания: материалы фольклор. экспедиций 1953–1993 гг. / Моск. гос. ун-т; сост.: С. В. Алпатов [и др.]; под ред. В. П. Аникина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 479 с.

Русский крест 2006 – Русский крест: символика православного надглавного креста / М. Анашкевич. – М.: АСТ, Астрель, 2006. – 300 с.

Ряховская 2006 – Ряховская, Т. В. Феномен веры: онтолого-гносеологический анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Т. В. Ряховская; Тамб. гос. ун-т. – Тамбов, 2006. – 17 с.

Сабуркина 2005 – Сабуркина, Н. В. Общее и специфическое в структуре языкового сознания славян (на материале русского, белорусского, украинского и болгарского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н. В. Сабуркина; Моск. гос. ун-т. – М., 2005. – 20 с.

Санников 1989 – Санников, В. З. Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис / В. З. Санников; отв. ред. А. П. Ершов. – М.: Наука, 1989. – 267 с.

Сапоненко 2006 – Сапоненко, С. И. Вера. Надежда. Любовь: поэт. сб. / С. И. Сапоненко. – Кобрин: Союз еванг. христиан и баптистов в Респ. Беларусь, 2006. – 278 с.

САР – Словарь Академии Российской, 1789–1794: в 6 т. / Рос. акад. наук, Отд-ние лит. и яз., Моск. гуманитар. ин-т; ред. совет: Л. В. Тычинина (пред.) [и др.]. – М.: Изд-во Моск. гуманитар. ин-та, 2002. – Т. 3: 3–Л. – 829 с.

САС – Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева [и др.]. – М.: Изд-во Моск. гос. лингв. ун-та, 2004. – 791 с.

СБГ – Словник буковинських говірок / за заг. ред. Н. В. Гайванюк. – Чернівці: Рута, 2005. – 688 с.

СВГ – Словарь вологодских говоров: учеб. пособие по рус. диалектологии: в 12 вып. / под ред. Т. Г. Паникаровской. – Вологда: Изд-во Вологод. гос. пед. ин-та, 1983–2007.

Свешников 2001 – Свешников, В., протоиерей. Очерки христианской этики: учеб. пособие / В. Свешников, протоиерей. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Паломник, 2001. – 622 с.

Святославский 2005 – Святославский, А. В. Крест в русской культуре: очерк рус. монументальной ставрографии / А. В. Святославский, А. А. Трошин. – 2-е изд., стереотип. – М.: Древлехранилище, 2005. – 172 с.

Святые мученицы 2009 – Святые мученицы Вера, Надежда, Любовь и София. – Минск: Беларус. Православ. Церковь, 2009. – 22 с.

СГСРПО – Словарь говоров Соликамского района Пермской области / сост. О. П. Беляева; под ред. Е. А. Голушковой. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ин-та, 1973. – 706 с.

СД – Славянские древности: этнолингвист. словарь: в 5 т. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения; под общ. ред. Н. И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 2004. – Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка) / Т. А. Агапкина [и др.]. – 697 с.

СДПСР – Словарь диалектного просторечия Среднего Приобья / авт.-сост.: Т. Б. Банкова, О. И. Блинова, С. В. Сыпченко. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ин-та, 2003. – 368 с.

СДрЯ XI–XIV вв. – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; И. В. Андрианова [и др.]; гл. ред. Р. И. Аванесов. – М.: Рус. яз., 1988–2008.

СДрЯ XI–XIV вв. – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; И. В. Андрианова [и др.]; гл. ред. Р. И. Аванесов. – М.: Рус. яз., 1988–2008.

Седельников 1961 – Седельников, Е. А. Еще о синтагматической теории / Е. А. Седельников // Вопр. языкознания. – 1961. – № 1. – С. 73–82.

Сергеев 1971 – Сергеев, Ф. П. Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. / Ф. П. Сергеев; под ред. М. А. Брицына. – Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1971. – 219 с.

Сергеев 1978 – Сергеев, Ф. П. Формирование русского дипломатического языка XI–XVII вв. / Ф. П. Сергеев. – Львов: Виш. шк., Изд-во при Львов. ун-те, 1978. – 223 с.

Сергеева 1996 – Сергеева, Л. А. Категория оценки и аспекты ее описания / Л. А. Сергеева // Исследования по семантике: семант. категории в рус. яз.: сб. науч. ст. / Башк. гос. ун-т; редкол.: Р. М. Гайсина (отв. ред.) [и др.]. – Уфа, 1996. – С. 63–76.

Сергеева 2004 – Сергеева, Е. В. Этический концепт «вера» в религиозно-философском дискурсе школы всеединства / Е. В. Сергеева // Этика и социология текста: сб. ст. / Ставроп. гос. ун-т; подгот. и ред.: Р. М. Байрамуков [и др.]. – СПб.; Ставрополь, 2004. – С. 253–257.

Сигал 1996 – Сигал, К. Я. Расположение однородных актантов и принцип иконичности / К. Я. Сигал // Изв. Рос. акад. наук. Сер. лит. и яз. – 1996. – Т. 55, № 4. – С. 67–76.

Сигал 1997 – Сигал, К. Я. Проблема иконичности в языке (обзор литературы) / К. Я. Сигал // Вопр. языкознания. – 1997. – № 6. – С. 100–120.

Скляревская 1993 – Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская; Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; отв. ред. Д. Н. Шмелев. – СПб.: Наука, 1993. – 151 с.

Скляревская 2000 – Скляревская, Г. Н. Словарь православной церковной культуры / Г. Н. Скляревская. – СПб.: Наука, С.-Петербург. изд. фирма, 2000. – 278 с.

Скрягин 1973 – Скрягин, Л. Н. Книга о якорях / Л. Н. Скрягин. – М.: Транспорт, 1973. – 128 с.

СКТГ – Словарь карпатоукраинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения; отв. ред. А. Ф. Журавлев. – М.: Изд-во Ин-та славяноведения РАН, 2001. – 229 с.

Сл. ПЗБ – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. / уклад.: Ю. Ф. Мацкевіч [і інш.], рэд. Ю. Ф. Мацкевіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1979–1986.

Смирницкий 1995 – Смирницкий, А. И. Значение слова / А. И. Смирницкий // Вопр. языкознания. – 1995. – № 2. – С. 79–89.

Смирнова 2007 – Смирнова, И. М. Тайная история креста: все о древ. мист. символе человечества / И. М. Смирнова. – М.: Эксмо, 2007. – 314 с.

Снитко 1999 – Снитко, Т. Н. Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19; 10.02.20 / Т. Н. Снитко; Краснодар. гос. ун-т. – Краснодар, 1999. – 32 с.

СОГ – Словарь орловских говоров: учеб. пособие по рус. диалектологии: в 15 вып. / ред. Т. В. Бахвалова. – Орел: Изд-во Орл. гос. пед. ин-та; Ярославль: Изд-во Яросл. гос. пед. ин-та, 1989–2008.

Соколов 1902 – Соколов, П. П. Вера. Психологический этюд / П. П. Соколов. – М.: Типолит. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К, 1902. – 120 с.

Соколов 1977 – Соколов, В. П. Вера, Надежда, Любовь: таежная повесть / В. П. Соколов. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1977. – 45 с.

Сопоставительное описание 1990 – Сопоставительное описание русского и белорусского языков: морфология / А. Н. Булыко [и др.]; ред.

А. Н. Булыко; Акад. наук БССР, Ин-т языкознания. – Минск: Навука і тэхніка, 1990. – 336 с.

СПГ – Словарь пермских говоров / сост.: Г. В. Бажутина [и др.]. – Пермь: Кн. мир, 2000. – Вып. 1: А–Н / ред. А. Н. Борисова, К. Н. Прокошева. – 605 с.

СРГБ – Словарь русских говоров Башкирии: А–Я / Акад. наук Респ. Башкортостан; сост.: И. П. Березовская-Пономарева [и др.]; под ред. З. П. Здобновой. – Уфа: Гилем, 2008. – 405 с.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1999–2005.

СРГКуз – Словарь русских говоров Кузбасса / сост. Н. В. Жураковская [и др.]; под ред. Н. В. Жураковской, О. А. Любимовой (отв. ред.). – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ин-та, 1976. – 233 с.

СРГМ 1986 – Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР: М–Н: учеб. пособие по рус. диалектологии / сост. Т. В. Михалева [и др.]. – Саранск: Изд-во Мордов. гос. ун-та, 1986. – 129 с.

СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры: в 2 т. / сост.: В. Т. Азарова [и др.]; науч. ред.: Л. А. Ивашко. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2003 – Т. 1: Аблемай – ошупя. – 552 с.

СРГП – Словарь русских говоров Приамурья / Акад. наук СССР, Дальневост. науч. центр, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока; сост.: Ф. П. Иванова [и др.]; отв. ред. Ф. П. Филин. – М.: Наука, 1983. – 342 с.

СРГС – Словарь русских говоров Сибири: в 5 т. / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии; сост.: Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров; А. И. Федоров (отв. ред.). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, Науч.-изд. центр ОИГТМ СО РАН, 1999–2006.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала: учеб. пособие: в 7 т. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1964–1988. – Т. 2: К–Н / авт.-сост.: А. В. Волоскова [и др.]; редкол.: Н. П. Костина (отв. ред.) [и др.]. – 1971. – 214 с.

Срезневский 1989 – Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. / И. И. Срезневский. – Репр. изд. – М.: Книга, 1989.

СРНГ – Словарь русских народных говоров: в 41 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; сост. Ф. П. Филин. – М.; Л.: Наука, 1965–2007.

СРНРС – Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии, Новосиб. гос. ун-т; сост. Л. Г. Панин; отв. ред.: В. В. Палагина, К. А. Тимофеев. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 179 с.

СРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 27 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: Р. И. Аванесов (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1975–2006.

СРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века: в 16 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: Ю. С. Сорокин (гл. ред.) [и др.]. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984–2006.

ССМ XIV–XV стст. – Словник староукраїнської мови, XIV–XV стст.: у 2 т. / редкол.: Л. Л. Гумецька (голова) [та ін.]. – Київ: Наук. думка, 1977–1978.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / В. И. Чернышев (гл. ред.) [и др.]. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948–1965.

Станкевіч 1990 – Станкевіч, Я. Белорусско-русский (великолитовско-русский) словарь / Я. Станкевіч. – New York: Lew Sapieha Greatlitvan, 1990. – 1305 с.

Стариченок 2008 – Стариченок, В. Д. Большой лингвистический словарь / В. Д. Стариченок. – Ростов н/Д.: Феникс, 2008. – 811 с.

Старычонак 2009 – Старычонак, В. Д. «Неабдымнае неба кахання...»: вызначэнне кахання ў беларускім паэтычным дыскурсе / В. Д. Старычонак // Роднае слова. – 2009. – № 2. – С. 61–65.

Сташайтене 1968 – Сташайтене, В. П. О логико-смысловом содержании абстрактной лексики (на материале старобелорусских письменных памятников XV–XVII вв.) / В. П. Сташайтене // Проблемы белоруской филологии: тез. докл. Респ. канф., присвеч. 50-годовью БССР і КПБ / Беларус. дзярж. ун-т; навук. рэд.: Л. М. Шакун, П. П. Шуба. – Мінск, 1968. – С. 116–119.

Степанов 1977 – Степанов, Ю. С. Номинация, семантика, семиология (виды семантических определений в современной лексикологии) / Ю. С. Степанов // Языковая номинация: общ. вопр. / А. А. Уфимцева [и др.]; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания; отв. ред.: Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. – М., 1977. – С. 294–358.

Степанов 1993 – Степанов, Ю. С. Константы мировой культуры: алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия / Ю. С. Степанов, С. Г. Проскурин; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1993. – 156 с.

Степанов 1997 – Степанов, Ю. С. Константы: слов. рус. культуры: опыт исслед. / Ю. С. Степанов. – М.: Яз. рус. культуры, 1997. – 824 с.

Степанов 2001 – Степанов, Ю. С. Константы: слов. рус. культуры / Ю. С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Акад. проект, 2001. – 990 с.

Степанов 2004 – Степанов, А. И. Число и культура: рациональное бессознательное в языке, литературе, науке, современной политике, философии, истории / А. И. Степанов. – М.: Яз. славян. культуры, 2004. – 829 с.

Страдания святых мучениц 1993 – Страдания святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии (17 / 30 сентября). Житие святой преподобномученицы Анастасии Римлянки (29 октября / 11 ноября): по благословению Святейшего Патриарха Моск. и Всея Руси Алексия II / отв. ред. Игумен Владимир (Зорин). – М.: Скинния, 1993. – 30 с.

Страхов 2011 – Страхов, А. Б. Сакральная семантика и этимология / А. Б. Страхов // *Palaeoslavica / International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology*. – Cambridge-Massachusetts, 2011. – Vol. XIX, № 2. – С. 229–238.

СУМ – Словник української мови: в 11 т. / редкол.: І. К. Білодід (голова) [та ін.]. – Київ: Наук. думка, 1970–1980.

СУМ XVI–XVII ст. – Словник української мови XVI – першої половини XVII ст.: у 28 вип. / НАН України, Ін-т українознавства; ред. Д. Гринчишин, уклад. Р. Керста. – Львів: Вид-во НАН України 1994. – Вип. 6: В–Г. – 1999. – 255 с.

Сцяцко 2005 – Сцяцко, П. У. Слоўнік народнай мовы Зэльвеншчыны / П. У. Сцяцко. – Гродна: Выд-ва Гродз. дзярж. ун-та, 2005. – 144 с.

Сцяшковіч 1972 – Сцяшковіч, Т. Ф. Матэрыялы для слоўніка Гродзенскай вобласці / Т. Ф. Сцяшковіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1972. – 619 с.

Тананина 2003 – Тананина, А. В. От любви до ненависти (опыт концептуального анализа) / А. В. Тананина // *Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / Моск. гос. ун-т; отв. ред.: В. В. Красных, А. И. Изотов. – М., 2003. – Вып. 24. – С. 54–60.*

Тананушко 2005 – Латинско-русский словарь / авт.-сост. К. А. Тананушко. – Минск: Харвест, 2005. – 1038 с.

Таямніцы 1997 – Таямніцы замоўнага слова: зб. / Фонд фундам. даслед., Акад. навук Рэсп. Беларусь, Гомел. дзярж. ун-т; уклад., сістэматызацыя тэкстаў, уступ. арт., камент. і рэд. І. Ф. Штэйнера, В. С. Новак. – Гомель, 1997. – 322 с.

Тезисы ПЛК 1967 – Тезисы Пражского лингвистического кружка // *Пражский лингвистический кружок: сб. ст. / сост., ред. Н. А. Кондрашов. – М., 1967. – С. 17–41.*

Телия 1976 – Телия, В. Н. Семантический аспект сочетаемости слов и фразеологическая сочетаемость / В. Н. Телия // *Принципы и методы семантических исследований: сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания; редкол.: В. Н. Ярцева (отв. ред.) [и др.]. – М., 1976. – С. 244–267.*

Телия 1988 – Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // *Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б. А. Серебренников [и др.]; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. Б. А. Серебренников. – М., 1988. – С. 173–204.*

Тер-Минасова 2000 – Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 261 с.

Тиллих 1995 – Тиллих, П. Избранное: теология культуры / П. Тиллих; отв. ред. и послесл. С. В. Лезов. – М.: Юрист, 1995. – 479 с.

Тимченко 1930 – Історичний словник українського языка: у 2 т. / Укр. акад. наук, Комис. на уложення іст. слов. укр. яз.; під ред. Е. Тимченка. – Харків; Київ: Вид-во ДВУ, 1930–1932. – Т. 1: А–Ж, зошит 1: А–В. – 1930. – 528 с.

Ткаченко 1998 – Ткаченко, П. И. Кубанский говор: опыт авт. словаря / П. И. Ткаченко; под ред. А. А. Котенева. – М.: Граница, 1998. – 237 с.

Толкование 2002 – Толкование посланий св. Апостола Павла: по тр. свт. Феофана Затворника. – СПб.: Рус. хронограф, 2002. – 719 с.

Толстая 2008 – Толстая, С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе / С. М. Толстая. – М.: Индрик, 2008. – 527 с.

Толстая, Семантическая реконструкция 2008 – Толстая, С. М. Семантическая реконструкция и проблема многозначности праславянского слова / С. М. Толстая // Славянское языкознание: XIV Междунар. съезд славистов, Охрид, 10–16 сент. 2008 г.: докл. рос. делегации / Рос. акад. наук, Отд-ние ист.-филол. наук, Нац. ком. славистов Рос. Федерации; редкол.: А. М. Молдован (отв. ред.) [и др.]. – М., 2008. – С. 451–473.

Толстой 1963 – Толстой, Н. И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава / Н. И. Толстой // Вопр. языкознания. – 1963. – № 1. – С. 29–45.

Толстой 1973 – Толстой, Н. И. О реконструкции праславянской фразеологии / Н. И. Толстой // Славянское языкознание: VII Междунар. съезд славистов, Варшава, авг. 1973 г.: докл. совет. делегации / Акад. наук СССР, Сов. ком. славистов; редкол.: С. Б. Бернштейн [и др.]. – М., 1973. – С. 272–293.

Толстой 1983 – Толстой, Н. И. О задачах этнолингвистического изучения Полесья / Н. И. Толстой, С. М. Толстая // Полесский этнолингвистический сборник: материалы и исслед. / Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики; редкол.: Н. И. Толстой (отв. ред.) [и др.]. – М., 1983. – С. 3–21.

Толстой 1984 – Толстой, Н. И. Теоретические проблемы реконструкции древнейшей славянской духовной культуры / Н. И. Толстой, С. М. Толстая // Сов. этнография. – 1984. – № 4. – С. 74–79.

Толстой 1985 – Толстой, Н. И. Роль язычества в славянской культурной традиции / Н. И. Толстой // Славянские культуры и мировой культурный процесс = Les cultures slaves et le processus culturel mondial: материалы Междунар. науч. конф. ЮНЕСКО / Акад. наук БССР, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора; редкол.: С. В. Марцелев (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 1985. – С. 30–34.

Толстой 1987 – Толстой, Н. И. К реконструкции древнеславянской духовной культуры (лингво-этнографический аспект) / Н. И. Толстой, С. М. Толстая // Славянское языкознание: VIII Междунар. съезда славистов, Загреб–Любляна, сент. 1978 г.: докл. совет. делегации / Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз.; редкол.: В. И. Борковский [и др.]. – М., 1987. – С. 364–385.

Толстой 1995 – Толстой, Н. И. О словаре «Славянские древности» / Н. И. Толстой, С. М. Толстая // Славянские древности: этнолингвист.

слов.: в 5 т. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики; под общ. ред. Н. И. Толстого. – М., 1995. – Т. 1. – С. 5–14.

Толстой 1995 – Толстой, Н. И. Язык и народная культура: очерки по славян. мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – М.: Индрик, 1995. – 510 с.

Топорков 2005 – Топорков, А. Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв.: история, символика, поэтика / А. Л. Топорков. – М.: Индрик, 2005. – 480 с.

Топорков 2008 – Топорков, А. Л. Любовные заговоры славянских народов в компаративном отношении / А. Л. Топорков // Славянское языкознание: XIV Междунар. съезд славистов, Охрид, 10–16 сент. 2008 г.: докл. рос. делегации / Рос. акад. наук, Отд-ние ист.-филол. наук, Нац. ком. славистов Рос. Федерации; редкол.: А. М. Молдован (отв. ред.) [и др.]. – М., 2008. – С. 484–502.

Топоров 1979 – Топоров, В. Н. К семантике троичности (слав. *trizna и др.) / В. Н. Топоров // Этимология, 1977: сб. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: О. Н. Трубачев (отв. ред.) [и др.]. – М., 1979. – С. 3–20.

Топоров 1981 – Топоров, В. Н. Ведийское ṛtá: к соотношению смысловой структуры и этимологии / В. Н. Топоров // Этимология, 1979: сб. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: О. Н. Трубачев (отв. ред.) [и др.]. – М., 1981. – С. 139–156.

Топоров 1989 – Топоров, В. Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре / В. Н. Топоров // Славянский и балканский фольклор: реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы: сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики; отв. ред. Н. И. Толстой. – М., 1989. – С. 23–60.

Топоров 2005 – Топоров, В. Н. Исследования по этимологии и семантике: в 3 т. / В. Н. Топоров. – М.: Яз. славян. культуры, 2005–2006. – Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения. – 2005. – 814 с.

Трошина 2000 – Трошина, Н. Н. Введение / Н. Н. Трошина // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб. обзоров / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам; редкол.: Н. Н. Трошина (отв. ред.) [и др.]. – М., 2000. – С. 5–7.

Трубачев 1988 – Трубачев, О. Н. Славянская этимология и праславянская культура / О. Н. Трубачев // Славянское языкознание: X Междунар. съезд славистов, София, сент. 1988 г.: докл. сов. делегации / Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз.; редкол.: Н. И. Толстой. (отв. ред.) [и др.]. – М., 1988. – С. 292–347.

Трубачев 1998 – Трубачев, О. Н. Славянская филология и сравнительность. От съезда к съезду / О. Н. Трубачев // Вопр. языкознания. – 1998. – № 3. – С. 3–25.

Трубачев 2002 – Трубачев, О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: лингвист. исслед. / О. Н. Трубачев; Рос. акад. наук, Отд-ние лит. и яз., Ин-т рус. яз. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2002. – 489 с.

Трубачев, Реконструкция слов 2004 – Трубачев, О. Н. Реконструкция слов и их значений / О. Н. Трубачев // Труды по этимологии: слово, история, культура: в 2 т. / О. Н. Трубачев. – М., 2004. – Т. 1. – С. 107–122.

Трубачев 2004 – Трубачев, О. Н. Славянская и индоевропейская этимология или славянские этимологии / О. Н. Трубачев // Труды по этимологии: слово, история, культура: в 2 т. / О. Н. Трубачев. – М., 2004. – Т. 1. – С. 599–602.

Трубецкой 1992 – Трубецкой, Н. С. Верхи и низы русской культуры / Н. С. Трубецкой // Пути Евразии: рус. интеллигенция и судьбы России / сост., вступ. ст., коммент. И. А. Исаева. – М., 1992. – С. 330–346.

ТС – Тураўскі слоўнік: у 5 т. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства; склад.: А. А. Крывіцкі, Г. А. Цыхун, І. Я. Яшкін. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982–1987.

ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча. – Мінск: Беларус. сав. энцыкл., 1977–1984.

Уваров 2001 – Уваров, А. С., граф. Христианская символика / А. С. Уваров, граф. – М.: Изд-во Ун-та истории культур; СПб.: Алетей, 2001. – Ч. 1: Символика древнехристианского периода. – 255 с.

Узков 1962 – Узков, И. Н. Вера, надежда, любовь / И. Н. Узков. – М.: Знание, 1962. – 93 с.

Українська діалектна лексика 1987 – Українська діалектна лексика: зб. наук. праць / Акад. наук УССР, Ін-т мовознавства; за ред. І. Г. Матвіяса. – Київ: Наук. думка, 1987. – 268 с.

Улуханов 1977 – Улуханов, И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И. С. Улуханов; АН СССР, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1977. – 256 с.

Ульман 1970 – Ульман, С. Семантические универсалии / С. Ульман // Новое в лингвистике: сб. ст. / пер. с англ.; под ред. Б. А. Успенского. – М., 1970. – Вып. V: Языковые универсалии. – С. 250–299.

Уорф 1999 – Уорф, Б. Л. Наука и языкознание / Б. Л. Уорф // Зарубежная лингвистика, I: «Новое в лингвистике»: избр. / пер. с англ.; общ. ред. В. А. Звегинцева, Н. С. Чемоданова. – М., 1999. – С. 92–105.

Успенский 2006 – Успенский, Б. А. Крест и круг: из истории христиан. символики / Б. А. Успенский. – М.: Яз. славян. культур, Кошелев, 2006. – 488 с.

Уфимцева 1998 – Уфимцева, Н. В. Русский национальный характер: XX век – миф и реальность / Н. В. Уфимцева // Проблемы этносемантики: сб. науч.-аналит. обзоров / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам; отв. ред. и сост. А. М. Кузнецов. – М., 1998. – С. 86–121.

Уфимцева 2001 – Уфимцева, Н. В. Сопоставительное исследование языкового сознания славян / Н. В. Уфимцева // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. / Воронеж. межрегион. ин-т обществ. наук [и др.]; науч. ред. И. А. Стернин. – Воронеж, 2001. – С. 65–71.

Уфимцева 2002 – Уфимцева, А. А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева. – 2-е изд., стер. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 240 с.

Уфимцева 2004 – Уфимцева, А. А. Опыт изучения лексики как системы: на материале английского языка / А. А. Уфимцева. – 2-е изд., испр. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 286 с.

Уфимцева 2009 – Уфимцева, Н. В. Образ мира русских: системность и содержание / Н. В. Уфимцева // Язык и культура. – 2009. – № 4 (8). – С. 98–111.

Фасмер – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – М.: Прогресс, 1964–1973.

Филимонова 2005 – Филимонова, Н. В. К вопросу об оценочности в современном языкознании / Н. В. Филимонова // Информационный потенциал слова и фразеологизма: Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. Р. Н. Попова (к 80-летию со дня рождения), Орел, 19–21 окт. 2005 г.: сб. науч. ст. / Орлов. гос. ун-т; редкол.: Т. В. Бахвалова [и др.]. – Орел, 2005. – С. 119–122.

Филин 1981 – Филин, Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка / Ф. П. Филин. – М.: Наука, 1981. – 326 с.

Филлмор 1983 – Филлмор, Ч. Основные проблемы лексической семантики / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. / сост. В. А. Звегинцева; под ред. Б. Ю. Городецкого. – М., 1983. – Вып. 12: Прикладная лингвистика. – С. 74–122.

Флоренский 1990 – Флоренский, П. А. Столп и утверждение истины / П. А. Флоренский; Акад. наук СССР, Ин-т философии. – М.: Правда, 1990. – 490 с.

Фрумкина 1999 – Фрумкина, Р. М. Культурологическая семантика в ракурсе эпистемологии / Р. М. Фрумкина // Изв. Рос. акад. наук. Сер. лит. и яз. – 1999. – Т. 58, № 1. – С. 3–10.

Фрэзер 1980 – Фрэзер, Д. Д. Золотая ветвь: исслед. магии и религии / Д. Д. Фрэзер; послесл. и коммент. С. А. Токарева. – М.: Политиздат, 1980. – 831 с.

Функционирование русского языка 1981 – Функционирование русского языка в близкородственном языковом окружении / Г. П. Ижакевич [и др.]; Акад. наук УССР, Ин-т языкознания; редкол.: Г. П. Ижакевич (отв. ред.) [и др.]. – Киев: Наук. думка, 1981. – 343 с.

ФЭС 1983 – Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев [и др.]. – М.: Сов. энцикл., 1983. – 839 с.

Харитонова 1999 – Харитонова, В. И. Заговорно-заклинательное искусство восточных славян: проблемы традиционных интерпретаций и возможности современных исследований: в 2 ч. / В. И. Харитонова; Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии. – М.: ИЭА РАН, 1999.

Харитончик 2004 – Харитончик, З. А. Очерки о языке. Теория номинации. Лексическая семантика. Словообразование: избр. тр. / З. А. Харитончик. – Минск: Изд-во Мин. гос. лингвист. ун-та, 2004. – 366 с.

Харламова 2006 – Харламова, Л. А. Матричный принцип формулы ‘faith, hope, charity’ – ‘вера, надежда, любовь’ и составляющих ее концептов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л. А. Харламова. – Барнаул, 2006. – 200 л.

Хидекель 1983 – Хидекель, С. С. Природа и характер языковых оценок / С. С. Хидекель, Г. Г. Кошель // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака: межвуз. сб. науч. тр. / Воронеж. гос. ун-т; редкол.: З. Д. Попова (отв. ред.) [и др.]. – Воронеж, 1983. – С. 11–16.

Холявко 2002 – Холявко, Е. И. Отражение мотива кривизны во вторичной семантике русского и белорусского слова / Е. И. Холявко. – Гомель: Изд-во Гомел. гос. ун-та, 2002. – 175 с.

Христианство 1993 – Христианство: энцикл. слов.: в 3 т. / редкол.: С. С. Аверинцев (гл. ред.) [и др.]. – М.: Большая рос. энцикл., 1993–1995. – Т. 1: А–К. – 1993. – 863 с.

Христианство 2004 – Всемирная энциклопедия. Христианство / В. В. Адамчик [и др.]; гл. ред. и сост. М. В. Адамчик. – Минск: Современ. литератор, 2004. – 831 с.

Цыхун 1998 – Цыхун, Г. А. У замкнёным свеце лічэбнікаў (нататкі) / Г. А. Цыхун // Число – язык – текст: сб. ст. к 70-летию А. Е. Супруна / Беларус. гос. ун-т; редкол.: А. А. Киклевич [и др.]. – Минск, 1998. – С. 267–280.

Человек и его ценности 1988 – Человек и его ценности: сб. тез. совет. философов: в 2 ч. / Акад. наук СССР, Ин-т философии; отв. ред. П. С. Гуревич. – М., 1988. – Ч. 1. – 139 с.

Черепанова 1983 – Черепанова, О. А. Мифологическая лексика русского языка / О. А. Черепанова: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / О. А. Черепанова. – Л., 1983. – 434 с.

Черная 2003 – Черная, Л. Древнерусский поцелуй / Л. Черная // Эрос и логос: проблемы сексуальности в современной культуре: сб. ст. / М-во культуры Рос. Федерации, Рос. ин-т культурологии; сост. В. П. Шестаков. – М., 2003. – С. 217–225.

Чернейко 1995 – Чернейко, Л. О. Гештальтная структура абстрактного имени / Л. О. Чернейко // Филол. науки. – 1995. – № 4. – С. 73–83.

Чернейко 1997 – Чернейко, Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени / Л. О. Чернейко. – М.: б. и., 1997. – 320 с.

Черных 2004 – Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П. Я. Черных. – 6-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., Медиа, 2004. – Т. 1. – 622 с.

ЧСРЯ – Частотный словарь русского языка / сост.: В. А. Аграев [и др.]; под ред. Л. Н. Засориной. – М.: Рус. яз., 1977. – 935 с.

ЧССУХП – Частотний словник сучасної української художньої прози: в 2 т. / Акад. наук Укр. РСР, Ін-т мовознавства; редкол.: В. С. Перебийніс (голова) [та ін.]. – Київ: Наук. думка, 1981. – Т. 1. – 684 с.

Шамсутдінава 1996 – Шамсутдінава, Л. Духоўны верш аб Лазары ў музыцы вуснай і пісьмовай традыцыі / Л. Шамсутдінава // Праблемы этнамузыкалогіі і гісторыі музыкі ў сучасных даследаваннях: зб. дакл. III навук. чытанняў памяці Л. С. Мухарынскай, Мінск, 24–25 сак. 1994 г. / Беларус. акад. музыкі; склад. і навук. рэд. І. Д. Назіна. – Мінск, 1996. – С. 93–99.

Шанский 1994 – Шанский, Н. М. Этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский. – М.: Прозерпина, ТОО «Школа», 1994. – 399 с.

Шестаков 2003 – Шестаков, В. Эрос и логос в европейской культурной традиции / В. Шестаков // Эрос и логос: проблемы сексуальности в современной культуре: сб. ст. / М-во культуры Рос. Федерации, Рос. ин-т культурологии; сост. В. П. Шестаков. – М., 2003. – С. 37–98.

Шило 2008 – Шило, Г. Ф. Наддністрянський регіональний словник / Г. Ф. Шило; НАН України, Ін-т українознавства; Наук. т-во ім. Шевченка в Америці; відп. ред.: Л. Полюга, Н. Хобзей. – Львів; Нью-Йорк: Вид-во Ін-та українознавства, 2008. – 288 с.

Шкнай 1987 – Шкнай, Г. В. Семантическая структура слова / Г. В. Шкнай // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. Псіхалогія. – 1987. – № 3. – С. 36–38.

Шкраба 2008 – Шкраба, І. Р. Слоўнік беларускай безэквівалентнай лексікі (у рускамоўным дачыненні) / І. Р. Шкраба. – Мінск: Беларус. энцыкл., 2008. – 318 с.

Шмаев 1994 – Шмаев, И. В. Вера, Надежда, Любовь...: стихотворения и песни / И. В. Шмаев. – М.: Либрис, 1994. – 88 с.

Шмелев 2002 – Шмелев, А. Д. Русская языковая модель мира: материалы к слов. / А. Д. Шмелев. – М.: Яз. славян. культуры, Кошелев, 2002. – 224 с.

Щерба 1937 – Щерба, Л. В. Фонетика французского языка. Очерк французского произношения в сравнении с русским: пособие / Л. В. Щерба. – Л.; М.: Учпедгиз, 1937. – 256 с.

Щербаков 1990 – Щербаков, А. А. Вера. Надежда. Любовь: стихи / А. А. Щербаков; худож. Л. Н. Дегтярев. – Петрозаводск: Карелия, 1990. – 63 с.

Щеулин 2002 – Щеулин, В. В. Антропоцентризм на современном этапе лингвистики / В. В. Щеулин, Е. А. Попова // Антропоцентризм современной лингвистической ситуации: сб. ст. / Липец. гос. пед. ун-т; редкол.: Е. А. Попова (отв. ред.) [и др.]. – Липецк, 2002. – С. 3–27.

Щукин 2008 – Щукин, А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь / А. Н. Щукин. – М.: Астрель, Хранитель, 2008. – 746 с.

Эко 1998 – Эко, У. Отсутствующая структура: введ. в семиологию / У. Эко; пер.: А. Г. Погоняйло, В. Г. Резник. – СПб.: Петрополис, 1998. – 430 с.

ЭЛІМБел – Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі: у 5 т. / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1984–1987. – Т. 3. – 1986. – 750 с.

Энциклопедия религий 2008 – Энциклопедия религий / Рос. акад. наук, Ин-т философии; под ред.: А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. – М.: Акад. проект, Гаудеамус, 2008. – 1519 с.

Энциклопедия символов 2008 – Энциклопедия символов / сост. В. М. Рошаль. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2008. – 1007 с.

ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы: у 12 т. / Акад. навук БССР, Ин-т мовазнаўства; пад рэд. В. У. Мартынава, Г. А. Цыхуна. – Мінск: Беларус. навука, 1978–2008.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд: в 35 вып. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1974–2009.

Этика 2001 – Этика: энцикл. слов. / Рос. акад. наук, Ин-т философии; под ред. Р. Г. Апресяна, А. А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2001. – 668 с.

Этнаграфія Беларусі 1989 – Этнаграфія Беларусі: энцыкл. / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1989. – 575 с.

Юрганов 1998 – Юрганов, А. Л. Вера христианская и Правда / А. Л. Юрганов // Категории русской средневековой культуры / А. Л. Юрганов. – М., 1998. – С. 33–116.

Юрчанка 1966 – Юрчанка, Г. Ф. Дыялектны слоўнік: з гаворак Мсціслаўшчыны / Г. Ф. Юрчанка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1966. – 228 с.

Якобсон 1983 – Якобсон, Р. О. В поисках сущности языка / Р. О. Якобсон // Семиотика: сб. ст. / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. – М., 1983. – С. 102–117.

Яковлева 1998 – Яковлева, Е. О. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова / Е. О. Яковлева // Вопр. языкознания. – 1998. – № 3. – С. 43–73.

Boisacg 1916 – Boisacg, E. Dictionnaire étymologique de la langue grecque / E. Boisacg. – Heidelberg: C. Winter, 1916. – 1123 s.

Brückner 1957 – Brückner, A. **Słownik etymologiczny języka polskiego** / A. Brückner. – 2 wyd. – Warszawa: Wiedza powszechna, 1957. – 805 s.

Derksen 2008 – Derksen, R. Etymological dictionary of the Slavic inherited lexicon / R. Derksen. – Leiden (etc.): Brill, 2008. – 726 p.

Engelking 2000 – Engelking, A. Kłątwa: rzecz o ludowej magii słowa / A. Engelking. – Wrocław: Funna, 2000. – 312 s.

ESJSst – Etymologický slovník jazyka staroslověnského: v 12 t. / hl. red.: A. Erhart, E. Havlová. – Praha: Academia, 1989–2004. – Т. 7: Kuditi–luna. – 1997. – 63 s.

Frisk 1960 – Frisk, H. Griechisches etymologisches Wörterbuch: in 3 Bd. / H. Frisk. – Heidelberg: Winter, 1960–1972. – Bd. 1. – 1960. – 938 s.

Gebauer 1970 – Gebauer, J. Slovník staročeský: v 2 d. / J. Gebauer. – Praha: Akademia, 1970. – D. 2. – 632 s.

HSSJ 1992 – Historický slovník slovenského jazyka: v 7 zv. / Sloven. Akad. Vied. Jazykovedný ust. Ľudovíta Stura; ved. red. M. Majtan. – Bratislava: Veda, 1991–2008. – Zv. 2: K–N / V. Blonar (et al.). – 1992. – 614 s.

Janyšková 2006 – Janyšková, I. Úvod / I. Janyšková, H. Karlíková // *Studia etymologica Brunensia 3: sb. příspěvků z mezinár. věd. konf. Etymologické symp.* Brno 2005, 6–8 září 2005, Brno. – Praha: Nakl-ví Lid. nov., 2006. – S. 9.

Język a kultura 1991 – Język a kultura / Uniwers. Wrocławski. – Wrocław, 1991. – T. 2: Zagadnienia leksykalne i aksjologiczne / pod red. J. Puzyniny, J. Bartmińskiego. – 264 s.

Machek 1957 – Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského / V. Machek. – Praha: Akademia, 1957. – 627 s.

Machek 1971 – Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého / V. Machek. – 3., nezm. vyd. – Praha: Akademia, 1971. – 866 s.

Muka 1926 – Muka, E. Słownik dolnoserbśkeje rěcy a jeje narěcow: v 2 d. / E. Muka. – Praha: Čeś. akad. věd a umění, 1926.

Pokorny 1959 – Pokorny, J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch: in 2 Bd. / J. Pokorny. – Bern; München: Franke Verl., 1959–1969. – Bd. 1. – 1959. – 1183 s.

PSJČ – Příruční slovník jazyka českého: v 8 d. / Česka akad. věd a umění. – Praha: Stat. nakl., 1935–1957.

Puzynina 1982 – Puzynina, J. Językoznawstwo a aksjologia / J. Puzynina // *Biul. Pol. T-wa Językoznawczego*. – 1982. – Rocz. 39. – S. 23–32.

RHSJ 1971–1972 – Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika / Uredili: S. Musulin, S. Pavešić. – Zagreb, 1971–1972. – Dio. 20. – 960 s.

RSKJ 1967 – Rečnik srpskohrvatskoga književnog jezika: u 6 knj. / uređ. odbor M. Stevanović [i dr.]. – Novi Sad; Zagreb: Matica srpska, Matica hrvatska, 1967–1976. – Knj. 1: A–E. – 1967. – 866 s.

Schuster-Šewz 1983 – Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache / Hrsg. H. Schuster-Šewz. – Bautzen: Domovina, 1983. – H. 12 (lisće–mjetła). – S. 849–863.

Sławski 1958–1965 – Sławski, F. Słownik etimologiczny języka polskiego: w 5 t. / F. Sławski. – Kraków: T-wa miłośników jęz. pol., 1952–1982. – T. 2, z. 1–6. – 1958–1965. – S. 112–560.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Список сокращений	3
Введение.....	7
Глава 1. Основные проблемы исследования аксиологических номинаций.....	12
1.1. Изучение аксиологических номинаций: теория и история вопроса	12
1.1.1. Антропоцентризм как доминирующий принцип современных лингвистических исследований: история формирования	12
1.1.2. Проблематика и предмет антропоцентрических исследований	13
1.1.3. Идиоэтничность, взаимосвязь языка и культуры	15
1.1.4. Языковая картина мира и ее представление в лингвистике.....	16
1.1.5. Славянская лингвистическая аксиология как новое интегративное направление в языкознании	21
1.1.6. Понятийно-смысловая характеристика абстрактных имен.....	25
1.2. Лексикографические источники как объект лингвистического исследования	29
1.2.1. Лексическая полисемия и закономерность изменения значений слов	30
1.3. Сравнение близкородственных языков: проблемы и перспективы.....	32
Глава 2. Взаимосвязанность компонентов аксиологической триады «вера, надежда, любовь»	36
2.1. Духовные ценности «вера», «надежда», «любовь»: проблема идентификации	36

2.2. Культурно-семантическое единство компонентов триады ...	39
2.3. Значимость триады «вера, надежда, любовь» в языковом сознании русского и других восточнославянских народов	41
2.4. Лексемы <i>вера</i> , <i>надежда</i> , <i>любовь</i> по данным частотных словарей восточнославянских языков	42
2.5. «Вера, надежда, любовь» как формула.....	44
2.6. Символизм компонентов триады.....	46
2.7. Лингвистические определения иконического знака и принципа иконичности.....	48
2.7.1. Формула «вера, надежда, любовь» сквозь призму иконичности.....	51
2.8. Семантическая и этимологическая связь компонентов формулы «вера, надежда, любовь»	53
2.9. Аспекты исследования сочинительной конструкции	55
Глава 3. Семантическая эволюция аксиологической номинации <i>вера</i>	57
3.1. Понятие «вера» в философской и религиозной мысли	57
3.2. Изучение понятия и лексемы <i>вера</i> в лингвистике	59
3.3. Интерпретация лексемы <i>вера</i> словарями восточнославянских языков.....	62
3.3.1. <i>Вѣра</i> в древнерусском языке	62
3.3.2. <i>Вера</i> в русском языке	66
3.3.3. <i>Вера</i> в белорусском языке.....	74
3.3.4. <i>Віра</i> в украинском языке	77
3.3.5. Сопоставительный анализ ЛСВ слова <i>вера</i> в восточнославянских языках	81
3.4. Этимология лексемы <i>вера</i>	85
3.4.1. Семантические особенности лексем <i>рота</i> , <i>клятва</i> , <i>присяга</i> в качестве репрезентантов понятийной сферы лексемы <i>вера</i>	91
3.4.2. Диалектные значения лексемы <i>вера</i>	95
Глава 4. Семантическая история аксиологического понятия «надежда»	102
4.1. <i>Надежда</i> как аксиологическое наименование и объект лингвистического описания. Античное понимание «надежды»	102
4.2. Этимолого-мотивационное обоснование связи понятий «надежда» и «якорь»	105
4.3. Интерпретация понятия «надежда» словарями восточнославянских языков	106
4.3.1. <i>Надежда</i> в древнерусском языке	106
4.3.2. <i>Надежда</i> в русском языке	108

4.3.3. <i>Надзея</i> в белорусском языке	113
4.3.4. <i>Надія</i> в украинском языке	116
4.3.5. Сопоставительный анализ ЛСВ репрезентантов понятия «надежда» в восточнославянских языках	117
4.4. Истоки абстрактной семантики праславянских лексем * <i>naďęja</i> и * <i>nadedęa</i>	118
Глава 5. Лексикографическая интерпретация абстремы <i>любовь</i> ...	122
5.1. Языковой знак <i>любовь</i> как объект лингвистического исследования.....	122
5.2. Интерпретация понятия «любовь» словарями восточнославянских языков	125
5.2.1. <i>Любовь</i> в древнерусском языке.....	125
5.2.2. <i>Любовь</i> в русском языке	126
5.2.3. <i>Любоў</i> в белорусском языке	132
5.2.4. <i>Любов</i> в украинском языке.....	134
5.2.5. Сопоставительный анализ ЛСВ репрезентантов понятия «любовь» в восточнославянских языках	137
5.3. Этимология лексемы <i>любовь</i>	138
5.3.1. Первоначальная семантика слов с корневой морфемой - <i>люб</i> -	139
5.3.2. Первоначальное значение ‘давать обет, обещать’	144
5.3.3. Этимологическая связь значений ‘любимый’ и ‘сухой’ ...	147
5.3.4. Генетическая связь значений ‘любить’ и ‘ворожить’	151
5.3.5. Христианское понимание агапической любви	155
Заключение	158
Приложения	163
Литература	208

Герасимович, О. В.

Г37 Восточнославянская семантическая аксиология (*вера, надежда, любовь*) / О. В. Герасимович. – Минск : Беларус. навука, 2013. – 245 с.

ISBN 978-985-08-1520-0.

В книге доказываются структурная и семантическая слитность триединого комплекса «*вера, надежда, любовь*» в синхронии и диахронии; определяется и сравнивается смысловой объем репрезентантов понятий «вера», «надежда», «любовь» в толковых, исторических и диалектных словарях восточнославянских языков; выделяется общее и особенное в представлении носителей русского, белорусского и украинского языков о высших нравственных идеалах; приводятся результаты этимологического анализа лексем *вера, надежда, любовь*.

Предназначена для славистов, этнолингвистов, а также для всех, кто интересуется традиционной духовной культурой восточных славян.

УДК 811.16'37

ББК 81.2-3

Научное издание

Герасимович Ольга Викторовна

**ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ
СЕМАНТИЧЕСКАЯ АКСИОЛОГИЯ**
(вера, надежда, любовь)

Редактор *О. Н. Масухранова*

Художественный редактор *В. А. Жахавец*

Технический редактор *О. А. Толстая*

Компьютерная верстка *О. М. Пархоменко*

Подписано в печать 15.02.2013. Формат 84×108 $\frac{1}{32}$. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 12,92+0,21 вкл. Уч.-изд. л. 11,4. Тираж 200 экз. Заказ 39.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
ЛИ № 02330/0494405 ад 27.03.2009. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.

Картина «Вера, Надежда, Любовь и София»

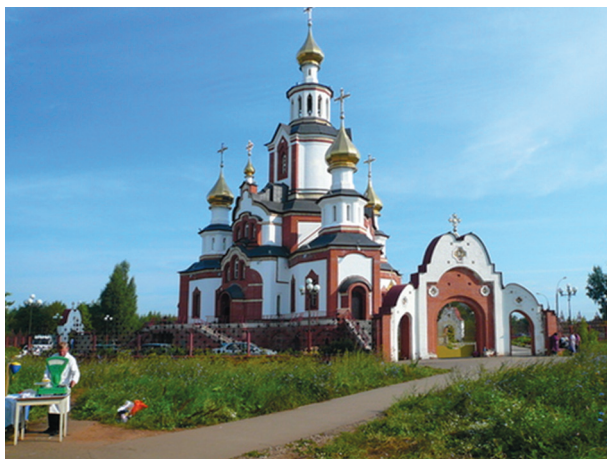
Ювелирное украшение серии
«Вера, Надежда, Любовь»

Икона с изображением святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии

Скульптура «Вера, Надежда, Любовь и мать их София» (г. Санкт-Петербург)

Церковь Веры, Надежды, Любви и матери их Софии
(г. Киров)

Церковь Веры, Надежды, Любви и матери их Софии
(пос. Кокошкино)

Церковь Веры, Надежды, Любви и матери их Софии (г. Бобруйск)